

1150

63
и 904

ИСТОРИЯ Петеробурга

№1 (23)/2005

Дорогие читатели!

*На журнал «История Петербурга»
можно подписаться в любом
отделении связи по каталогу
«Роспечати»*

Подписной индекс 14244

*Журнал «История Петербурга»
выходит 6 раз в год*

Наш журнал можно
приобрести в магазинах:

«Летний сад»

(Большой пр. П.С., 82,
тел. 232-2104),

«Дом Крылова»

(Садовая ул., 20,
тел. 310-4487),

«Галерея Третьякова»

(Пионерская ул., 2,
м. «Спортивная»),

а также

во многих центральных
книжных магазинах города

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 1 (23). 2005

Содержание

ОТЦЫ ГОРОДА

В. А. Бачинин

Петр I как религиозный тип

3

ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ПЕТЕРБУРЖЕНКИ

Г. П. Игнатьева

Николай Александрович Морозов – узник Шлиссельбургской крепости (1884–1905)

6

Н. М. Хайт

Гордость нашего города

11

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

М. Н. Барышников, Т. Е. Барышникова

Иностранцы в деловой жизни Петербурга в первой половине XVIII века

18

А. Н. Тагирджанова

Татарское подворье в Санкт-Петербурге – идея, реализованная столетие спустя

24

МУЗЕИ ПЕТЕРБУРГА

Б. Ф. Апарин

100 лет Центральному музею почвоведения им. В. В. Докучаева

27

Е. И. Кочерова, Ю. В. Мудров

Живопись европейских мастеров

31

ЖИВОПИСНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

О. П. Вареник

Карл Брюллов: «Моя жена – художества...»

34

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СЕМЬЯ

К. В. Овчинников

Мои предки – Докучаевы и Приморские

40

М. М. Гаккель

Судьба двух братьев – ленинградских инженеров

44

ГОРОДСКОЙ ФОЛЬКЛОР

Н. А. Синдаловский

Допетербургская история Петербурга

51

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Н. В. Лаврентьев

О чем поведала старая открытка

60

ОТРЫВКИ ИЗ БУДУЩЕЙ КНИГИ

Н. П. Столбова

Далекое прошлое охтинских берегов

62

СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ

О. Р. Ницман

«Муха» шестидесятых

66

ПРИГОРОДЫ

И. О. Пащинская

Дуб Вашингтона на Царицыном острове в Петергофе

70

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

В. Ф. Пятинин

Как возрождалось имя Петербурга. Хроника событий

73

ПЕТЕРБУРГСКОМУ УЧИТЕЛЮ

С. А. Якимова

Размышления петербургских школьников об истории родного города

77

А. Кумейко

«Ополчася верую, мы победим!»

(Личность А. В. Суворова)

77

О. Соколова

Судьба царскосельского Софийского собора в судьбе земли русской

80

М. Прокофьева

Сампсониевский собор – славная страница Полтавской победы

81

СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ

С. Н. Полторац

Штаб Петроградского военного округа в годы Гражданской войны: хроника событий

85

Командующие войсками

Ленинградского военного округа

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

Михаил Ильич Казаков

92

А. С. Дубин

Памяти профессора С. С. Шульца

95

Заседание редколлегии журнала

«История Петербурга»

98

Сведения об авторах

99

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Л. И. Амирханов

Е. В. Анисимов, доктор исторических наук, профессор

Ю. С. Васильев, доктор технических наук, профессор, академик РАН

Е. В. Анисимов, доктор исторических наук, профессор

Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор

Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. К. Гуркина, доктор исторических наук, профессор

В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор

Ю. А. Лимонов, доктор исторических наук, профессор

В. М. Лурье

Г. В. Митчелл, доцент

Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор

О. И. Молкина

Ю. В. Мудров

В. Е. Павлов, доктор технических наук, профессор

Р. Э. Павлова

Л. К. Плещачева (ответственный секретарь)

В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор

В. Л. Пянкевич, доктор исторических наук, доцент

Т. А. Славина, доктор искусствоведения, профессор

А. А. Смирнова, кандидат исторических наук, доцент

Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор

В. П. Третьяков, доктор психологических наук, профессор

И. М. Триодина, кандидат культурологии

С. Б. Ульянова, кандидат исторических наук, доцент

А. Н. Чистиков, кандидат исторических наук

В. П. Яковлев, кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Учредитель С. Н. Полторак

Адрес редакции

195251, Россия, Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29

Тел. (812) 324-66-13

E-mail: nestorklio@mail.ru

<http://www.spbhistory.spb.ru>

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга» осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2005

© Авторы публикаций, 2005

© Издательство «Нестор», 2005

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — Вид Невы и стрелки Васильевского острова с фондовой биржи. *Фрагмент.*

Художник А. К. Бегзов. 1879 г.

На 4-й странице обложки — Стрелка Васильевского острова с Ростральной колонной. *Художник А. П. Боголюбов. 1889 г.*

Петр I как религиозный пилл

В. А. Бачинин

Когда мы размышляем о том, что происходило с Россией, народом, государством и его новой столицей во время петровских преобразований, то нельзя упускать из виду того, что в то же самое время происходило с главным виновником всех метаморфоз – самим царем Петром, с его характером, душой, с его политическим, нравственным, религиозным сознанием. Крайне важно постичь суть того типа религиозности, каковым обладал русский монарх, поскольку для христианина это наиболее глубинный уровень мотивации, под влиянием которого находятся все остальные мотивационные уровни.

Петр не был истово верующим человеком. У него отсутствовала склонность к мистическому мироощущению. Его отношение к православной церкви было, мягко говоря, неоднозначным. Вместе с тем он, несмотря на ярко выраженную симпатию к цивилизованности европейских, преимущественно протестантских стран, не стал протестантом. Не был он и безбожником-атеистом, хотя на его совести немало проступков с явно безбожной направленностью.

Архимандрит Иоанн (Экономцев) так писал о религиозности Петра: «Чувство мистического восприятия Церкви у него было атрофировано. Он был совершенно равнодушен к церковной догматике. Обряды вызывали у него скорее иронию и даже какое-то сатанинское искушение к пародийному фарсу... Безусловно, Петр был обошелся без православного христианства – протестантские концепции были понятнее для него и более подходили для его целей, но они не имели никаких шансов укорениться в огромной стране, альтернативы православию не существовало. Царь мог пародировать православные обряды на всешу-

тейном соборе, но обойтись без православия он не мог»¹.

Личная вера Петра

Первые представления о сути христианской веры Петр получил в период первоначального образования, с пятилетнего до десятилетнего возраста. Грамотный и добронравный дьяк Никита Зотов, служивший в приказе, ведавшем финансами, был приставлен к пятилетнему Петру, чтобы обучать его грамоте. После освоения азбуки они прочли Часослов, Псалтирь и Евангелие, и тем самым как бы выполнили то, что требовалось на начальной ступени образования в древнерусском царском обиходе.

Что же касается настоящего, полноценного религиозного, христианского воспитания, то его Петр не получил. Собственная же, внутренняя, прирожденная религиозность его души была незначительной и слабо проявлялась в его повседневном внешнем поведении. Лишь в особые, критические моменты личной или общегосударственной жизни религиозное сознание Петра как бы просыпалось, выходило из дремотного состояния.

Русские историки нередко преувеличивали религиозность Петра. Так, С. М. Соловьев, например, писал: «Сознание обязанностей своих к Богу, глубокое религиозное чувство высказывалось постоянно у Петра, поднимало дух в его бедах и не давало заноситься в счастье». Исследователь приводит слова Петра из программы к празднованию Ништадтского мира: «Сие поистине чудо Божие; тут возможно видеть, что все умы человеческие ничто есть против воли Божией». Или вот еще одно высказывание, принадлежащее Петру и кочующее по книгам о нем: «Кто забывает Бога и Его не хранит, тот при всей своей

работе не будет иметь успеха и мало пользы получит».

Основание Петербурга Петром I в 1703 г. Дореволюционная открытка

Думается, что репризы такого рода вряд ли следует считать выражением личной веры Петра. Как умный правитель, радеющий о благе государства и признающий дисциплинарную эффективность христианства, Петр периодически изрекал глубокомысленные сентенции религиозно-нравственного характера. Этого требовали обстоятельства времени и места.

Жажда небесного покровительства в значимых морских предприятиях заставила Петра давать своим первым судам, строившимся в Архангельске, характерные названия: «Святой Павел», «Святой Петр», «Святое Пророчество».

О склонности Петра обращаться к Богу при экстраординарных событиях свидетельствует случай его спасения от гибели во время шторма в Белом море. В июне 1694 года царь решил отправиться на

«Святом Петре» из Архангельска в Соловецкий монастырь. Во время плавания разыгрался сильный шторм. Команда и пассажиры уже готовились к смерти. И хотя архиепископ причастил Петра, тот не сложил руки, а, взяв на себя роль рулевого, продолжал упорно править судном. Вдвоем с лоцманом они, борясь с рулем и штормом, направили судно в узкий проход Унской губы. Вскоре им удалось войти в бухту, что было равнозначным спасению.

На следующий день Петр самолично сколотил огромный деревянный крест, сам отнес его на берег и установил в том месте, куда ступила его нога после спасения. На кресте он сделал надпись по-голландски: «Сей крест сооружен капитаном Питером летом 1694 года».

Примечательно, что когда царь задумал отправиться в Европу, то одна из версий, с помощью которой приближенные пытались объяснить мотивы, движущие им, заключалась в предположении, будто Петр намеревался исполнить обет посещения в Риме гробницы святого апостола Петра и что этот обет был дан им во время памятного шторма в Белом море.

В личной жизни Петра, как и любого человека, периодически происходили драматические события, связанные с утратами, страданиями, болезнями. Когда в январе 1716 года Петр получил от жены, царицы Екатерины, известие о смерти царевича Павла, то ответ его был: «Но что ж могу на то ответство дать? токмо с многострадальным Иевом: Господь даде, Господь и взьят; якоже же годе ему, тако і бысть. Бужи имя Господне благословенно отныне і до века».

И все же, если говорить о степени религиозности души Петра, то следует признать, что она была невелика. Об этом свидетельствует характер кончины императора. Как правило, преддверие смерти всегда отчетливее, чем что-либо, свидетельствует о глубине и силе индивидуальной религиозности. Однако то, что происходило с Петром перед смертью, говорит, скорее, о слабости его личной веры, чем о ее силе. Тяжело заболел и оказавшись на смертном одре, он, хотя и выказал искреннее раскаяние в совершенных прегрешениях, все же пал

духом и страшно боялся смерти. В его поведении в последние дни и часы не было истинно христианского смирения и готовности принять жребий, ниспосланный Богом. Не просматривалось в нем и глубокой убежденности в том, что он находится в преддверии вечной жизни.

Богохульства Петра

Крайними проявлениями слабостью личной веры Петра следует признать его склонность к богохульным выходкам. Характерно, что они чаще всего были связаны с грандиозными попойками, в которых участвовало все окружение Петра. Состояния глубокого опьянения, не неся в себе извинительного начала, позволяют, однако же, хоть в какой-то степени объяснить те ближайшие побудительные факторы, которые толкали царя на столь опасную стезю.

Наиболее одиозный характер носили так называемые «всепьянейшие», «всешутейные соборы» с шутами, скоморохами и потешными ряжеными, изображавшими «князя-папу», «кардиналов», «епископов», «архимандритов» и т. п. Эти «соборы» имели вид служений языческому богу Бахусу и подчинялись заповеди: «Бахус должен почитаться изрядным и преславным пьянством и получать должное ему». Это означало, что участники «собора» не имели права покидать его трезвыми.

Эти богохульные сборища, внешне направленные против римско-католической церкви, приносили огромный вред репутации монарха. Они распространяли в народе дурную славу о Петре как антихристе. Ее усугублению способствовало также не слишком почтительное, а временами и просто глумливое обращение царя с православными иерархами.

Существуют различные версии объяснений, в которых представлены попытки понять смысл и мотивы кощунственных выходок Петра. Эти эпатажные сцены никак не соответствовали не только его статусу монарха, возглавляющего христианскую державу, но и вообще нормам поведения обычного христианина. Определенный свет на этот удивительный феномен

проливает творчество великого русского писателя Ф. М. Достоевского.

«Подполье» и «карамазовщина» как ключевые понятия

Более ста лет тому назад русский социолог Н. К. Михайловский заметил, что русское общество до сих пор не знает Петра, что оно смутно представляет себе его личность и характер. К настоящему времени в этом вопросе мало что изменилось. До сих пор душа великого русского реформатора, несмотря на сотни написанных о нем книг, — это потемки. И так, очевидно, будет всегда, поскольку душа Петра — это не лабиринт, который можно было бы рано или поздно исследовать целиком, до самого последнего закоулка. Она гораздо сложнее, ибо несет в себе то, что Достоевский называл «подпольем». Темный «подвал», бездонное «подполье» души Петра — вот средоточие тех загадок и тайн, которые историки и психологи никогда не смогут расшифровать до конца.

Самые сумрачные впечатления от пережитого откладывались в глубинах души Петра начиная с детства. Десятилетним мальчиком он стал свидетелем устрашающих сцен стрелецкого мятежа и кровавой расправы бунтарей над близкими ему людьми. Историк Н. Н. Фирсов так писал об этом: «Никогда в течение всей жизни Петр не мог забыть этих кошмарных минут, заложив в его душу восприимчивость к страху, они в воспоминаниях воспитывали в Петре чувства, идущие рука об руку со страхом, — чувства ненависти и мести. Кровью был облит порог жизни Петра, как ртуть, подвижного мальчика, с доверием смотревшего на мир широко раскрытыми, любознательными глазами, в которых мелькнул ужас, — и эта, столь много обещавшая жизнь была испорчена. Потому и была испорчена жизнь, что уже в детстве в душу Петра залегли тлетворные чувства — страх и злоба, послужившие началом порчи его личности»².

Выросший, возмужавший Петр не стал откровенным злодеем, эдаким русским Ричардом III. Ему не была свойственна чрезмерная кровожадность. Не приобрел он и

способности получать удовольствие от совершившихся на его глазах кровопролитий. Однако слабо ощущавшееся присутствие в его духе религиозного начала, христианской богобоязненности делало его беззащитным перед тем темным, что жило внутри его существа. Поэтому нередки были случаи, когда аффекты и страсти превращали Петра в устрашающее подобие яростного зверя.

Спустя полтора столетия Достоевский подвергнет тщательному изучению феномены «впадений» человека в животность и зверство. После выхода в свет его романа «Братья Карамазовы» (1880) подобные проявления станут называть проявлениями «карамазовского» начала.

«Карамазовщина», как темное, разрушительное начало, как «союз ума и фурий», способна выступать в трех основных ипостасях – дионисийной, брутальной и цинической. Первая – это «карамазовщина», генетически связанная с традициями древних языческих оргий, сходная с античными *дионисийством*. Она не ведает меры и различий между добром и злом, приличным и постыдным, благом и пороком, красотой и безобразием, дозволенным и запретным.

Эта ипостась в полной мере проявилась в пьяных оргиях Петра, в его «всешутейных» гульбищах с их срамом и непотребством.

Еще во времена дружбы с Ф. Лефортом Петр пристрастился к регулярным служениям «Ивашке Хмельницкому», как он сам на-

зывал пьяные оргии. В этих оргиях обнаруживались наиболее «карамазовские» свойства его природы. «Оргийное состояние, – писал историк Н. Н. Фирсов, – притупляло обычную человеческую чувствительность нервов, и психика на время настраивалась на холодно-жестокое тона, совершенно глухие к человеческому страданию. Петр хорошо понимал связь между впадениями в беспробудное пьянство и кровожадной свирепостью. В одной из записок к главному государственному палачу Ромодановскому Петр писал: «Перестань знаться с Ивашкой (имелся в виду «Ивашка Хмельницкий». – В. Б.), быть роже драной». Однако Петр не желал принимать во внимание, что и сам он, в сущности, действует по тому же рецепту. Он топил в вине постоянно жившие в нем внутренние опасения и инстинктивно искал в разгуле подкрепления для дальнейшей борьбы не на живот, а на смерть. На протяжении многих лет в жизни Петра шла рука об руку вино и кровь, все более и более портя его характер. Не лишенный природной доброты, он, однако, становился с каждым годом все беспощаднее³.

Другой модус «карамазовщины» – *брутальность*, предрасположенность к проявлениям жестокости. Она восходит к первообразу ветхозаветного Каина. В ней воля к жизни оборачивается волей к смерти, гибели, разрушениям и преступлениям. Здесь человек может превращаться в полузверя, совершенно безжалостного, никого

не щадящего. Если у Достоевского «карамазовщина» – это синоним отцеубийства, то у Петра она обнаружилась как сыноубийство. Если Каин поднял руку на единокровного брата, то Петр – на единокровного сына, царевича Алексея. Трудно вообразить что-либо более жестокое, тем более что Петр не был ни садистом, ни вообще жестокосердным человеком. Его душа не была столь мрачной, как у Ивана Грозного. Однако на нее временами находили затмения, наводившие ужас на окружающих.

Третье, *циническое* начало, восходящее к символической фигуре библейского Хама, проявляется как склонность к тотальному отрицанию норм цивилизованности и ценностей культуры, как необузданность в суждениях и действиях. В семье Карамазовых это русское хамство проявляется в виде сквернословия, «скверномыслия» и разнообразных «сквернодействий». Петру это все также было свойственно. Временами он чувствовал себя вне законов божеских и человеческих. Вседозволенность стала неотъемлемым свойством его природы.

«Карамазовщина» является образом-символом деструктивных, греховных начал в человеке. Разнообразные печальные и трагические жизненные впечатления подсказывали Достоевскому, что эти начала можно обнаружить почти в каждом человеке. Но патологический характер они принимают далеко не в каждом. Если в ком-то они пересиливают все остальные свойства, такой человек становится безобразен и страшен. Именно это произошло с Иваном Грозным. Но Петр избежал этой участи.

Этому в значительной степени способствовали особенности личности Петра. Историки видят в нем истинно великорусскую натуру с живой, мечтательной душой. Но он не был отвлеченным прожектером-утопистом. Его ум отличался практической направленностью. И в этом уме было немало макиавеллистских черт. Имея перед собой великую цель, он готов был использовать для ее достижения любые средства. Ему было чуждо нравственное чувство меры. Когда страсти захлестывали его, то следствия этой перехлестывающей че-

Ассамблея. Из дореволюционного издания (неустановленного)

рез край чрезмерности были нередко губительны. Безмерная власть, сосредоточенная в руках Петра, превращала эти всплески чрезмерности в источник бесчисленных бедствий для великого множества людей.

Бросается в глаза исключительная противоречивость личности, характера и поступков Петра. Как самое лучшее, так и наиболее дурное, присутствующее в русских людях, содержалось в личности Петра с избытком. По своим психологическим чертам, особенностям мышления, свойствам мировосприятия и мироотношения он являлся типичным представителем

российской цивилизации. Это был именно тип великоросса. Иными словами, это был характер, сформировавшийся внутри евразийского социокультурного пространства в результате как азиатских влияний, так и влияний европейских.

В Петре не было качеств той «симфонической личности», о которой в XX веке будут писать теоретики евразийства и которая способна синтезировать в себе европейские и азиатские культурные влияния. В нем эти два вектора присутствовали не в гармоничном сосуществовании, а в постоянных столкновениях, от которых во все стороны летели огненные искры.

То конфессиональное состояние, в котором пребывал Петр, было маргинальным. Это было типично русское состояние полуверия-полу-неверия. Из него были открыты пути как в истовое православие, так и евангельское богоискательство и, конечно же, в безбожие. В будущем, т. е. в конце XIX – начале XX века, все эти три направления обозначатся в духовной жизни Петербурга с предельной отчетливостью. А пока, за 200 лет до этого, Петр оказался знаковой фигурой, человеком-парадигмой, который первым в России сосредоточил в своей личности все эти три возможности, так и не отдав предпочтения ни одной из них.

¹ Иоанн (Экономцев), архим. Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху (К анализу церковной реформы Петра I) // Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антол. СПб., 2003. С. 610.

² Цит. по: Фирсов Н. Н. Петр Великий, Московский царь и император Всероссийский // Там же. С. 392.

³ См.: Там же. С. 393.

Николай Александрович Морозов — узник Шлиссельбургской крепости (1884—1905).

К 150-летию со дня рождения

Г. П. Игнатьева

8 июля 2004 года исполнилось 150 лет со дня рождения ученого-энциклопедиста, революционер-народника Николая Александровича Морозова (1854–1946). В 1870-х годах он участвовал в «хождении в народ»: «Если бы кто-нибудь спросил меня, считаю ли я движение 70-х годов за проявление борьбы общественных классов, то я ответил бы, что более всего я склонен в нем видеть борьбу русской учащейся, полной жизненных сил интеллигенции со стесняющим ее правительственным и административным произволом. Класс русского студенчества, если позволено так выразиться, и ряд солидарных с ним интеллигентных слов боролся за свою свободу, которую они сливали со свободой всей страны, за свое будущее, за

живую науку в университетах и других учебных заведениях. Не чувствуя за собой достаточно сил, они обратились за помощью к простому народу под первым попавшимся идеалистическим знаменем и сделали из крестьянства себе бога. Как равнодушно встретил их народ 70-х годов, уже показала история»¹.

Участники «хождения в народ» были арестованы и преданы суду. Морозову был вынесен сравнительно мягкий приговор: год и три месяца тюрьмы с зачетом трех лет предварительного заключения.

После освобождения он вступил в организацию «Земля и Воля». В своих воспоминаниях он писал об этом: «Нас было не более 15 человек на всю Россию, и подбирали мы себя, совсем не спрашивая, каких

кто убеждений, а исключительно по нравственным качествам и по готовности жертвовать собой в борьбе против деспотизма, и социализм понимался исключительно в смысле идеалистическом...»²

В 1879 году, после раскола «Земли и Воли», Морозов вошел в организацию «Народная воля», где занимал руководящее положение, являясь членом исполнительного комитета и членом редакционной коллегии газеты «Народная воля». В 1881 году он был арестован, суд приговорил его к пожизненному заключению. Четыре года Морозов содержался в Петропавловской крепости и 21 год – в Шлиссельбургской.

История Шлиссельбургской крепости насчитывает семь веков, она началась в начале XIV века,

когда новгородцы построили крепость Орешек на маленьком острове в истоке Невы из Ладожского озера. Тюремная история крепости продолжалась 200 лет, до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Самые мрачные и самые героические страницы в тюремную историю Шлиссельбурга вписали народо-вольцы, приговоренные к пожизненному заключению.

Для них было построено новое двухэтажное тюремное здание и перестроен секретный дом XVIII века. Впервые двери одиночных камер открылись 2 августа 1884 года. На баржах из Петропавловской крепости были доставлены Николай Морозов, Михаил Фроленко, Григорий Исаев, Михаил Грачевский, Николай Щедрин и другие. Многие из них провели в камерах Шлиссельбурга долгие годы: Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, М. Р. Попов – по 21 году, В. Н. Фигнер, М. Ю. Ашенбреннер – по 20 лет, М. В. Новорусский, Г. А. Лопатин – по 18 лет. Всего с 1884 по 1906 год заключение отбывали 68 человек, из них 15 были казнены, 15 умерли от болезней, 8 сошли с ума, 3 покончили с собой. Таков мрачный итог этого двадцатилетия.

Шлиссельбург еще с XVIII века знал только безымянных колодников, как писали в то время в официальных бумагах. Этот обычай сохранился и в дальнейшем. Каждый, кто входил в крепость, терял свое имя, как терял все связи с внешним миром. Вместо имени он обозна-

Прогулочные дворы народо-вольцев («клетки»). XIX в.

чался номером. «Людей не было, остались только тени прошлого», – писал Николай Александрович Морозов в одном из писем. «Сам я был тенью, простым № 4-м»³. Медленно тянулся день в одиночной камере, без книг, без физического труда, в мертвой тишине. Это однообразие прерывалось только короткой прогулкой в маленьких двориках длиной 15 шагов и шириной 3 шага, которые узники называли «клетками» или «стойлами».

Убийственно однообразной в первые годы была и пища. «Стоило вспомнить, какое блюдо было за обедом, чтобы определить, какой

это был день недели»⁴, – писал Л. Ф. Янович. Повторяемая изо дня в день, из месяца в месяц однообразная, недоброкачественная еда внушала отвращение и заставляла добровольно отказываться от нее. Если материальные лишения заключенные переживали тяжело, то моральные условия были для многих смертельны, так как главное в тюремном режиме – это одиночное заключение, которое создает тягостную обстановку, подавляет волю узника. Н. А. Морозов писал: «Самая главная пытка – это одиночество под вечным враждебным наблюдением и вечное безмолвие»⁵. В. Н. Фигнер свои воспоминания о Шлиссельбурге назвала: «Когда часы жизни остановились». Название было глубоко символичным, время останавливалось для тех, кто переступал порог одиночной камеры, и долго тянулись дни – длинные, серые, утомительные в своей праздности, похожие на сны без сновидений и ночи, полные кошмаров. Крепость была тюрьмой заживо погребенных. В. Н. Фигнер писала: «Со всех сторон нас обступала тайна и окружала неизвестность, не было ни свиданий, ни переписки с родными. Ни одна весть не должна была ни приходиться к нам, ни уходить от нас. Ни о ком и ни о чем не должны были мы знать и никто не должен был знать где мы... что мы...»⁶. Тюремный режим неуклонно вел уз-

Новая тюрьма и кордегардия. XIX в.

ников к смерти, они гибли от истощения, безумия, чахотки. В первые годы умерли Буцевич, Златопольский, Богданович, Варынский, Кобылянский, Исаев и другие, покончили с собой Клименко и Грачевский, были казнены Минаков и Мышкин. Тюрьма была настоящим «мертвым домом», умирали совсем молодые люди в возрасте 27–35 лет.

Н. А. Морозов и в рavelине Петропавловской крепости, и в Шлиссельбурге был поражен всеми болезнями, которые только находили доступ в эти тюремные тайники. Отвечая сестре на вопрос о здоровье, он писал 24 февраля 1898 года: «Могу тебя только успокоить, что никакой смертельной болезни у меня пока нет, а что касается до не смертельных, то их было очень много. Было и ежедневное кровохарканье в продолжение многих лет, и цинга 3 раза, бронхиты, хронические катары, даже грудная жаба. Года 3 назад был сильный ревматизм в ступне правой ноги, убедившись, что никакие лекарства не помогают, вылечил его очень оригинальным способом: каждое утро, встав с постели, я минут 5 (вместо гимнастики) танцевал мазурку. Это был ужасный танец: словно бьешь босой ногой по гвоздям. Но зато через 2 недели такой гимнастики ревматизм был выбит из ступни и более туда не возвращался! Раз 3 совсем приходилось умирать от разных острых болезней, но каждый раз с успехом выдерживал борьбу со смертью»⁷.

О Николае Александровиче Морозове В. Н. Фигнер писала, что он был узником «с высохшим телом»⁸: так он был худ, слаб и истощен тюремной жизнью. В письме родным 4 августа 1899 года он писал, что доктор предложил ему взвеситься, и в нем оказалось 56 кг, что при его довольно высоком росте было очень мало. Но зимой и этот вес начал быстро уменьшаться. «И я высчитал тогда, — писал Морозов, — что если так продолжится, то ровно через полтора года я обращусь в перышко и полечу к вам по воздуху»⁹. Одной из самых трагичных черт шлиссельбургской жизни было пребывание там душевнобольных вместе со здоровыми. Н. А. Морозов считал, что нужен талант Достоевского для яркого описания жизни в кре-

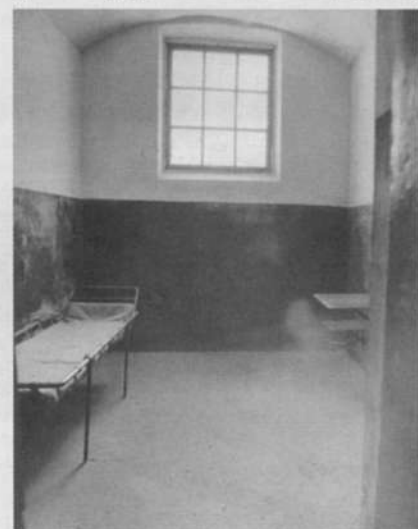
Николай Александрович Морозов в Шлиссельбургской крепости в 1884–1905 гг.

пости, где общий психический тон давало насильственное заточение вместе со здоровыми или полуждоровыми людьми нескольких безнадежно помешанных или со страшно расстроенными нервами товарищей. После описаний М. В. Новорусского и М. Ф. Фроленко «наше пребывание в Шлиссельбургской крепости могло показаться читателю тихой работой в каком-то культурном уголке в царствование Александра III и первых лет Николая II, тогда как на деле мы находились в самой глубине самодержавного пекла»¹⁰. Александр III прекрасно знал из докладов своих министров о положении душевнобольных в Шлиссельбурге. Совершенно сознательно он не давал разрешения переводить их из тюрьмы в больницы. Царь превосходно рассчитал, что пребывание душевнобольных вместе со здоровыми делает из Шлиссельбурга самое страшное и «неприятное наказание»¹¹, по его словам.

«Помешанные жили с нами рядом, — писал М. Ю. Ашенбреннер в своих воспоминаниях, — превращая наше обиталище в преисподнюю. Глядя на сумасшедших, здоровые видели свою страшную судьбу и оценили вполне бессрочное пребывание в тюрьме взамен смертной казни»¹².

Психические расстройства были неизбежным следствием тюремного режима для тех заключен-

ных, кто, по словам Морозова, не имел возможности заниматься трудом и не имел других интересов, кроме интересов в общественной и революционной деятельности. Такая участь постигла Н. П. Щедрина, В. П. Конашевича, Н. Д. Похитонова, П. С. Поливанова и других, которые в таком состоянии провели в тюрьме много лет. Что происходило в тюрьме в повседневной жизни? «...Жутко безумный рев сошедшего с ума Щедрина, воображавшего себя то медведем, то другим диким зверем... сопровождался битьем кулаком в гулкую дверь камеры, обитую железом. Затем наступала гробовая тишина, после которой начиналось безумное пение сошедшего с ума Конашевича». «Мороз пробегал по коже и волосы шевелились на голове от этого пения даже у того из нас, кто слышал его каждый день в продолжение многих лет»¹³. Тюремное начальство нередко просило Морозова успокоить то одного, то другого. Когда были разрешены прогулки вдвоем, ему поочередно пришлось гулять с этими больными. Он старался развлекать их разными рассказами, чтением. Иногда это было связано с риском для жизни. Поливанов в припадке безумия мог ударить человека. «Положение мое было мучительное, и я доходил до истощения нервных сил». Такова была моральная обстановка, при которой приходилось остальным, не обезумевшим, разводить свои цветники, делать художественные шкатулки,

Камера в новой тюрьме. Фото 1985 г.

собирать гербарии, изучать астрономию, математику и другие науки и преподавать их друг другу»¹⁴. Слабый, болезненный, вечно пораженный каким-нибудь недугом, он выдержал огромный срок самого тяжелого тюремного заключения, между тем как другие – физически более сильные – погибли.

Что же спасало Морозова и давало ему силы вынести нечеловеческие страдания? «Если я не сошел с ума во время долгого одиночного заточения, то причиной этого были мои разносторонние научные интересы»¹⁵, – писал Н. А. Морозов. Вера в естественно-математические науки и запас знаний поддерживали его в трудные годы жизни в заточении, когда он остался без книг, внешних впечатлений, без всякой практической деятельности. «В тиши равелина в нем проснулся мыслитель, – писала В. Н. Фигнер, – и тогда же в его уме зародились основные идеи по вопросу о строении вещества, которым он посвятил свою главную работу»¹⁶. Но в равелине не давали письменных принадлежностей, и вся работа мысли оставалась в голове. Зато в Шлиссельбурге, когда появились книги, бумага, карандаши, Николай Александрович всецело отдался любимым занятиям химией, астрономией, математикой, физикой. День за днем он обдумывал и набрасывал на бумагу гипотезы и соображения, делал бесконечные вычисления, составлял таблицы и схемы. Он мыслил и писал, одушевленный несокрушимой надеждой, что его идеи когда-нибудь увидят свет. К концу заключения в тюрьме у него накопилось 26 томов рукописей по 500–800 страниц каждый том, которые он сам аккуратно переплетал. Эти рукописи стали основой его будущих книг: «Периодические системы строения вещества. Теория возникновения современных химических элементов», «Функция. Наглядное изложение дифференциального и интегрального исчисления и некоторых его приложений к естествознанию и геометрии», «Основы качественного физико-математического анализа и новые физические факторы, обнаруживаемые им в различных явлениях природы», «Векторная алгебра»,

Старая тюрьма, начало XX в.
Рисунок узника крепости в 1901–1906 годах П. Карповича

«Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса», «Вселенная», «Христос», «Звездные песни», «На границе неведомого» и другие. В тюрьме, чтобы пользоваться иностранной литературой, он изучил английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, польский, греческий языки, давал уроки иностранных языков М. Ф. Фроленко, читал курс дифференциального и интегрального исчисления С. Иванову и другим узникам. Занятия астрономией увлекли его к занятиям историей первых четырех веков христианства.

Накануне освобождения в 1904 году, когда шел уже 25-й год его заточения, он писал: «Начинаешь чувствовать, что жизнь не бесконечна и ни одного потерянного даром дня не вернешь. И хочется поскорее закончить научные труды»¹⁷.

*Догорает свеча, догорает,
А другого светильника нет!
Пусть мой труд
остановки не знает,
Пока длится мерцающий свет!*

*Пусть от дремы,
усталости, скуки
Ни на миг не потускнет
мой взгляд,
Пусть мой ум,
мое сердце и руки
Сделать все, что возможно,
спешат.*

*Чтоб во сне меня
мысль утешала,
Чтоб последняя вспышка огня,
Чтоб последняя искра застала
За работой полезной меня!*

*Чтоб, уйдя поневоле к покою,
Мог сказать я
в тот горестный час,
Что умножил хоть каплей одного
Добрых дел моих скудный запас.*

Беспредельная любовь к людям, вера в торжество идеалов, которым он служил, давали ему силы выносить голод, болезни, тяжесть одиночества и скорбь о погибших. В тюрьме он был неизменно добр, мягок, чуток к товарищам, недаром его называли «третьей сестрой», первые две были Вера Фигнер и Людмила Волкенштейн. «В тюрьме, где все было серо и однообразно, – вспоминала Фигнер, – где видишь одни и те же лица, слышишь все те же речи, добрый и веселый товарищ – сущий клад»¹⁸. Сам Морозов говорил, что благодаря науке он «сохранил в себе живую душу и восприимчивость не только к печальному, но и смешному... Кто по природе склонен к унынию, кто думает только о самом себе, тот будет несчастлив, где бы он ни был, и с кем бы он ни был»¹⁹. Когда беда грозила товарищу, Морозов действовал быстро и решительно, он спас жизнь В. Н. Фигнер. В 1902 году администрация тюрьмы решила ужесточить режим заключения узников, в результате чего они лишились многих прав и приобретений, завоеванных в тяжелой борьбе в течение долгих лет. В. Н. Фигнер написала об этом в письме матери, надеясь, что письмо прочтут в департаменте полиции и не допустят произвола тюремного начальства.

Вера Николаевна Фигнер в Шлиссельбургской крепости в 1884–1904 гг.

Но администрация крепости, прочитав ее письмо, потребовала от Фигнер написать другое, а в случае отказа лишала ее права переписки с родными. Это означало, что никто никогда не узнает о событиях в крепости. Нужен был немедленный протест. В. Н. Фигнер решила пожертвовать собой. «Только тут я поняла всю серьезность момента, — писала Фигнер, — нужно было решиться, сейчас же, сию же минуту... Мгновенно мои руки поднимаются; я касаюсь плеч зрителя и с силою срываю с него погоны»²⁰. Фигнер сообщила своим товарищам о случившемся. Заключенные прекрасно понимали, что за этим последует: быстрый полевой суд и расстрел. Так погиб в 1884 году Е. И. Минаков, а в 1885 году — И. Н. Мышкин. Спасая Фигнер, Морозов сделал все возможное, чтобы дело не дошло до суда. В обращении в департамент полиции он представил дело так, что оно выглядело как результат происшедших перед этим тягостных сцен в тюрьме (избиение жандармами Сергея Иванова во время его нервного припадка). Это спасло Веру Николаевну от расстрела и заключенных от ужесточения тюремного режима.

Неистребимая вера в освобождение никогда не покидала его. Каждую зиму он говорил, что это произойдет весной, а когда проходила весна, говорил, что они выйдут из тюрьмы осенью, и так без конца проходили год за годом. По

поводу его предсказаний возникали насмешки, анекдоты, но он не смущался и не переставал верить. 20 лет. 26 октября 1905 года жандармы позвали его вместе с товарищем с прогулки, не говоря зачем, он на недоумение спутника с величайшей простотой ответил: «Да затем, чтобы объявить об освобождении!» На этот раз он угадал, действительно, их звали, чтобы объявить об «амнистии»²¹.

Книгу стихотворений, написанных в Шлиссельбурге, Морозов назвал «Звездные песни». Он писал о ней: «Не все эти песни говорят о

Астрономию, звездное небо он любил бесконечно. Пулковские астрономы в 80-летний юбилей Морозова (в 1934 году) назвали его именем малую планету — астероид «Морозовия».

В 2003 году к 300-летию победоносного штурма крепости петровскими войсками именем Орешек названа малая планета в созвездии Кита, открытая астрономом Крымской астрофизической обсерватории Людмилой Васильевой Журавлевой.

Музей в Шлиссельбургской крепости хранит память о Николае

Шлиссельбургская крепость. Вид с левого берега. 1906 г.

звездах. Нет! Многие из них были написаны во мраке непроглядной ночи, когда сквозь нависшие черные тучи не глядела ни одна звезда. Но в них всегда было стремление к звездам, к тому недостижимому идеалу красоты и совершенства, который нам светит по ночам из глубины вселенной. Вот почему я дал им это название»²².

Александровиче Морозове в экспозициях, экскурсиях.

Как свет от далекой звезды идет к нам много лет, так и свет от яркой, неповторимой личности Николая Александровича освещает и согревает нас, его потомков.

Фотографии из фондов Музея истории Петербурга.

¹ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. 1. С. 91.

² Там же. Т. 3. С. 261.

³ Морозов Н. А. Письма из Шлиссельбургской крепости. СПб., 1910.

⁴ Шлиссельбуржец Л. Ф. Янович. СПб., 1907. С. 50.

⁵ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. 3.

⁶ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. М., 1933, Т. 2: «Когда часы жизни остановились». С. 17–18.

⁷ Морозов Н. А. Письма из Шлиссельбургской крепости. С. 41.

⁸ Фигнер В. Н. Полное собрание сочинений. М., 1929. Т. 4: Шлиссельбургские узники. С. 169.

⁹ Морозов Н. А. Письма из Шлиссельбургской крепости. С. 67.

¹⁰ Морозов Н. А. Повести моей жизни. Т. 3. С. 7.

¹¹ «Музей Революции». 1923. Вып. 1. С. 56–57.

¹² Ашенбреннер М. Ю. Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет. 1884–1904 // Былое. 1906. № 1. С. 69.

¹³ Морозов Н. А. Письма из Шлиссельбургской крепости. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Морозов Н. А. Повести моей жизни. Т. 3. С. 10.

¹⁶ Фигнер В. Н. Шлиссельбургские узники. М., 1929. С. 169.

¹⁷ Морозов Н. А. Письма из Шлиссельбургской крепости. С. 231.

¹⁸ Фигнер В. Н. Шлиссельбургские узники. С. 168.

¹⁹ Морозов Н. А. Письма из Шлиссельбургской крепости. С. 27.

²⁰ Фигнер В. Н. Собрание сочинений. М., 1929. Т. 2. С. 223.

²¹ Фигнер В. Н. Шлиссельбургские узники. С. 167–168.

²² Морозов Н. А. Звездные песни. М., 1921.

Гордость нашего города

Н. М. Хайт

из таких корпусов сейчас известен под №10, и в нем находится лингвистический центр института; а в 50-х годах прошлого века его именовали «профессорским»: в то время там жили преподаватели.

Полянский Юрий Иванович (1904–1993) – известнейший в мире биолог. Он занимал должность заведующего кафедрой и проректора Пединститута. За его спиной были и военные дороги. Не раз Юрию Ивановичу довелось доказать преданность Родине. Но в сложное послевоенное время, когда началась борьба с «лженауками», после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года все профессора кафедр биологии и зоологии были уволены из института. Среди них были Ю. И. Полянский, А. А. Стрелков, Е. М. Хейсин. Их научные работы были признаны «морганистскими», изъяты из библиотек. Несмотря ни на что, Юрий Иванович своими принципами не поступился и спустя 30 лет был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. К слову сказать, для славы нашего города потрудились и отец Юрия Ивановича, Иван Иванович Полянский (1872–1930), тоже профессор Герценовского института. Он был организатором Павловской естественноисторической экскурсионной станции. Будучи великолепным методистом, он одним из первых стал привлекать к работе на станции активных учащихся.

Второй семьей, населявшей «профессорский корпус», была семья Райковых. Борис Евгеньевич Райков (1880–1966) занимался историей естествознания. После революции под его руководством была создана специальная биологическая станция для учителей-практиков. В Педагогическом институте он читал лекции по преподаванию естествознания, писал книги, стремясь сблизить школь-

ное преподавание с практическим изучением природы, создал стройную систему, основанную на лабораторно-практических занятиях учеников. Борис Евгеньевич хотел создать новый тип школы – экскурсионный. С первых шагов работы в школе ученики Райкова принимали активное участие в «научно-исследовательской работе».

В квартире № 33 а (позже – 35) жила семья математиков. Евгений Сергеевич Ляпин – основоположник алгебраической теории полугрупп – совершенно нового раздела высшей математики. Об этом человеке и его не совсем обычной семье и хочется рассказать, продолжая историю старого дворца.

Историческая картина эпохи складывается из отдельных простых и не очень судеб различных людей, ткется из жизненных сплетений всех предыдущих поколений.

Ляпины происходили из служилого дворянства, т. е. никогда не владели поместьями и землями; были потомственными военными. Традицию эту нарушил Евгений Михайлович, родившийся в семье штабс-капитана Михаила Петровича Ляпина в 1856 году. Дослужившись до чина статского советника, он преподавал древние языки в 10-й гимназии, что находилась в 1-й роте Измайловского полка, а также в Технологическом институте. Так уж случилось, что Евгений Михайлович стал родоначальником династии преподавателей.

Своему сыну Сергею Евгений Михайлович хотел дать достойное образование, но в Петербурге это сделать оказалось невозможно: северный холодный и влажный климат оказался вреден для слабых легких мальчика. Только несколько лет учился Сережа в 10-й гимназии. Его отправили в Крым, где он и окончил гимназию с золотой медалью. Еще учась в гимназии,

III
Так уж случилось, что на заре нового века, оглядываясь на прошлое нашего города, мы много знаем о событиях, людях, облике города далеких XVIII и XIX веков и почти ничего – о двадцатом. Порвалась связь времен. Нет целостной картины, выпала целая эпоха. Может показаться, что после революции не стало Петрограда–Ленинграда–Петербурга: город не строился, в нем не кипела культурная и научная жизнь, не происходили значимые для всей страны (а может, и для мира) события. Мы словно стесняемся своего недавнего прошлого, а могли бы гордиться.

Проходя по улицам Петербурга, мы, горожане, видим и чувствуем больше, чем приезжие, потому что город для нас наполняется людьми, давно и недавно жившими. Но живы еще люди, которые творили историю XX века. Благодаря им, не устыдившимся своих предков, не отрекшимся от прошлого своей семьи и много потрудившимся для Отечества, мы с гордостью можем говорить о славном и непростом времени, проживом нашими родителями.

Глядя на дворцы и особняки, можно вспомнить не только их первых владельцев, но и тех, кто работал и жил в этих зданиях гораздо позже. На набережной реки Мойки стоит известный дворец графа Кирилла Разумовского. История этого сооружения знакома каждому петербуржцу, но есть у него и неведомые страницы...

Во дворце Разумовского с 1918 года разместился Педагогический институт, в котором работали всемирно известные ученые. Некоторые из них и жили в служебных флигелях бывшего дворца. Один

Сергей познакомился с Верой Гусевой, ровесницей-гимназисткой, и молодые люди решили пожениться. Венчались в Алушке, где отец Веры, Михаил Иванович Гусев, держал небольшую гостиницу. Это событие произошло в 1913 году, Сергею и Вере было по двадцать лет от роду. После свадьбы молодые уехали в Одессу, и Сергей Евгеньевич поступил в университет. С началом Мировой войны материальное положение пошатнулось, тем более что родился сын Евгений. Жизнь становилась труднее и труднее.

В Одессе в среде студенческой молодежи началось революционное брожение, но Сергей Евгеньевич не принимал в нем участия. Он был далек от политики. Его волновала астрономия. В студенческие годы он опубликовал ряд своих научных трудов, в частности «Способ Цингера для определения пар звезд» и «Таблицу для вычисления основных пар звезд по способу Цингера» (1915).

Среди друзей Веры Михайловны было немало сочувствовавших революционным идеям, но она цель своей жизни связывала не с переустройством мира, а хотела создать большую дружную семью и воспитать детей, приносящих пользу своему Отечеству. (Во многом это ей удалось, хотя мечта о большой семье не суждено было сбыться.)

В 1916 году, после окончания с дипломом I степени Новороссийского университета, Сергей Евгеньевич поступил в Сергиевское артиллерийское училище. Началась его недолгая военная жизнь. Молодой подающий надежды ученый был рекомендован для подготовки к званию профессора. Его, несомненно, ждало большое будущее. Но Сергей, как многие молодые люди того поколения, не мог оставаться в стороне от тревожных событий времени: шла Первая мировая война – родина была в опасности. Решение было принято...

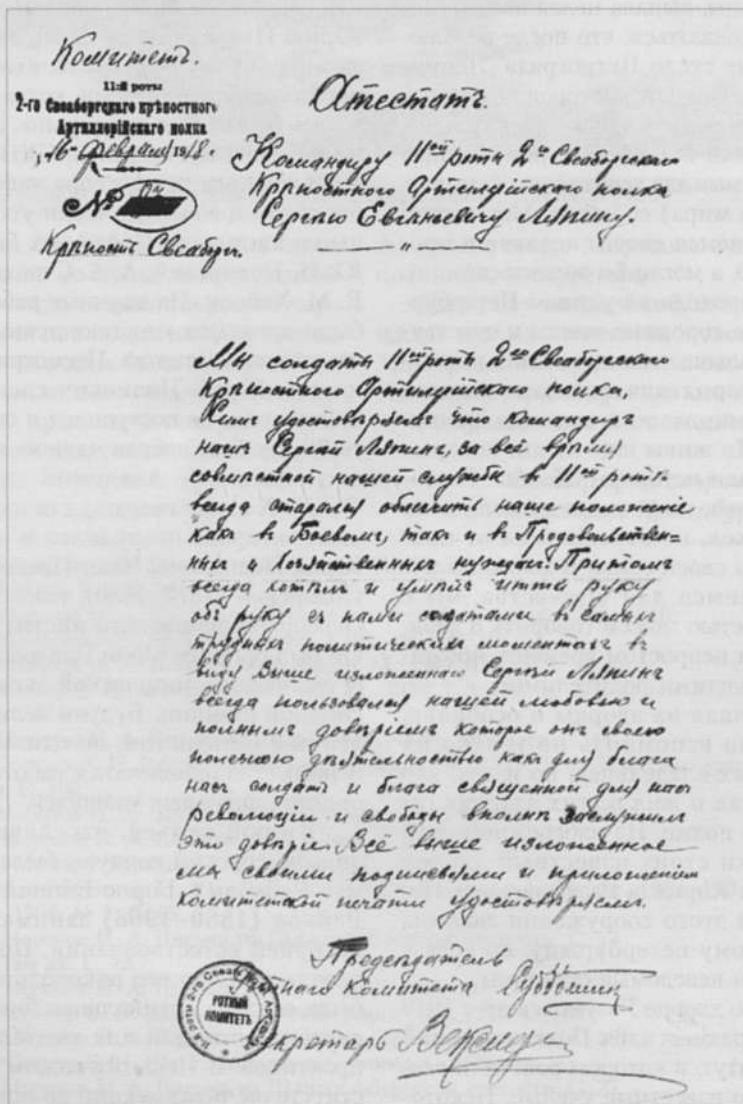
В том же году он окончил училище и был произведен в офицеры. Службу С. Е. Ляпин начал в Свеаборгской крепости командиром 11-й роты береговой батареи. Вместе с Сергеем Евгеньевичем в Финляндию отправилась и его семья. Совершенно неожиданно в

Сергей Евгеньевич Ляпин, 1915 г.
Одесса

Свеаборге он встретил своего младшего брата Вадима Евгеньевича, морского офицера. Та встреча была для братьев последней: в 1917 году Вадим трагически погиб – покончил с собой, не перенеся развала военного флота.

В начале 1918 года обострилась старая легочная болезнь. Сергей Евгеньевич попросил отпуск на лечение. Матросский комитет дал С. Е. Ляпину «Аттестат», из которого следует, что «Сергей Ляпин всегда пользовался... любовью [подчиненных] и полным доверием, которое он своею полезною деятельностью... вполне заслужил». С этим документом – пропуском в новую жизнь – семья Ляпиных переехала в Петроград. В голодающем городе трудно было поправить здоровье, но молодой организм победил. Едва оправившись от болезни, Сергей

Аттестат

Евгеньевич начал преподавать математику в средних учебных заведениях сначала Петрограда, потом Череповца, куда семья уехала, спасаясь от голода. В 1919 году он был призван в Красную армию и занял должность командира отдельного артиллерийского дивизиона, а в 1920 году – после болезни – был назначен начальником мобилизационного отдела Череповецкого губвоенкомата.

Вместе с мужем в Череповец переехала и Вера Михайловна с сыном. Жизнь была сложной, шла Гражданская война. Вера Михайловна работала в начальных классах, обнаружив в себе большой педагогический талант.

Закончилась Гражданская война, Сергей Евгеньевич демобилизовался, продолжилась педагогическая деятельность сначала в Череповецком институте народного образования, а потом в техникуме водного транспорта и средних школах. Послевоенная жизнь была трудна и голодна, но рядом оказались также убежавшие от петроградского голода Болотовы, Цехановичи, Семенов-Тянь-Шанский, Виноградов, Веселовский. Жили дружно и интересно. Большое место в жизни Ляпиных занимал сын Евгений. Свободное время отец и сын проводили в играх и разговорах. Рассказы о родных и близких переходили в исторические экскурсии. Родилась та связь поколений, которая не прервалась до конца жизни Сергея Евгеньевича. Но еще более тесные духовные связи были между матерью и сыном. Вера Михайловна стала лучшим другом на всю жизнь. «Всем, чего достиг в жизни, я обязан матери», – сказал спустя годы маститый ученый. Эта оценка дорогого стоит!

Петербургская интеллигенция начала разъезжаться из Череповца. Ляпины перебрались в Ленинград. Сергей Евгеньевич стал заместителем заведующего, позже – заведующим школой. При школе поселилась вся его семья. В той квартире на 8-й Красноармейской (д. 3, кв. 2) прожили Ляпины с 1928 года до начала 50-х годов.

Евгений начал учиться в школе: сначала в той, где работал отец, а потом в 10-й на 1-й Красноармейской, где ранее в гимназии преподавал древние языки его дед и на-

чинал учиться отец. Так в пространстве и времени пересеклись пути трех поколений Ляпиных.

А тем временем Сергей Евгеньевич начал преподавать математику в высших учебных заведениях: сначала в Военно-политической академии (1928), а затем (1930) в Пединституте им. А. И. Герцена и Электротехническом институте им. Ульянова (Ленина).

В 1930 году подходило время окончания школы Евгением. Юноше все предметы давались легко, его привлекало многое, но особенно история и экономика. Молодой человек хотел посвятить себя одной из этих наук. Но жизнь диктовала свое. Поступить в вуз с такой родословной, как у Е. С. Ляпина, было непросто: детей интеллигентов не брали. Одна из учительниц, симпатизировавшая способному юноше, в частной беседе порекомендовала вступить в комсомол. Решение Евгений принимал сам и на такой шаг не пошел. Всю жизнь он не шел на сделки со своей совестью, а началось это в шестнадцать (а может, раньше?).

Пришел 1931 год, июнь. Окончена школа. Что дальше? В институты не принимали даже документы, а в одном из вузов, куда Евгений пришел с отцом, Сергею Евгеньевичу посоветовали, чтобы сын даже не пытался куда-нибудь поступать. Несмотря на совет «доброжелателя», Евгений подал документы на экономический факультет Ленинградского государственного университета. В списках зачисленных себя не нашел... А вот на математико-механическом факультете уже после зачисления был недобор. И на тот факультет молодой человек передал свои документы. Специальность – механика сплошной среды. И так получилось, что именно математика стала делом его жизни.

В начале 1930-х годов в высшей школе шли неоправданные преобразования педагогического процесса. Занятия проходили как-то странно: лекций не читали – вместо этого преподаватели только давали консультации, экзамены сдавались бригадным методом. Идея коллективизма доводилась до абсурда: на экзамене отвечал преподавателю только бригадир, а оценки получали все.

В 1932 году, после специального постановления ЦК большевистской партии, отказались от такого способа преподавания, характер работы в университете принял формы, используемые сейчас, но легенды о бригадном обучении живы и поныне.

В те годы оживилась научная деятельность преподавателей и студентов. На математическом факультете в 1934 году образовалось студенческое научное общество. Председателем секции алгебры стал Евгений Сергеевич Ляпин, а секции анализа – его лучший друг Борис Захарович Вулих. Молодые люди с энтузиазмом взялись за дело. Одновременно при кафедре алгебры организовался научный семинар, председателем которого был Владимир Абрамович Тартаковский, а главной областью изучения – теория групп. В 1939 году Тартаковский передал руководство семинаром Е. С. Ляпину, который к тому времени уже начал развивать новое направление – теорию подгрупп, ставшее позже делом его жизни.

Вхождение в науку было стремительным. В 1936 году Евгений Сергеевич окончил университет, а в 1939 году защитил кандидатскую диссертацию. Им было опубликовано несколько значимых научных работ. Имя Е. С. Ляпина стало известным в научных кругах. Продолжалась и педагогическая деятельность: с 1936 года – Педагогический институт, а с 1939 года – Университет.

Но жизнь молодого ученого не замыкалась наукой. Вечеринки, компании, поездки за город... Ни что не было чуждо, на все хватало времени.

Жарким, солнечным и счастливым выдался день 22 июня 1941 года. Молодая веселая компания возвращалась из Петергофа. В переполненном вагоне поезда стояла тишина. Не сразу юноши и девушки обратили внимание на неодобрительные взгляды соседей. Все разъяснилось только дома. Началась война. Это обстоятельство меняло все, и очень резко.

Жизнь сразу разломилась на две половины: до... и после. Еще оставались какие-то дела, обязательства, договоренности... Вечером 22 июня собрались у Бориса

Стоят: Е. С. Ляпин, А. И. Ляпина.
Сидят: В. М. Ляпина, А. Ляпина, С. Ляпин, С. Е. Ляпин. 1951 г.

Вулиха, чтобы отпраздновать свадьбу, но праздника не получилось. Молодые люди разошлись повзрослевшими и озабоченными. Начинаясь совсем другая жизнь.

Отец и сын Ляпины ожидали призыва в армию. Евгению Сергеевичу дали отсрочку: он был на учете в тубдиспансере. Слабые легкие не помешали молодому ученому принимать участие в подготовке обороны Ленинграда. В июле 1941 года он строил доты под Новгородом. Стремительно продвигались фашисты к городу, поезда не ходили. Пришлось уходить пешком. Уже трудно вспомнить, сколько дней и ночей пришлось пробираться к Ленинграду. Евгению было очень плохо: он заболел и ощущал высокую температуру. Чудом ему удалось сесть в поезд, шедший в Ленинград, и всю ночь он простоял в продуваемом тамбуре у туалета. Как дошел до дома, уже не помнил, а потом долго болел.

В памяти Евгения Ляпина, как, наверное, и многих ленинградцев, сохранился день 8 сентября – первый большой авиационный налет. В соседнем дворе на 8-й Красноармейской улице упала пятисоткилограммовая бомба. Так начались плановые обстрелы и бомбежки Ленинграда. Так началась блокада.

Всю войну прожили в квартире при школе на 8-й Красноармейской в доме 3, квартире 2. Жизнь уже в октябре была трудной, помогали какие-то небольшие продовольственные запасы. 12 ноября резко уменьшили нормы выдаваемого по карточкам хлеба. До линии фронта было ближе, чем до работы. Математический институт, в котором в это время работал Евгений Ляпин, находился на Васильевском острове. На службу приходилось ходить пешком, а сил оставалось все меньше и меньше. Отчаянье достигло кульминации к концу декабря, когда семья обсуж-

дала возможность закрытия печной выюшки на ночь, чтобы угарный газ из печки не улетучился через трубу, а помог семье Ляпиных не проснуться утром.

К новому году жизнь в городе немного изменилась – 22 ноября открылась Дорога жизни – увеличили нормы хлеба. В городе стали появляться «белые машины» – выкрашенные в маскировочный цвет грузовики с ладожской трассы, водители которых меняли на ценные вещи горожан утаенные продукты.

А в январе 1942 года случилось чудо, о котором Евгений Сергеевич вспоминает с волнением. Он с отцом пилил на лестничной площадке книжную полку на дрова. Малонаселенный до войны подъезд к тому моменту опустел. Из жильцов осталась только семья Ляпиных. Никто не должен был появиться на площадке, пока ослабевшие мужчины относили в квартиру распиленные дрова, но когда они вернулись, на подоконнике увидели... целую буханку хлеба! Этот дар блокадной зимой был равноценен жизни. До сих пор слова восторга и благодарности проносит Евгений Сергеевич неизвестному волшебнику.

Быт Ляпиным облегчали некоторые обстоятельства: они жили при школе, и до февраля 1942 года, пока не были эвакуированы дети, у них было электричество, а в подвале из труб отопления можно было набирать воду. В школе были парты, и это решало проблему дров для печи. Книги не жгли. В этой семье к семейной библиотеке относились бережно и знали ей цену.

Однажды к Ляпиным пришла Ольга Александровна Ладыженская, которая уезжала в эвакуацию, она оставила им на сохранение любимые свои книги. До сих пор осталась в семейной библиотеке «История искусств» Гнедича – дар, сделанный уже после войны Ольгой за бережное и чуткое отношение к людям и книгам.

Зимой 1941 года Евгений Сергеевич открыл для себя известного, казалось бы, Достоевского. Долгими блокадными вечерами погружался молодой математик в мир Федора Михайловича и открывал для себя те глубины чувств и отношений, которые в другое бы

время, может быть, остались незамеченными.

С тех пор любовь к произведениям Достоевского он сохранил на всю жизнь. С именем этого писателя связана история, случившаяся весной 1942 года. В город доставлялись продуктовые посылки, которые распределялись по учреждениям. Пединститут им. Покровского выдавал такие посылки своим сотрудникам. Среди преподавателей числился и Евгений Ляпин. Он шел по городу со свертком и остановился у букинистического киоска на углу Моховой и улицы Белинского. Неожиданно к нему обратился человек, предложивший собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Это был сказочный подарок судьбы. Уезжая из города, ценитель классики не хотел бросать любимые книги, которые были переплетены руками его жены, и Евгений Сергеевич за символическую плату приобрел 12 ценнейших томов. Он нес их с Лиговки, и на душе было радостно. Человеку в любой обстановке нужен кусочек счастья. Это была еще одна вежа войны.

В самое трудное блокадное время зимы 1941–1942 годов жизнь в городе не замирала. Ляпины продолжали трудиться: Сергей Евгеньевич преподавал в пединституте им. Герцена, а Евгений Сергеевич работал в Математическом институте Академии наук – ходил на Васильевский остров. Занятия математикой стали менее интенсивными и плодотворными, чем до войны и после. Физических сил не хватало, сказывалось истощение.

В феврале увеличили норму хлеба, открыли стационар в гостинице «Астория» для поддержания слабеющих. Сначала Евгений, а потом и Сергей Евгеньевич провели в нем продолжительное время.

В марте был издан приказ о всеобщей эвакуации. Однако, колебавшись, Ляпины решили не уезжать. В мае приказ повторился, но Евгений Сергеевич болел, а когда пришел на работу, то узнал, что Математический институт уехал. Перед молодым человеком встал вопрос, где работать. До своего отъезда институт наладил связи с АПУ (Архитектурно-планировочное управление), куда Ляпин и был зачислен в июне 1942 года. Он

был единственным математиком во всем учреждении и занимался расчетами разрушений в городе.

Ляпин-старший осенью и зимой 1941–1942 годов продолжал преподавать в Педагогическом институте, но к весне занятия прекратились, и Сергей Евгеньевич стал начальником штаба одного из подразделений МПВО. В мае начались регулярные обстрелы Ленинграда. Стало ясно, что блокада продлится и зимой.

Город начал готовиться к длительному пребыванию в осаде: появились огороды в центре города, строились и утеплялись бомбоубежища. Руководству обороной города потребовался перспективный расчет прочности ладожского льда для новой Дороги жизни.

В это лето в АПУ Евгений Ляпин встретился с профессором В. М. Акимовым и от него узнал, что в Ленинградском отделении Главной геофизической обсерватории (ГГО) идет активная научная работа. Туда, в главное здание, находившееся у железнодорожной станции Кушелевка, и поступил на работу молодой математик в июле 1942 года (хотя оформился только в январе 1943-го). Много было сделано работы за годы войны, сейчас ученому трудно вспомнить тематику разработок для Ленинградского и Центрального фронта. В числе них на первом месте был расчет прочности ледовой трассы по Ладожскому озеру. Результаты этой работы, как предполагал сам Евгений Сергеевич, впоследствии могли стать важным фактором при получении ордена Ленина уже в 1970-е годы.

В конце войны Евгений Ляпин защитил докторскую диссертацию и вернулся к теоретической математике, а также к преподавательской работе в Государственном университете. Вместе с этим он подал заявление на конкурс на заведование кафедрой алгебры в Педагогическом институте имени Герцена. Кроме интересной работы был еще один аргумент в пользу такого решения: при институте давали квартиру в упомянутом раньше корпусе № 10.

Вопрос жилья в Ленинграде был всегда очень острым (таким остается и по сейчас). Ляпины в середине сороковых продолжают

жить на 8-й Красноармейской улице при школе, где Сергей Евгеньевич давно не работал. Нужно было освободить казенную квартиру, а как это сделать? Как нельзя к стати пришелся вариант с работой в Педагогическом институте.

Став заведующим кафедрой, Е. Ляпин получил не квартиру в обычном смысле слова, а стены, которые предстояло превратить в жилье. В окнах не было стекол, двери – искорежены, пол в коридоре пробит снарядом. За приведение квартиры в жилое состояние взялась молодая жена Евгения Сергеевича, Лидия Ивановна. Так появилась квартира математиков в профессорском корпусе.

А теперь пришло время рассказать о встрече с Лидочкой Аникиевой. Молодые люди познакомились в 1947 году. В тот день Сергей Евгеньевич, заведовавший кафедрой методики преподавания математики при пединституте, пригласил юную ассистентку по делу к себе домой. Так получилось, что Лидочка задержалась и была приглашена к обеду, тогда произошла эта счастливая встреча. Но Лида знала Евгения еще до войны, когда училась в ЛГУ.

Всю блокаду она прожила в Ленинграде, в доме на территории Лесотехнической академии, где преподавал ее отец. С 1944 года Лидия посещала лекции в Педагогическом институте, т. к. это учебное заведение раньше других начало работать. В этом институте она и продолжила обучение, а закончив – осталась работать.

Встреча на домашнем обеде оказалась счастливой. Много лет спустя, потеряв свою любимую супругу, Евгений Сергеевич сказал, что прожил счастливейшую жизнь с Лидией Ивановной Аникиевой-Ляпиной.

Верным другом и опорой была Лидия Ивановна в сложные моменты жизни. Трудным временем для советской фундаментальной науки стал конец 40-х годов. Борьба последователей Т. Д. Лысенко с космополитизмом. Началось все в августе 1948 года с сессии ВАСХНИЛ, где Лысенко «разоблачил» идейно чуждые «идеалистические» теории, затруднявшие развитие сельского хозяйства. С одобрения Сталина в 1949 году

борьба за идейную чистоту науки докатилась и до математики.

По всем партийным организациям были разосланы установки, что идеологически вредные течения могут проявляться во всех областях науки. Началась расправа с неугодными, неудобными учеными и просто сведение счетов.

Борьба с «морганистами-вейсманистами» отбросила нашу науку на много лет назад, а в тех областях, в которых Советский Союз имел преимущества, он отстал от Запада навсегда. Например, кибернетика была названа «продажной девкой империализма» и запрещена на долгие годы.

Евгений Сергеевич в 1949 году преподавал в Ленинградском университете. Воинственная волна докатилась и туда.

Обструкции подверглись три области: топология – направление, во главе которого в то время стоял профессор Николай Александрович Шанин; теория полугрупп, разработанная Е. С. Ляпиным; функциональный анализ; и один из его создателей, ученик и последователь Леонида Витальевича Канторовича, Борис Захарович Вулих.

Состоялось заседание кафедры алгебры. Вероятно, к тому моменту уже состоялось закрытое партийное собрание, и решение заседания кафедры было predetermined. Таков был порядок в те годы. Заседание открыл заведующий кафедрой Дмитрий Константинович Фадеев. Слово для разоблачения идеологически чуждых и неверных явлений развития теории полугрупп во главе с Е. С. Ляпиным было предоставлено доценту И. Н. Санову.

Надо отметить, что отношения между Ляпиным и Сановым сложились непростые. Евгений Сергеевич был назначен оппонентом у Санова, который собирался защищать кандидатскую диссертацию. Познакомившись с ней, Ляпин указал автору на неточность (не ошибку, а неверное утверждение). Тогда из уже представленной к защите работы Санов изъял несколько страниц, после чего Евгений Сергеевич отказался ему оппонировать.

Так Санов и Ляпин оказались по разные стороны баррикады. Обвинительная речь на заседании кафедры напоминала сведение счетов.

Д. К. Фадееву пришлось перевести разговор на обсуждение направлений алгебры. Решение было принято. Оно должно было стать ступенькой к последующему постановлению заседания ученого совета. Сценарий борьбы с отступниками был жестко отработан.

Заседание ученого совета математико-механического факультета было открытым. Оно проходило в большой физической аудитории физфака университета. Решение заседания было predetermined. Из Саратова приехал математик Ермилов, чтобы не было никаких неожиданностей.

Александр Данилович Евгения Сергеевича о том, что ведется основательная подготовка и ему нужно быть осторожным. Защищаться, возражать, оправдываться было опасно. Можно было только каяться, признаваясь во всех мыслимых и немыслимых грехах, или молчать. Как правило, поведение осуждаемого не влияло на решение. Спектакль был продуман постановщиками.

Аудитория была переполнена преподавателями и студентами. В президиуме были члены ученого совета и Ермилов, не являвшийся таковым. Председательствовал А. Д. Александров.

С обвинительными докладами выступили Ермилов, Б. А. Волков, Венков. В этих речах звучало не только обличение направлений теоретической математики, но и конкретно ученых: Шанина, Вулиха, Ляпина, «оторвавшихся от жизни и не приносящих никакой пользы социалистическому обществу».

В конце подобных «спектаклей», кроме подготовленных обличителей, могли выступить желающие. На этом заседании пожелал выступить Ляпин (Вулих и Шанин последовали совету: промолчали). Евгений Сергеевич очень эмоционально возражал тем, кто мешал науке двигаться вперед путем выдвижения новых идей и направлений, – в алгебре новым направлением следует признать теорию полугрупп. Закончил свое выступление Евгений Сергеевич так: «На самом деле успех науки требует выдвижения новых идей, надо дать им возможность развиваться». Обратился к совету с призывом:

«Не зажимайте новых направлений, дайте работать в науке новаторам!».

Уходил с трибуны Ляпин под аплодисменты всего зала. Больше других рукоплескали разместившиеся на галерке студенты Евгения Сергеевича.

Потом попросил слова Рувим Эммануилович Соловейчик. На трибуну из зала вышел человек в военной форме, который был знаком не всем, особенно молодому поколению. Рувим Эммануилович окончил матмех ЛГУ на два года раньше Ляпина по специальности «математика сплошной среды», познакомились ученые в 1943 году в Москве на совещании Гидрометеослужбы, а впоследствии работали вместе в ГГО.

Соловейчик начал свою странную «соломонову» речь с абстрактного осуждения «некоторых» оторвавшихся от жизни ученых, занятых «формальными задачами» и далеких от нужд народного хозяйства. Этим «ученым» он противопоставил других, тоже «некоторых», которые до войны занимались отвлеченными задачами, а вот в трудную для родины минуту переклЮчили на решение проблем для вооруженных сил. Вот один из таких математиков во время войны вник в насущные задачи артиллерии, оборонной промышленности, ледовой Дороги жизни. Этот математик показал удивительные результаты. С пафосом закончил: математика служит производственным целям! По окончании речи Рувима Эммануиловича зал аплодировал.

Спускаясь в зал к своему месту, Соловейчик вдруг остановился, будто что-то вспомнил, и сказал:

– Да, я вот тут рассказывал о математике. Он ведь и награжден был, – кажется, имени не назвал? – Евгений Сергеевич Ляпин.

На свое место Соловейчик прошел под гром рукоплесканий.

Это была победа.

И хотя потом выступали члены ученого совета, осуждавшие формализм в науке, космополитизм и прочие «измы», и было принято подобающее в подобных случаях решение, но того уничтожения новых направлений в математике, которое ожидалось, не последовало.

Подобные «разоблачения» проходили во всех научных учреждениях. В некоторых заседания ученых советов заканчивались «разгромом» целых отраслей науки. Завершилась эта массивная атака ЦК КПСС на науку запретом генетики и кибернетики.

К Ляпину были применены весьма мягкие меры: его вынудили уйти из ЛГУ.

Руководство Педагогического института сделало вид, что не знает о произошедшем в Университете. Евгений Сергеевич остался преподавать в этом вузе.

Так еще одна трагедия нашей страны затронула Е. С. Ляпина.

...Мы перелистнули одну из самых трагических страниц истории нашей страны и семьи Ляпиных. И потом не все складывалось легко и просто, были семейные радости: в 1948, 1949 годах родились сначала дочка Лариса, потом сын Сережа.

В 1950-е годы постепенно пришло признание: награды и звания, начали выпускать за границу, печатать его книги, которые стали основополагающими в теории полугрупп. Появились ученики.

Прошли годы, и уже дети и внуки продолжают традицию семьи Ляпиных – служат российской науке в различных ее областях. Дочь, Лариса Евгеньевна, профессор-филолог, занимается вопросами истории и теории русской литературы. Этой стезей пошла внучка Ирина Данилевич (Розен), кандидат филологических наук, темой диссертации которой стала поэтика финала в русской драматургии 1820–1830-х годов. Зять, Виктор Владимирович Розен, профессор,

Заведующий кафедрой алгебры
Е. С. Ляпин. 1972 г.

доктор физико-математических наук. Внук, Константин Викторович Розен, окончив факультет прикладной математики Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), работает программистом, ведущий специалист.

Сын, Сергей Евгеньевич, учился в техническом вузе, работал в Главной геофизической обсерватории, занимался лингвистикой, принимал участие в международных конференциях, публикует стиховедческие статьи. Внучка, Мария Сергеевна, блестяще окончила математический факультет СПбГУ, продолжает образование в аспирантуре. Внук, Дмитрий Сергеевич, окончил 239-ю школу и учится в институте.

Продолжаются традиции русской интеллигентной семьи, несколько поколений которой составляют гордость нашего города.

Стоят: К. В. Розен, В. В. Розен, И. Г. Ляпина, Л. Е. Ляпина, С. Е. Ляпин.
Сидят: Д. С. Ляпин, Е. С. Ляпин, М. С. Ляпина, Л. И. Ляпина, И. В. Розен. 1987 г.

От редакции.

Евгений Сергеевич Ляпин, старейший преподаватель, профессор кафедры алгебры Ленинградского государственного педагогического института (ныне – Российский государственный педагогический университет) им. А. И. Герцена, скончался 13 января 2005 г. на 91-м году жизни.

Центральная городская
публичная библиотека
им. В.В.Маяковского
С-Петербург, наб. р.Фонтанки 44/46

Иностранцы в деловой жизни Петербурга

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

М. Н. Барышников
Т. Е. Барышникова

В начале XVIII века Россия вступила в качественно новый этап своего развития, связанный с модернизацией различных сфер общественной и государственной жизни. Глубокие изменения в социально-экономических отношениях, культуре, политическом устройстве страны не могли не затронуть интересы и саму деятельность торговцев и промышленников. Актуальным в этом отношении представляется замечание американского экономиста Д. Норта. Если формальные правила, отмечал он, можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений, то неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям. Эти «культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают нам ключ к пониманию пути исторического развития»¹. Речь идет о том, что в условиях Петровских реформ менялась сама институциональная основа российской экономики: законы, правила игры, конкретные нормы поведения, типы отношений и связей. В свою очередь, институциональные рамки влияли на возникновение и развитие новых экономических и политических структур (организаций) в российском обществе. Заметим, что эпоха правления Петра I наглядно свидетельствовала о стремлении царя добиться роста военной и политической мощи России за счет активного вмешательства в экономическую жизнь. Масштабные задачи, которые ставил царь перед собой, требовали более решительных мер для увеличения богатства страны, ее быстрого продвижения по пути хозяйственного прогресса. Не будем забывать и о том, что расту-

Бюст Петра I.
Скульптор Раух. Брюссель

щий чиновничий аппарат, потребности двора и, главное, затраты на Северную войну требовали поиска дополнительных источников финансовых и материальных средств. В окружении Петра крепло убеждение в том, что поддерживать и стимулировать необходимо прежде всего торговлю и промышленность, игравшие, помимо прочего, важную роль в налаживании связей с Западной Европой. 16 апреля 1702 года был издан царский манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания», открывший выходцам из Западной Европы (лицам «военного звания», купцам и «разным мастерам») свободный доступ в страну и гарантировавший им ряд прав и привилегий.

В ноябре 1703 года в устье Невы вошел голландский корабль с вином и солью. Голландские моряки были торжественно встречены и щедро награждены, а через них было передано обещание наградить

команды еще двух кораблей, которые придут в Петербург следующими. В 1704 году прибыло второе судно – английское, с грузом недорогих сукон, табака, а также пива, оливок и сыра, в 1710 году – вновь английское, принадлежавшее купцу А. Стейлсу².

Основание Петербурга и последующий перенос столицы, сопровождавшийся насильственным переселением богатых московских купцов на берега Невы (указы 1712 и 1714 годов), должны были, по мысли Петра, укрепить позиции России в системе европейской торговли. Вместе с тем отсутствие в начале XVIII века русского торгового мореплавания и налаженных связей на европейском рынке побуждали царя прибегать к услугам западных посредников. В переписке Петра Великого и Сената часто встречаются имена того же А. Стейлса, а также И. Люпса, К. Гутфеля, Е. Меера, Х. Бранта и других заморских купцов³. Англичанину Стейлсу казной был отдан на откуп целый ряд прибыльных товаров: в 1701–1705 годах – смола, 1705–1708 годах – поташ, 1707–1711 годах – икра⁴.

Действия царя-реформатора, нередко сопровождавшиеся репрессивными мерами в отношении несогласных с его политикой лиц, имели противоречивые последствия для внешнеторговых операций русских купцов. Нарушались существовавшие ранее пути движения товаров внутри страны и за границу (прежде всего через Архангельск), менялись условия и структура торговли (в том числе из-за введения государственной монополии на продажу особенно прибыльных товаров), пересматривались прежние, традиционные для допетровской Руси нормы взаимоотношений властей с купеческой верхушкой (гостями и торговыми

людьми гостиной сотни)⁵. Неудивительно, что эти меры не только подрывали монолитность ранее сосредоточенных в Москве состоятельных купеческих кругов и ослабляли их влияние, но и создавали им определенный противовес в новой столице, где с течением времени сложилась особая группа «петербургских жителей, купеческих людей» со своими специфическими интересами, объединившая купцов-переселенцев независимо от их прежней сословной принадлежности⁶.

Формировавшиеся в Петербурге группы предпринимателей, занятые не только торговлей (внутренней и внешней), но и промышленной деятельностью, в меньшей степени были подвержены влиянию прежних, характерных для московского купечества, средневековых клановых отношений; петербургское купечество заметно отличалось своей внутренней раскрепощенностью, большей личностной свободой и инициативностью (в том числе в общении с торговыми иноземцами), способностью войти в новые сферы хозяйственной деятельности и приоритетности к менявшимся условиям общественной жизни.

В этом смысле роль, которую играли институциональные изменения в деловой сфере, заключалась в уменьшении неопределенности положения торговцев и промышленников путем установления устойчивой структуры взаимодействия между ними. Петербург предоставлял возможность заявить о себе и реализовать имеющиеся способности лицам, ранее малоизвестным или вовсе неизвестным в коммерческой среде.

Примечательно, что в Петровскую эпоху большинство действовавших в северной столице иностранных купцов также не были известны на русском рынке. К числу их относились, например, англичане Томас Вейд, Богдан Веккель, Яков Вульф, Франц Коллинс, Роберт Неттелтон, Вилиам Стерлинг, Гиль Эванс, Иван Эдвардс, Вилим Элмсалл, голландцы Иван ван Акер, Варфоломей Борст, Ян Крюйс.

Вряд ли можно говорить о том, что стремление Петра обеспечить за новой столицей первенствующее торговое значение сопровождалось какой-либо целенаправленной по-

литикой. Царь действовал скорее как экспериментатор, готовый идти путем проб и ошибок, надеясь вместе с тем реализовать свой замысел в самые короткие сроки. В условиях затяжной, крайне тяжелой для страны Северной войны попытки утвердить Петербург в качестве крупнейшего российского порта имели скорее геополитический, а не экономический подтекст. И в этом плане действия Петра приобретали особое значение и смысл, подтверждая способность этого человека воздействовать на конкретную ситуацию с учетом не только тактических, но и стратегических задач. На фоне сохранявшегося неустойчивого внешнеполитического положения страны царь предоставил ряд льгот иностранцам в их торговых операциях на внутреннем рынке. Активизация соответствующих мер отчасти оказалась обусловлена первыми посещениями западными купцами строившегося города на Неве. В 1713 году произошло невиданное ранее событие – в столичный порт пришли шесть английских кораблей. Стремясь поддержать интерес заморских негодантов к торговле на берегах Невы, Петр в том же году предоставил им право на закупку в Петербурге целого ряда прибыльных товаров (льна, пеньки, щетины, мачтового леса). В свою очередь, русским купцам предписывалось везти пеньку, юфть, икру, клей, смолу, щетину и ремень не в Архангельск, как это практиковалось в XVII веке, а в Петербург⁷. Ослушавшимся грозили «потерянием своих пожитков»⁸. Впрочем, предпринятая мера носила скорее характер «пробного шара», способного помочь в оценке существовавшей ситуации во внутренней русской торговле, а также нахождении действенных рычагов влияния на эту ситуацию с точки зрения государственных интересов (в том числе при решении «балтийского вопроса»). Спустя два года, в 1715 году, через Зунд в Петербург прошло лишь 37 кораблей, в то время как в Архангельск – 230⁹.

Поощряя экспорт русских товаров через Балтику, власти в 1720 году снизили пошлину на вывозимые на иностранных кораблях из петербургского порта товары с 5 до

3%, а на русских кораблях – вовсе сняли. В том же русле последовал именной указ 1721 года, основные положения которого изложены в сенатском распоряжении «О трактатах к портовым городам», запрещавший подвоз отечественных товаров к Архангельску из внутренних районов страны (за исключением бассейна Северной Двины). Учитывая, что сухопутная транспортировка на длительные расстояния оставалась в начале XVIII века чрезвычайно дорогостоящей, а для насыщенных товаров – крайне затруднительной, благоприятное для морской торговли местоположение Петербурга приобретало решающее значение в формировании внешнеторговых связей России со странами Северной Европы.

Вместе с тем нельзя забывать о серьезном недостатке петербургского порта – его мелководности. По этой причине до половины пришедших в столицу судов вынуждены были разгружаться на небольшие речные суда либо у Котлина, в Кронштадте, либо перед баром Большой Невы.

Росту значимости северной столицы в качестве внешнеторгового центра страны способствовал указ от 10 ноября 1720 года, признавший практику заключения контрактов русскими купцами с иноземцами только при петербургском порте (при этом с товаров бралась только портовая пошлина, без внутренней). Результатом этой меры стало то, что русские купцы, которые «прежде за неимением капитала к порту товаров не привозили... охотно теперь ведут заграничную торговлю, заключивши контракты и взявши наперед у иноземцев деньги; эти русские купцы сами по городам и по ярмаркам ездят и приказчиков посылают, закупают и привозят сюда товары, и, наоборот, покупая в долг у иностранных купцов заморские товары, отвозят внутрь государства и таким образом приобретают себе кредит и пользу, усиливают привоз товаров к здешнему [петербургскому] порту»¹⁰.

В 1722-м, в первом после окончания Северной войны году, в Петербурге уже побывало 116 иностранных торговых кораблей (главным образом английских, голландских и немецких), а в 1724 году –

уже 196. В числе последних больше всего было английских – 57 (29%), почти столько же голландских – 55 (28%), из Гданьска – 27 (14%), Любека – 24 (12%), Пруссии – 9 (5%), Швеции, Гамбурга и Росток – по 4 (по 2%), Норвегии, Фленсбурга (Шлезвиг) – по 3 (по 1,5%). Не посетило петербургский порт в 1724 году ни одного французского, испанского, португальского или итальянского судна. Этот факт свидетельствовал о сложившемся в первой четверти XVIII века ареале торговых связей российской столицы – это главным образом Северная Европа¹¹.

В сентябре 1723 года было велено печатать преискуранты иностранных товаров, продававшихся в ведущих европейских портах, «дабы знали, где что дешево или дорого»¹².

Одновременно все большую роль начинают играть протекционистские настроения российского императора, его стремление обеспечить за своей страной положительный торговый баланс. Посредством целого ряда импортных правил предпринимаются попытки сдерживать ввоз готовых изделий и ограничить вывоз благородных металлов и сырья. В соответствии с Таможенным тарифом 1724 года размер пошлин, взимаемых с зарубежных товаров, устанавливался в прямой зависимости от способности русских купцов удовлетворить потребности отечественного рынка: чем больше тех или иных товаров выпускалось в России, тем более высокая пошлина действовала при ввозе их из-за границы. Самая высокая пошлина в размере 75% от стоимости взималась с железа, полотна, парусины, купороса, шелковых тканей, табачных трубок, игл. Минимальной пошлиной в 10–20% к цене облагались товары, производившиеся в России в недостаточном количестве. Беспшлинному ввозу подлежали строительные материалы, садовые деревья, цветы и семена, «птицы всякие»¹³. В целом к концу правления Петра товарная масса, вывозимая из петербургского порта, продолжала оставаться больше той, которая ввозилась, поскольку иностранные купцы, как правило, покупали сырье (лен, пеньку, кожи, пушнину, сало, смолы) и полуфабрикаты

Основание Петербурга. Барельеф Б. К. Растрелли. 1723 г.

(железо, парусину), а ввозили готовые изделия.

Наиболее многочисленную группу иностранцев, осуществлявших в первой четверти XVIII века предпринимательскую деятельность в Петербурге (представляя здесь, как правило, интересы тех или иных зарубежных торговых компаний), составляли англичане и голландцы. Среди шести купцов из Пруссии выделялся масштабами своей деятельности Иоганн Пеллутье; занимались также коммерческими операциями выходец из Килия Андрей Шлитор, из Штральзунда Марк Вент, Росток – Якоб Рогенбаум, Нюрнберга – Иван Ток и Марк Йозеф Тазер. Среди купцов из Дании отмечена деятельность Христиана Лерса и Якова Рыцлова, Италии – Джованни Бюстелли, Джузеппе Мариотти и Джан Батисты Ноли, Швейцарии – Христиана Мейера, Йозефа и Карла Торшенов, Франции – Шарля Перно, Мишеля Ярта, Жана Делорма и другие¹⁴.

Уже в 1710-х годах на левом берегу Невы возник «форштадт», своего рода пригород, населенный в основном немцами и голландцами. Этот форштадт назывался немецкой слободой. Немцы-лютеране и голландцы-реформаты, жившие на Адмиралтейском острове в немецкой слободе, вскоре образовали приход. Здесь же проживало и немало английских купцов, в том числе В. Элмсалл и А. Ачкин. Селились иностранные коммерсанты и на правом берегу Невы, на Васильевском и Петербургском островах. На территории, примыкающей к Фонтанке, стояли дома английс-

ких купцов В. Элмсалла, Ф. Гарднера и Г. Эванса, голландца С. Фандорта¹⁵.

Большое внимание Петр уделял развитию мануфактурного дела в России, стремясь для этого привлечь в страну опытных в своем деле иностранных промышленников. Им гарантировали «обнадеживающий ответ чинить» на предложение завести предприятие и предоставление в связи с этим «вспоможения» и «вольностей», а также: свободный въезд и выезд из страны с принадлежавшим им имуществом; свободу служб, поборов и постоев; право беспошлинно продавать произведенные товары в пределах России и выписывать из-за границы необходимое сырье, материалы и инструменты или покупать их беспошлинно в России; вспоможение из казны при начальном заведении дела с условием своевременной выплаты долга; право принадлежать к ведомству Мануфактур-коллегии, которая должна была защищать их интересы.

Численность иностранцев-мануфактуристов в Петербурге была невелика, но их роль в формировании традиций и первых правовых норм предпринимательской деятельности в промышленной сфере трудно переоценить. В этом смысле большое значение могли иметь не только успехи, но и неудачи в промышленных начинаниях. Например, в 1721 году «иноземец» П. П. Вестов совместно с выходцем из Любека Еремеем Кизлом организовал в Петербурге один из первых здесь сахарных заводов. Однако прибыльность предприятия оказалась весьма низкой в силу большой себестоимости продукции и крайне узкого круга потенциальных покупателей (покупать сахар могли позволить себе лишь состоятельные люди). Пытаясь предотвратить надвигающееся разорение, компаньоны пригласили в дело английских купцов Роберта Неттелтона и Андрея Ачкина. Во второй четверти XVIII века в числе владельцев состояли также англичане Вилим Пурнель, Яков Гювит и Джон Мей.

В 1733 году немецкие предприниматели Миллер и Рихтер основали в Петербурге мануфактуру по производству позументов. Большинство занятых в производстве

работников составляли иностранцы. Спустя десять лет, несмотря на все усилия наладить прибыльное дело, предприятие оказалось на грани банкротства. В 1743 году компаньоны уведомили Мануфактур-коллегию, что не имеют заказов и вынуждены закрыть производство. Властям пришлось выделить для предприятия заем и крупный казенный заказ. В 1749 году Миллер пригласил в состав владельцев купца Гана, но этот шаг уже не мог спасти дело. В 1754 году мануфактура перешла к русскому купцу Семену Роговинову.

На 1747 год в Петербурге и его окрестностях действовало 18 промышленных предприятий, принадлежавших иностранцам, и 9 – русским. Владельцами мануфактур состояли иноземцы Говит, Кеспер, Снетлер, Миллер и Ган, Барлин, Гарднер, Ролфинс и Векель, Барст, Низовет, Герц, Юкин, Фондерзанден, Бергер и Максимов, Дункель, Лапхарт, Рихтер, Гулстен, Мей¹⁶.

Развитию торговых операций иностранцев в Петербурге способствовало строительство первых гостиных дворов. Только в пределах этих дворов заморским купцам разрешалось вести продажу и закупку товара. В соответствии с указом 1731 года «О свободной торговле всякого звания иноземцев в России» торговля им разрешалась исключительно оптом, при этом партнерами могли выступать лишь русские купцы. В первые годы существования Петербурга центром

города была Троицкая площадь на Березовом острове, напротив Петропавловской крепости. Здесь в 1705 году появился первый Гостиный двор, представлявший собой нагромождение деревянных лавок без окон и печей. В 1710 году этот рынок сгорел дотла, и в 1713-м на том же месте по проекту Д. Трезини был построен каменный двухэтажный Гостиный двор, в помещениях которого открылись биржевые операции. Значение последних для развития оптовой торговли импортными и экспортными товарами признавалось русскими купцами и потому, что так «иноверные купцы делают»¹⁷.

Важной мерой, благоприятствовавшей развитию морской торговли через Петербург, стало строительство с 1719 года большой пристани на берегу Малой Невы в северо-восточной части Васильевского острова; здесь же было возведено здание нового каменного Гостиного двора.

Первые институциональные инновации (появление тех или иных законов, новых торговых учреждений и правил ведения деловых операций), наблюдавшиеся в петровское время, заметно снижали транзакционные издержки (связанные с определением прав собственности на товар, получением необходимой информации о его качестве, нахождении покупателей (продавцов) и т. д.), позволяли получать более высокий выигрыш от коммерческой деятельнос-

ти в Петербурге и, таким образом, создавали возможности для расширения контактов между русскими и иностранными купцами.

В 1731 году был издан новый Таможенный тариф. В отличие от тарифа 1724 года он вводил достаточно умеренные пошлины на не производившиеся в России товары (в пределах 5–10%), на производившиеся – 20%. Спустя два года с Березового острова на стрелку Васильевского острова был переведен торговый порт. В 1735 году здесь же, при здании Гостиного двора на Васильевском острове, завершилось строительство биржи с окружающими ее складскими помещениями, ставшей центром торговых операций иностранцев в Петербурге¹⁸. Большую часть занимавшихся деловыми операциями при бирже составляли англичане. Укреплению их роли во внешне-торговых операциях через петербургский порт способствовал русско-английский договор о свободе мореплавания 1734 года. В соответствии с его положениями английские купцы получали целый ряд привилегий, дававший им преимущество по сравнению с торговцами из других стран. Одним из таких преимуществ было и то, что их дома избавлялись от воинского постоя. Результатом этой меры явилось стремление многих петербургских аристократов предложить свои дома для проживания богатым английским купцам. С течением времени центром житель-

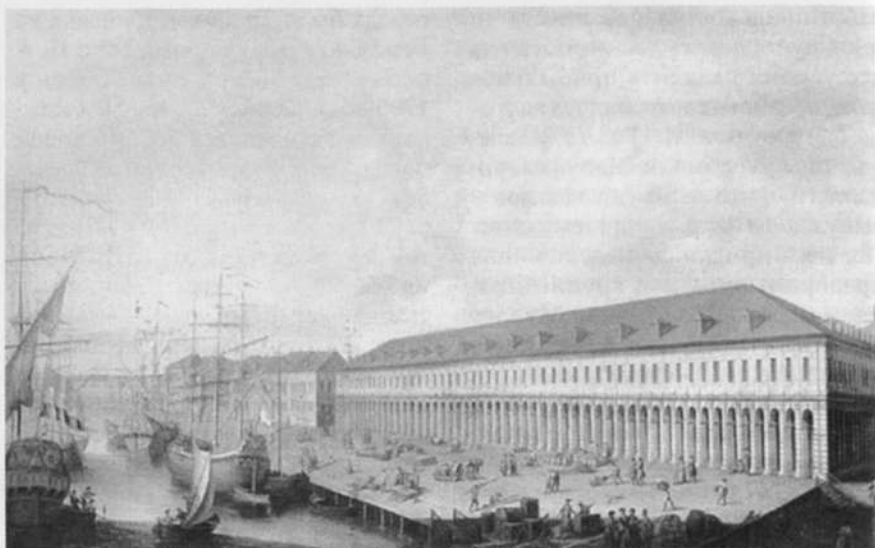

Панорама Невы вниз по течению от Зимнего дворца и Академии наук.
Г. А. Качалов по рисунку М. И. Махаева. 1753 г.

ства последних становится нижняя – от Адмиралтейства – набережная, более известная как Английская¹⁹. В 1742 году русско-английский договор был продлен на 15 лет; в том же году в Петербург прибыло 112 торговых судов, 82 из которых были английскими²⁰. Прибывший в 1739 году в Петербург итальянский путешественник Франческо Альгаротти писал, что каждый год в Петербург приходит до 90 английских кораблей. «Они, – писал Ф. Альгаротти, – привозят олово, свинец, обработанные сплавы, индиго, кампешевое дерево (древесина из Латинской империи, использовавшаяся для изготовления красителя. – М. Б.), горные квасцы, большие партии сукна – говорят даже, что русская армия одета во все английское. Привоз стоит пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, и все вышеперечисленное обменивается на товар ценностью в двести тысяч фунтов стерлингов, при этом баланс в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов – в пользу России»²¹.

Следует также отметить сравнительно высокую деловую активность в Петербурге выходцев из Голландии. В царствование Елизаветы I Петровны торговлю полотном вели выходцы из г. Фризенфейна Херрит Оттен (умер в Петербурге в 1743 году), Ян Геррит Сервие и Геррит Тен Кате. Их соотечественник Ян Хук (1730–1760; скончался в Петербурге) занимался не только торговлей, но и выдавал кредиты (в том числе самой Елизавете – 6185 рублей)²². Позднее, в царствование Екатерины II, в Петербурге действовала голландская компания «Схолл, Крюйс, Янсен и К^о» (с 1774 года – под названием «Крюйс, Энгбертс и К^о»), специализировавшаяся на продаже полотна, галантерейных и гастрономических товаров в Гостином дворе и при здании Голландской церкви на Невском проспекте. В целом во второй половине XVIII века участие голландцев во внешнеторговых операциях неуклонно сокращалось, уступая место стационарной торговле в пределах российской столицы.

Иностранцы, в том числе и купцы, приезжавшие на длительное время в Петербург, объединялись в религиозные общины. В пе-

риод правления императрицы Анны Ивановны на солнечной (современной четной) стороне Невского проспекта появилось несколько церковных зданий. В 1732 году на берегу Мойки было выделено место для французской церкви, в 1733-м для шведской – на месте нынешнего здания финской церкви на Большой Конюшенной улице (в 1745 году финско-шведский приход разделился на два самостоятельных) и для голландской церкви – на углу Мойки и Невского проспекта. Созданная в 1737 году, после опустошительных пожаров в столице, «Комиссия о Санкт-Петербургском строении» утвердила решение об отводе мест на Невском проспекте под голландскую и лютеранскую церковь и, кроме того, выделила здесь же участок для постройки католической церкви (современный д. 32–34). Рядом, на участке дома № 40–42, была построена и армянская церковь. Религиозное многообразие петербургской жизни способствовало утверждению в среде столичного купечества идей терпимости, взаимопонимания, готовности принять иной образ мыслей и религиозных убеждений, способности осознать свое место в пестрой картине столичных деловых, родственных и дружеских отношений.

Селившиеся в Петербурге люди, полагал современник, «оставляют тут прежние грубые свои поступки, а восприимлют здешнее новое искусство, и так помалу, время от времени, к лучшему обхождению приобучаясь, ныне, с Помощию Божией, российский народ со всеми

иностранцами европейскими народами всяк не постыдно обходится»²³. Отметим, что особую значимость фактор этнокультурных отношений приобретет в условиях модернизации российской экономики в екатерининскую эпоху (во второй половине XVIII века).

Петровские преобразования, обернувшиеся решительным сломом прежнего государственного и хозяйственного строя, обеспечили переход к открытому типу взаимодействия с окружающим миром. Сделав ставку на развитие торговых связей с западными странами, царь-реформатор способствовал преодолению хозяйственной замкнутости и изолированности страны. Проводимые меры способствовали развитию города как международного торгового центра и притоку в Россию иностранных промышленников и торговцев²⁴.

Вместе с тем на фоне нестабильной социально-экономической ситуации в стране и слабости формальных (правовых) институтов большое значение приобретали неформальные ограничения предпринимательства. К числу последних относились нормы поведения, типы отношений и связей в среде русского и иностранного купечества. Модификация норм поведения в соответствии с новыми законами являлась длительным процессом, более успешно проявлявшимся в деятельности фирм с участием родственников, друзей и близко знакомых лиц, то есть в условиях сохранявшихся между ними тесных доверительных отношений. Другими словами, при неразвитости институ-

циональных и организационных основ предпринимательства семья оставалась единственной удовлетворительной моделью торгового предприятия в России на протяжении XVIII – первой половины XIX века²⁵. Значение данного фактора в практике коммерческой деятельности российских и иностранных подданных было чрезвычайно велико, обусловив, например, ведущую роль фирм семейного типа в

отечественной оптовой торговле (узаконение в России царским манифестом 1807 года семейных по своему характеру торговых домов являлось тому наглядным подтверждением).

В целом можно сделать вывод о том, что в дореформенной России как формальная часть институциональной среды, так и ее неформальная часть в значительной мере благоприятствовали сохране-

нию «семейного» характера торгово-промышленной деятельности. При этом сама институциональная среда эволюционировала таким образом, что постепенно правила игры, соответствующие семейно-родственным и корпоративным (купеческим) отношениям в среде русских и иностранных торговцев, вращались в институты зарождающейся капиталистической экономики России.

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 21.

² Кротов П. А. Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга. СПб., 2001. С. 425.

³ Анисимов Е. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 128.

⁴ Беспятовых Ю. Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998. С. 84–85.

⁵ Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга: Ист. справочник. СПб., 2000. С. 8.

⁶ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 181.

⁷ Репин Н. Н. Петербург как внешнеторговый центр (первая четверть XVIII в.) // Феномен Петербурга. С. 413.

⁸ Шустов А. С. Санкт-Петербургское купечество к 200-летию юбилею столицы. СПб., 1903. С. 26.

⁹ Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 138.

¹⁰ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1999. Кн. 11. С. 447.

¹¹ Кротов П. А. Указ. соч. С. 428–429.

¹² Соловьев С. М. Сочинения. М., 1997. Кн. 9. С. 525.

¹³ Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX века. СПб., 2001. С. 147.

¹⁴ Захаров В. Н. Указ. соч. С. 35, 39, 41–43.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 72.

¹⁷ Лебедев С. К. Европейская деловая культура, кредит и банки в Петербурге // Предпринимательство и городская культура в России. 1861–1914. М., 2002. С. 48.

¹⁸ Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. 1749–1751. СПб., 1997. С. 181.

¹⁹ Столпянский П. Н. Старый Петербург: Адмиралтейский остров, сад Трудящихся. Пг., б.г. С. 20.

²⁰ Захаров В. Н. Предприниматели-иностранцы в России в XVIII веке // История предпринимательства в России. М., 2001. Кн. 1. С. 299.

²¹ Альгаротти Ф. Русские путешествия // Невский архив: Ист.-краевед. сб. Кн. 3. СПб., 1997. С. 253.

²² Мейусе К. Русские голландцы. Начало и конец фризенфейнской колонии в Санкт-Петербурге 1720–1920 гг. СПб., 1998. С. 23.

²³ Богданов А. И. Указ. соч. С. 264.

²⁴ Ананьич Б. В., Беляев С. Г. Санкт-Петербург – банковский центр Российской империи (XIX – начало XX в.) // Предпринимательство и городская культура в России. 1861–1914. 2002. С. 15.

²⁵ См.: Барышников М. Н. Иностранное предпринимательство в Петербурге во второй половине XVIII века // Гуманитарные науки и гуманитарное образование: Сб. ст. СПб., 2003; Он же. Иностранные предприниматели в Петербурге в первой половине XIX века // Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга: Очерки истории. СПб., 2003. Вып. 2.

Татарское подворье в Санкт-Петербурге — идея, реализованная столетие спустя

А. Н. Тагирджанова

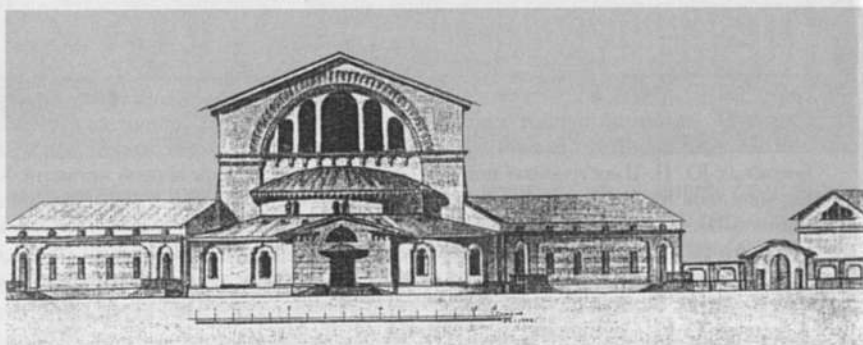
Сначала немного истории: общеизвестно, что Казанская губерния была одним из главных поставщиков строительных рабочих для молодой российской столицы, поэтому на карте города некогда значились и постепенно исчезли Татарская слобода и Татарский рынок, Татарская улица и Татарская площадь. Есть все основания полагать, что мусульманские приходы находились в местах компактного проживания первых строителей.

В качестве пояснения нужно сказать, что мусульмане могут совершать молитву в любом чистом помещении, встав по направлению в сторону Мекки и используя молитвенный коврик, который считается подспорьем в обеспечении и сохранении чистоты выбранного места.

Санкт-Петербург с момента своего основания складывался как многонациональный и многоконфессиональный город, но, естественно, прежде всего как столица православного государства.

Российская империя продолжала расти, и ее мусульманское население увеличивалось. Екатерина II после поддержанного инородцами подавления Пугачевского восстания коренным образом поменяла отношение к исламу, мусульмане стали активно привлекаться на государственную службу, за счет казны был издан Коран, в Поволжье начали строить мечети взамен ранее разрушенных.

В 1804 году архитектор А. Н. Воронихин, работавший над самым известным своим творением — Казанским собором, получил интересный заказ — Татарское подворье. Два варианта проекта великого зодчего хранятся в музее Академии художеств. Вариант «А» более проработан, вариант «В» скорее можно назвать наброском.

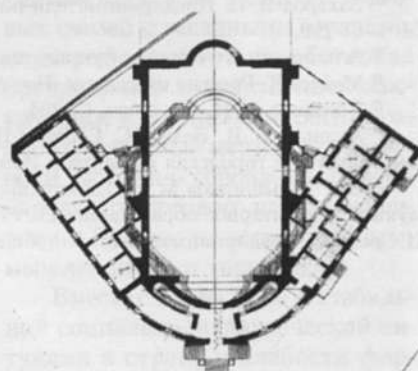
Фасад «Татарского подворья». Проект А. Воронихина. Фонд Академии художеств

Впервые с этим нереализованным проектом мастера можно было познакомиться на страницах изданной в 1963 году книги Г. Г. Гримма «Архитектор Воронихин».

Судя по плану, здание должно было состоять из мечети и двух примыкающих к ней одноэтажных флигелей. На чертеже есть пометки: для «мулл и прочих духовных лиц» предназначался один из флигелей, другой — для «проезжающих и купечествующих». Фасад здания по плану имеет скругленную форму, из чего можно предположить, что строительство намечалось на пересечении двух улиц. Указан размер фасада в 10 саженей, что соответствует 21 метру. Нет никаких элементов, присущих мусульманским культовым постройкам, — ни минарета, ни полумесяца. Зал мечети — большое прямоугольное помещение, в противоположной от входа стене, по идее обращенной в сторону Мекки, располагается особая ниша — михраб, что хорошо видно на плане; зал освещается пятью окнами в торцевой стене против ниши — михраба, объединенными одной большой полукруглой нишей. Выполнить здание предполагалось в серо-белой цветовой гамме.

Работа над проектом была отложена, возможно, с предложением

другого места под застройку, так как хранящийся в фондах Российского государственного исторического архива проект татарской мечети имеет совершенно другое решение.

Проект «Татарского подворья». План. 1984 г.

Дело «О строительстве татарской мечети 1803 года» было обнаружено мною в каталоге Российского государственного исторического архива среди дел, касающихся подворий православных монастырей.

Этот проект можно считать завершенным и принятым, но, к сожалению, никаких сведений об архитекторе в материалах дела нет. Детально проработаны фасад, план

и боковой разрез мечети, выполнен элемент ограды. Мечеть располагается в центре большого прямоугольного двора, по обеим сторонам которого находятся два выступающих вперед флигеля, предназначенных скорее всего для проживания слуг.

Неизвестный архитектор предложил оригинальное решение – мечеть-ротонда. Голубой купол мечети увенчан шаром с полумесяцем. В плане мечети сложно определить нишу – михраб, так как она не выражена явно, но, судя по боковому разрезу, в декоре интерьера мечети предполагалась орнаментальная роспись коранических текстов по основанию купола и в межколонных пространствах.

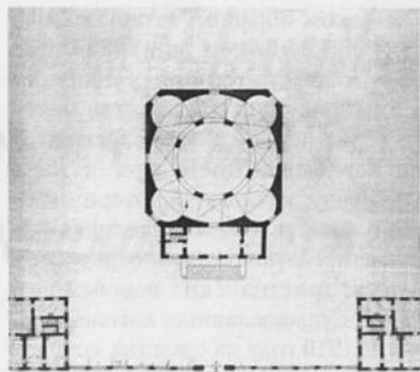
Предлагавшиеся к строительству проекты выполнены в классицистическом стиле, стиле своего времени, хотя они абсолютно разные, но их объединяет Крым. Авторы явно находились под влиянием крымско-татарской архитектуры, в проекте «Татарского подворья» отдаленно звучит мотив мечети-медресе хана Узбека (Старый Крым) постройки 1314 года. Планировка мечетей в исламских странах представлена двумя типами – базиличным и купольным. Более древней является базилика.

А «Татарская мечеть» переносит нас в Бахчисарай, к комплексу ханского дворца, к мавзолею Диллары-Бикеч и к ротонде над могилой Менгли-Гирея II.

Специалисты считают, что для постройки культовых и гражданских сооружений крымским татарам приходилось обращаться к строителям армянского и греческого происхождения, проживавшим в сельджукских колониях, но могли приглашать и мастеров из Поволжья, главным образом из Булгара.

Архитектура раннего средневекового Волго-Камья и позднее образованного Казанского ханства не могла питать воображение авторов предложенных проектов, так как после захвата Казани в 1552 году татарское государство попало под воздействие русской культуры.

Но вернемся в Санкт-Петербург, к архивным документам. Петербургские архивы – уникальная сокровищница! Какие тайны сохраняются в фондах в ожидании исследователей!

Проект «Татарской мечети», хранящийся в фондах РГИА. План

Малообъемное, всего в 6 листов, дело, начатое в 1803 году и законченное в 1806 году, состоит из переписки военного губернатора графа Н. А. Толстого с графом В. П. Кочубеем, министром внутренних дел, и дает очень интересную информацию.

Строительство мечети предполагалось по набережной реки Фонтанки, «из пустопорожного места лежащего лейб-гвардии в Измайловском полку возле экзерциргауза», буквально помещения для упражнений, а «остающееся место нужно... для складни дрог». Сообщается о письме муллы Юсупова, «коим просит до построения мечети о назначении татарам в казенных строениях особых комнат, где бы они могли отправлять богослужения и для жительства муллов с служителями...», а также, что «постройку мечети предполагается произвести впредь по удобности, что ж касается до отправления бо-

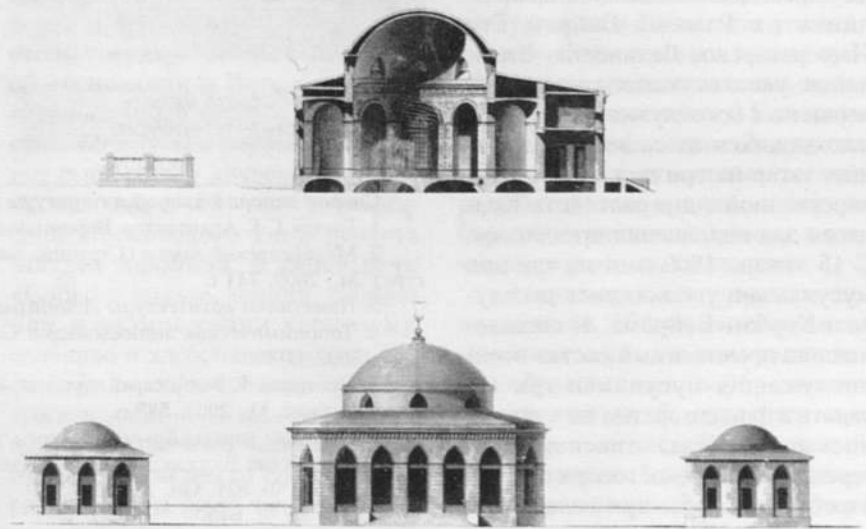
гослужения татарам в известные времена года, то на случай сей по докладыванию Его Императорскому Величеству Военных губернаторов дозволено было им собираться прежде в Таврическом, а потом в Михайловском дворцах, как то и мулла Юсупов объявляет в просьбе своей».

План Санкт-Петербурга за 1806 год дает возможность точно определить современный адрес «пустопорожного места возле экзерциргауза» – это часть скромного сквера в комплексе гостиницы «Светская», а деревянное помещение для упражнений – экзерциргауз – тянулось от нынешнего Рижского проспекта до Троицкого вдоль Лермонтовского проспекта.

Как это ни удивительно сейчас, но помещения для мусульманских богослужений были выделены в Таврическом дворце и Михайловском замке совершенно не случайно. Эти здания оказались в опале вместо своих покойных владельцев и из былого великолетия перешли в состояние запущенности и ненужности.

Таврический дворец был построен в малонаселенном, отдаленном от центра города районе близ казарм Конной гвардии. В конце 1790-х – начале 1800 годов к югу от усадьбы возник военный городок – казармы Преображенского полка. Известно, что казанские татары несли рекрутскую повинность и включались в состав русской армии.

Восшедший на престол Павел I был суров, жажда справедливого

Проект «Татарской мечети». РГИА

возмездия за униженное положение при дворе законного наследника, каким он был, заставила приказать передать ненавистный дворец под казармы, конюшни и прочее; но не долгим было его правление, и после переворота члены императорской семьи и двор покинули величественный Михайловский замок и вернулись в привычный Зимний дворец.

В 1802 году восшедший на престол Александр I распорядился вернуть Таврическому дворцу былое величие, и тут же началось уничтожение интерьеров Михайловского замка для восполнения утраты внутреннего убранства дворца Таврического, и, выражаясь современным языком, замок был сдан в аренду: получив разрешение императора, в здании временно начали проживать артисты, чиновники, военные, размещались архив и канцелярии.

Из приведенной выше переписки следует, что еще до 1806 года в Михайловском замке начал звучать «азан» – призыв к мусульманской молитве, об «отводе помещений для этой надобности» в бывших апартаментах Марии Федоровны сообщается в сборнике «Михайловский замок», изданном в 2003 году.

В Центральном государственном архиве Военно-морского флота хранятся «Предложения», поданные в Государственную адмиралтейств-коллегию 7 ноября 1808 года и 14 января 1809 года, следующего содержания: «По случаю имеющего быть 8 числа сего месяца у пребывающих здесь татар праздника их Рамазан-Байрам Его Императорское Величество Высочайше указать соизволил для совершения богослужения уволить находящихся здесь военнслужащих татар на три дня, о чем Государственной Адмиралтейств-Коллегии для исполнения предлагаю». С 15 января 1809 года на три дня мусульмане увольнялись по случаю Курбан-Байрама. К сожалению, количественный состав военнслужащих-мусульман тех лет узнать в фондах архива не удалось, но в документах, относящихся к середине XIX века, говорится, что «требуется чтобы при всякой мечети прихожан было не менее 300 или по крайней мере 200 ревизских душ мужского пола».

Таким образом, татары оказались временными, приходящими обитателями столичных дворцов, а к вопросу о строительстве мечети вернулись не скоро, спустя столетие, только после принятия в 1905 году закона о веротерпимости, давшего равные гражданские права представителям нехристианских и христианских вероисповеданий с православным населением.

В 1910 году на средства, собранные среди мусульман, населявших Россию, была заложена мечеть неподалеку от Троицкого собора, на земельном участке, купленном Эмиром Бухарским, ставшим таким образом самым крупным жертвователем на строительство. Петроградская сторона, после ввода Троицкого моста, была в то время местом массового строительства, но воодушевление мусульман вызвало серьезную полемику о недопустимости строительства мечети вблизи Петропавловского собора – усыпальни-

Соборная мечеть
в Санкт-Петербурге

цы российских императоров, тем не менее вопрос был решен на высочайшем уровне и утвержден министром внутренних дел П. А. Столыпиным.

В Санкт-Петербурге ощущается сильное влияние архитектурных стилей на культовые постройки: каждый стиль вносит свое дополнение, оригинальное решение. Армянская церковь, Смольный, Исаакиевский, Казанский соборы тому пример. Соборная мечеть, над проектом которой работали архитекторы А. И. фон Гоген, С. С. Кричинский и Н. В. Васильев, – памятник архитектуры стиля «северный модерн». Удивительным образом соединили авторы средневековую эпоху Тамерлана с элементами европейской зодчества, своеобразно сочетание серого гранита в облицовке стен с использованием керамики для оформления портала, купола и минаретов.

К празднованию 300-летия дома Романовых мечеть была готова вчерне, внутренние работы продолжались еще в течение нескольких лет.

В период строительства долгожданной мечети мусульман столицы, получив разрешение властей, собирались на праздничные богослужения во временно арендуемых помещениях Александровского зала городской думы, зала Дворянского собрания, театра «Лин», в помещении Губернской земельной управы и других.

Вот такое интересное завершение получила идея строительства Татарского подворья на набережной реки Фонтанки, а в результате столетие спустя наш город украсился куполом и минаретами соборной мечети, столь экзотическими среди шедевров европейской архитектуры.

Список использованной литературы и архивных материалов:

1. Гримм Г. Г. Архитектор Воронихин. Л.; М., 1963. 200 с.
2. Михайловский замок: (Страница биографии памятника в документах и литературе). М., 2003. 741 с.
3. Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1972. 497 с.
4. Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. 10 000 городских имен. СПб., 2002. 803 с.
5. Нетовкин Р. Бахчисарай, душа моя...: Альбом. Симферополь, 1998. 40 с.
6. Татары. М., 2001. 582 с.
7. Тюркские народы Крыма. Караимы, крымские татары, крымчаки. М., 2003. 458 с.
8. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 1. Д. 237.
9. То же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 554.
10. То же. Д. 645.
11. Центральный государственный архив Военно-морского флота (ЦГА ВМФ). Ф. 227. Оп. 1. Д. 102.
12. То же. Ф. 212. Оп. Канц. Д. 97.

100 лет Центральному музею почвоведения им. В. В. Докучаева (прошлое, настоящее, будущее)

Б. Ф. Апарин

Вековая история Центрального музея почвоведения им. В. В. Докучаева насыщена драматическими событиями, столь характерными для судеб многих естественнонаучных музеев России. Вместе с тем она оригинальна и самобытна, как и вся история генетического почвоведения, ровесником которого фактически является музей.

Докучаевское почвоведение явилось первой синтетической отраслью естествознания, изучающей не одну какую-либо категорию природных тел или явлений, а сложные взаимоотношения между ними. Из его теории развилась концепция о почве как комплексной среде – основе науки о земных экосистемах.

Новые представления о почве не укладывались в русло исторически сложившегося утилитарного отношения к ней лишь как к объекту хозяйствования – земле, обрабатываемом слое. Почва была объектом одностороннего исследования агрономической науки. Производительная способность изучалась с целью повышения плодородия и экономической оценки для налогообложения. Отчасти почва изучалась геологической наукой как верхний слой породы, преобразованный процессами выветривания. Такое представление о почве обусловило весьма критическое восприятие революционных по сути научных идей Докучаева в естествознании, касающихся его основ: выделение нового самостоятельного объекта исследования (четвертого царства природы) и новой методологии естествознания.

По-видимому, впервые в истории естествознания одновременно со становлением науки так остро возникла необходимость в организации музея. Нужно было прежде

всего в наглядной форме показать почву как особое природное тело, отличающееся исключительным разнообразием строения и свойств.

В. В. Докучаев

Докучаев поднял вопрос о необходимости создания музея в 1879 году, на заре русского почвоведения, и добился ходатайства от имени VI съезда естествоиспытателей и врачей перед Министерством государственных имуществ об «основании в Петербурге Почвенного музея ввиду его полезности». Между тем первое упоминание о прообразе почвенного музея мы находим в 1871 году у профессора Московского университета Матвея Афонина. В своей речи «Слово о пользе, знании, собирании и размножении чернозему, особливо в хлебопашестве» он писал: «...я за полезное нахожу предложить, дабы не только различных видов называемый чернозем, но и прочих родов земли собираемы и располагаемы были так, как минералогии поступают в собирании и расположении минеральных кабинетов».

В 1880–1900-е годы Докучаеву удалось реализовать свои идеи о популяризации почвоведения путем создания и демонстрации почвенных коллекций на многочисленных выставках (Париж, Чикаго, Москва, Нижний Новгород, Санкт-Петербург) и организации земских естественноисторических музеев (Нижегородский и Полтавский земские естественноисторические музеи). В 1895 году Почвенный музей с коллекциями растений, животных и полезных ископаемых был организован частным лицом В. Л. Нарышкиным в его имении Пады Балашовского уезда Саратовской губернии. Р. В. Ризположенский в 1897 году поднял вопрос о создании почвенного музея в Казани, в котором хранились бы почвы Востока. Основанием для музея послужили бы 15 000 образцов почв, собранных им при исследовании Казанской, Пермской, Симбирской и других губерний.

Почвенные коллекции стали создаваться в Лесном институте, Петровской академии, Санкт-Петербургском и Казанском университетах. Почвенные коллекции преобладают в провинциальных музеях Вятки, Минусинска и Екатеринбурга. По инициативе Докучаева ведущими естествоиспытателями разрабатывалась программа для собирания естественнонаучных, в том числе почвенных, коллекций.

Докучаеву и его ученикам понадобилось 25 лет, заполненных многочисленными выступлениями, обращениями, одобрениями, решениями, чтобы, наконец, и в столице появился Центральный педологический музей, которому было присвоено имя основателя науки о почве.

В 1902 году ученик Докучаева, его верный друг и соратник

П. В. Отоцкий обратился к Императорскому вольному экономическому обществу (ВЭО) с запиской о пожертвовании обществу обширных коллекций Докучаева, его учеников и последователей, состоявших из нескольких тысяч образцов почв и горных пород, обширного собрания карт, чертежей, картин, фотографий, моделей приборов и пр. «Все эти коллекции мы, почвоведы русские, с радостью пожертвовали бы Императорскому Вольному Экономическому Обществу, если бы оно помогло осуществлению заветнейшей нашей мечты – учредить такой центральный педологический (почвенный) музей, где было бы собрано, по возможности, все касающееся этой естественной исторической науки, где бы всякий, занимающийся тем или иным вопросом почвоведения или интересующийся почвенным покровом того или иного уголка земного шара, мог бы найти для себя нужный подсобный материал и указание. Потребность в таком учреждении чрезвычайно велика».

Официальное открытие Центрального педологического музея им. В. В. Докучаева при ВЭО состоялось 6 ноября (по старому стилю) 1904 года, спустя почти год после смерти Докучаева. Заведующим музеем был назначен П. В. Отоцкий. К этому времени было закончено приведение в порядок и обработка всех демонстрационных коллекций почв, горных пород, карт, картин и т. п. Музей уже в первый год своего существования неоднократно посещался с учебными целями слушательницами сельскохозяйственных курсов профессора Стебута и слушателями статистических курсов. В целом общее число посетителей и занимавшихся научной работой значительно превысило 200 человек.

Открытие Центрального музея почвоведения им. В. В. Докучаева – первого официального почвенного учреждения с широкими функциями – стало прорывом в общественном сознании и отправным пунктом на пути создания Почвенного института.

Вехи истории музея делят ее на разные временные промежутки, за которыми паутина больших и малых, важных и не очень значительных событий. Созданный в 1912 году Докучаевский почвенный ко-

митет (ДПК) организовал свой музей, в котором были представлены коллекции почв Азиатской России, собранные сотрудниками переселенческих экспедиций. Через год ДПК получил коллекции докучаевского музея при ВЭО с его библиотекой и лабораторией.

В 1918 году эпоха перемен и социальных потрясений не обошла стороной и музей. ДПК прекратил свою работу. Музейные коллекции были складированы в подвальные помещения здания ДПК. Период забвения – 7 лет музей на консервации. А дальше трагедия сентября 1924 года. В результате катастрофического наводнения погибла треть почвенных коллекций.

Поворотным в истории музея стал 1925 год, когда при Комитете по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) был создан Почвенный институт и при нем открылся музей. Если для создания музея потребовалась четверть века, для организации Почвенного института – 50 лет. Последующие 9 лет оказались для музея весьма продуктивными. Созданием экспозиции занимались крупнейшие почвоведы того времени: Б. Б. Польшов, А. А. Бальц, З. Ю. Шокальская, А. И. Дараган.

Фонды музея быстро пополнялись коллекциями почвенных монолитов из разных концов России. Их привозили участники экспедиций: Е. Н. Иванова (Западная Сибирь), А. А. Завалишин (Закавказье), А. А. Роде (Ленинградская об-

ласть), Н. Н. Соколов (Южная Осетия), И. Н. Антипов-Каратаев (Крым). Но, как говорится, счастье было недолгим. В 1934 году Почвенный институт перевели в Москву, музей остался в Ленинграде. Его коллекции были размещены в помещении Геологического музея, на площади в два раза меньше, чем прежде. Музей был открыт для посетителей и научной работы.

1941–1945 годы. Трагические дни войны и блокады Ленинграда. В 1942 году умер от голода Г. Н. Боч, который с 1932 года был заведующим музеем. Г. Н. Боч, З. Ю. Шокальская и М. Н. Глазатова (уборщица) сохранили коллекции и таким образом спасли музей.

Уже в 1945 году Почвенный институт командировал старшего научного сотрудника А. А. Завалишина в Ленинград для участия в воссоздании экспозиции музея. И вот новый подъем музея. В 1946 году в еще не оправившейся от войны стране широко отмечается 100-летний юбилей В. В. Докучаева. Совет народных комиссаров Союза ССР постановил создать в системе АН СССР Центральный музей почвоведения им. В. В. Докучаева на базе музея Почвенного института.

Впервые за всю свою историю цели и задачи музея приблизились к программным установкам В. В. Докучаева. В музее начал формироваться крупный научный коллектив во главе с директором музея доктором географических наук

Центральный музей почвоведения им. В. В. Докучаева.

Зинаидой Юльевной Шокальской. Сотрудники музея участвовали в академических экспедициях по всей стране, что позволило быстрыми темпами пополнить почвенные коллекции музея. Стали развиваться новые оригинальные научные направления: почвенная микробиология (Т. В. Аристовская), биохимия почв (В. В. Пономарева), получившие мировое признание. Музей становится лидером в изучении географии, генезиса и плодородия почв Севера Русской равнины (А. А. Завалишин, А. Г. Марченко, Т. А. Рожнова, Е. В. Рубилин, Б. В. Надеждин, В. К. Пестряков и другие).

В 50-х годах началась реконструкция экспозиции музея по новому генеральному плану, разработанному под руководством З. Ю. Шокальской. Благодаря введению в экспозицию картин, макетов, большого количества диорам удалось в популярной форме дать докучаевское понимание почв, в котором, по словам Б. Б. Полюнова, «тесно связывалось представление о профиле с представлением о ландшафте, связывалось не как два разных явления, смещенных во времени и пространстве, а как нечто органически целое, как орган связан со своим организмом».

В годы пребывания в составе АН СССР сформировались основы устойчивого развития музея как самостоятельного государственного учреждения, занимающего свое определенное место, имеющего конкретные цели и задачи в системе наук о Земле и в области культуры. Отношение к почве – это основа культуры любой нации.

В 1961 году музей вновь вошел в состав Почвенного института им. В. В. Докучаева ВАСХНИЛ. При активном участии ведущих ученых института В. В. Егорова, Н. Н. Розова, А. А. Роде, В. М. Фридланда, И. Н. Скрынниковой в музее стали создаваться новые экспозиции, совершенствовалась просветительская деятельность, поддерживался и укреплялся авторитет музея как научно-исследовательского учреждения. Число сотрудников музея достигло 44 человек, среди них работали 3 доктора наук, 7 кандидатов наук.

К концу 70-х годов стала очевидной необходимость в коренной

Фрагмент экспозиции

реконструкции музея. Она была вызвана двумя причинами: безотлагательностью капитального ремонта помещений музея и заменой экспозиций. К этому времени экспозиция музея в целом приобрела налет «академичности» как по научному содержанию, так и по художественному оформлению. Музей в важной части своей просветительской деятельности старел.

Между тем в 1960–1970-е годы появились признаки общего кризисного состояния почвенных ресурсов, которые стали катастрофически нарастать в последующие десятилетия. Они проявились в прямом разрушении почвенного покрова, отчуждении, деградации и загрязнении почв, что отразилось в падении плодородия почв и в прогрессивном уменьшении площади пахотных земель на душу населения. Произошло нарушение важнейшей биосферной функции почв – воспроизводство плодородия, но уже в планетарном масштабе. Еще более далеко идущие последствия для биосферы связаны с общим нарушением всех основных биогеоценотических функций почв и почвенного покрова.

Были разработаны новые принципы и научное содержание экспозиции музея, а также оригинальные художественные приемы ее построения, которые были утверждены ученым советом Почвенного инсти-

тута им В. В. Докучаева. Подготовительный период по созданию новой экспозиции занял около 10 лет. После завершения капитального ремонта в музее начались работы по реэкспозиции, которые проводились в соответствии с тематико-экспозиционным планом и архитектурным проектом. Смутное время начала 1990-х поставило под угрозу весь ход работ по реэкспозиции. Практически полностью прекратилось финансирование реконструкции музея. Число сотрудников было сокращено до 18 человек, и был период, когда заработная плата не выдавалась около полугода. Один за другим на глазах разваливались предприятия – основные исполнители работ (КЖОИ – комбинат живописно-оформительского искусства, ДПИ – комбинат декоративно-прикладного искусства и др.).

Как удалось музею пережить новое лихолетье? Прежде всего сохранился небольшой коллектив единомышленников и было осознание ответственности перед теми, кто вложил знания, душу и силы в создание Почвенного музея. Об этом не принято было говорить. Каждый сделал сам свой выбор. Но главное – у музея был запас прочности: Почвенный институт им. В. В. Докучаева.

Важно, что в конечном счете была создана почвенно-экологическая экспозиция, не имеющая

аналогов в мире. Открытие новой экспозиции состоялось в 1996 году, во время работы съезда почвоведов России, посвященного 150-летию В. В. Докучаева.

Экспозиция имеет пять отделов, 36 тематических разделов, в которые вошли более 1500 новых экспозиционных элементов, в том числе панно-картины, картины, диорамы, портретная и скульптурная галереи, уникальный экспонат – почвенный глобус. В экспозиции музея реализована идея тематико-художественных комплексов, которые отражают единство научного содержания экспозиционных форм и художественных средств. Базовые образовательные экспозиции дополняются специальными постоянными и временными тематическими экспозициями и выставками.

Угрожающие масштабы деградации почв в России и в мире на первое место выдвинули экологические проблемы и необходимость экологического образования широких слоев населения. Сегодня в школьных программах и учебниках почвам – важнейшему элементу экосистем, их роли в жизни людей и в сохранении биоразнообразия практически не уделяется внимания. Поэтому не случайно, что современное общество оказалось фактически невосприимчивым к проблемам деградации почв и грядущим экологическим последствиям для мирового сообщества, связанным с уничтожением почв, их загрязнением, потерей плодородия.

Это определило приоритет задач деятельности Центрального музея почвоведения им. В. В. Докучаева и его важнейшей задачи – создания технологии непрерывного экологического образования в области почвоведения, начиная с детей дошкольного возраста. Мы рассматриваем ее как дальнейшее развитие и углубление докучаевской системы образования. В последнее десятилетие сотрудниками кафедры почвоведения и экологии почв СПбГУ и Центрального музея почвоведения им. В. В. Докучаева была разработана образовательная технология, направленная на создание оптимальной системы сквозного экологического образования с использованием традиционных и современных методов обучения.

Школьная экскурсия в музей

Концепция, положенная в основу образовательной технологии, базируется на следующих принципах:

- от простого к сложному (от представлений «почва – земля» до понимания «почва – зеркало ландшафта»);

- от общего к частному и от частного к системному (почва – четвертое царство природы, биокосное тело со своими законами развития – полифункциональная система, обеспечивающая устойчивое развитие биосферы);

- от образного к конкретному («почва – мать-кормилица», «модели управления плодородием почв»);

- единство традиционных методов (натурное исследование почв в поле, лекции и лабораторные исследования) с компьютерными технологиями обучения.

Предлагаемая технология образования обеспечивает поэтапное формирование широкого экологического мировоззрения, причем его основы должны закладываться еще на дошкольном уровне.

Технология включает в себя все элементы экологической образовательной программы по почвоведению и взаимодействие между партнерами. Для реализации образовательной программы используются следующие средства и методы: создание специальных образовательных музейных экспозиций и выставок с использованием традиционных художественных средств и новых компьютерных технологий обучения; вовлечение обучающихся в технологический процесс и их активное участие в раз-

витии технологии обучения; создание автоматизированного банка данных фонда почвенных монолитов в Музее для информационно-аналитического обеспечения учебного процесса; аудиовизуальные средства; моделирование и макетирование.

Область современных научных исследований такова: 1) – мониторинг и прогнозирование экологического состояния почв на основе сравнительного исследования почвенных монолитов, отобранных в разные годы; 2) – создание Красной книги почв Ленинградской области; 3) – создание коллекции почвенных монолитов – эталонов основных естественных типов почв России; 4) – исследование влияния на почвы хозяйственной деятельности: кольцевой автодороги вокруг Санкт-Петербурга и нефтепроводов.

В сложных социально-экономических условиях страны музей нашел свое определенное место в научном, образовательном и культурном пространстве. Современный статус музея – государственное научно-исследовательское и культурно-просветительское учреждение. Перспективы развития научных исследований музея связаны, с одной стороны, с его уникальными коллекциями почвенных монолитов, а с другой – с научной кооперацией с учеными Почвенного института им. В. В. Докучаева, Санкт-Петербургского государственного университета и других научных учреждений в решении экологических проблем.

Животпись европейских мастеров

Е. И. Кочерова

Ю. В. Мудров

Открывшаяся недавно в Ораниенбауме выставка «Западноевропейская живопись» разместила в двух ярусах Церковного павильона Большого Меншиковского дворца.

Возведение в западной части дворца павильона двадцатиметровой высоты, увенчанного куполом, началось летом 1719 года. Строительство Церковного павильона велось под руководством архитектора И. Ф. Браунштейна. Посвящение храма святому целителю Пантелеймону не было случайным: на день его памяти пришлось победы русского оружия при Гангуте и Гренгаме во время Северной войны. 3 сентября 1727 года – дата освящения дворцовой церкви – может считаться и датой завершения строительства всего Меншиковского дворца. Через пять дней «прегордый Голиаф» (как называли современники Меншикова) был арестован, а затем отправлен в ссылку.

Павильон, как и весь дворец, возведен в стиле барокко. Восьмигранный, он отличался редкой для начала XVIII века продуманностью и рациональностью планировки. Богатую игру светотени создают декоративные детали – парные тосканские колонны первого этажа и пилястры и полупилястры коринфского ордера – на втором этаже экстерьера. Выдающийся художник и искусствовед Игорь Грабарь писал об архитектуре павильонов Меншиковского дворца: «...они сверкают благородством настоящих жемчужин». Сдержанно-монументальное и благородное решение имеет и интерьер церкви. Единое пространство зала пронизано светом, льющимся из располагающихся в два яруса окон. Главной достопримечательностью церкви являлся иконостас, созданный выдающимся мастером Иваном Зарудным в 1720–1725 годах по распоряжению Меншикова.

Интерьер церкви. Иконостас.

Деревянный, резной, покрытый серебром и позолотой, он, наряду с иконостасом Петропавловского крепостного собора в Петербурге, был выдающимся произведением русского искусства XVIII столетия. С небольшими утратами резного декора иконостас Ивана Зарудного сохранился до 1939 года, когда он был демонтирован и отправлен в Петергоф, где хранился во флигеле Монплезира. После 1941 года следы его затерялись. До наших дней в павильоне сохранились лишь отдельные элементы лепного декора на стенах, окнах и перекрытиях хор. В планах музея-заповедника значится воссоздание интерьера и иконостаса Церковного павильона.

А пока здесь выставочные площади. Сегодня мы знакомим зрителей с произведениями западноевропейского искусства XVII–XVIII веков из фондов музея.

В художественных собраниях императорских и великодушных резиденций Санкт-Петербурга и его пригородов коллекции живописи всегда были обширны и значительны. В новое время, следуя примеру Петра Великого, его прибли-

женные, а затем и потомки великого преобразователя России, а также представители «высшего света» империи собирали прежде всего западноевропейскую живопись, а потом и лучшие образцы национального искусства.

Все основные владельцы Ораниенбаума – Александр Меншиков, Петр III, Екатерина II, Александр I и Елизавета Алексеевна, великий князь Михаил Павлович и великие княгини Елена Павловна и Екатерина Михайловна, принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская, герцоги Георгий и Михаил Георгиевичи Мекленбург-Стрелицкие были собирателями живописи.

Одно из наиболее крупных собраний живописи петровского времени принадлежало Александру Меншикову. Значительная его часть находилась в Ораниенбаумском дворце.

Великий князь Петр Федорович в своей любимой резиденции украсил живописью все дворцовые помещения. Увлекавшийся собирательством, он разместил здесь свои многочисленные коллекции. В небольшом дворце в крепости Петерштадт был оформлен специальный картинный зал. В Картинном доме помещаются: кунсткамера, обширная библиотека, основная часть живописного собрания. Живописная коллекция Петра Федоровича формировалась тремя путями: покупки, сделанные им самим, подарки и, наконец, заимствования из кладовых «Камерцалмейстерской конторы», в которой хранились живописные полотна, приобретенные в первой половине XVIII века специально для императорских дворцов, а также конфискованные у попавших в опалу графа Эрнеста Бирона, графа Лестока и других. Вступив на престол, Петр III не только не потерял интереса к коллекционированию живописи, но лично уча-

Вид Ораниенбаумского Большого дворца со стороны двора. 1758 г.
Баризьен (Паризьен?), Фридрих Гартман. 1724–1796 гг.

ствовал в покупках. Ближайший сотрудник императора, видный ученый своего времени академик Якоб Штелин вспоминал: «В мае 1762 года я поехал с императором на биржу на голландский корабль, чтобы осмотреть большую партию голландских картин. Из них Его Величество выбрали со мной лучшие. Этот государь вообще очень ценил хорошие картины и, будучи еще великим князем, уже собрал превосходную коллекцию и основал в Ораниенбауме большую картинную галерею. Позднее, когда он стал императором, я должен был устроить ему в новом дворце картинный кабинет и в крепостном дворце картинный зал». Ораниенбаумская коллекция живописи Петра III к 1762 году состояла из 464 картин и являлась крупнейшим дворцовым собранием середины XVIII века. По количеству полотен она была сопоставима с собраниями Петергофа и Царского Села. В коллекции Петра III преобладали работы художников итальянской и «северных» школ.

При Екатерине II ряд произведений западноевропейских мастеров из Ораниенбаума были переданы в Академию художеств и Императорский Эрмитаж. Вместе с тем в Китайский дворец «Собственной дачи» императрица помещала понравившиеся ей полотна, тем самым пополняя собрание.

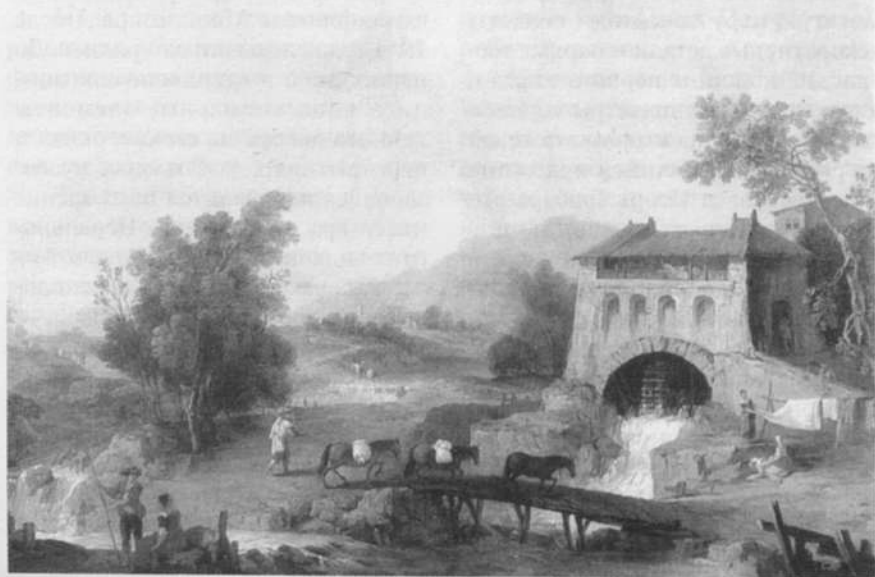
XIX столетие не внесло кардинальных перемен в состав живопис-

ного собрания. Владельцы Ораниенбаума особенно бережно и трепетно относились к произведениям западноевропейской живописи, хранившимся в Китайском дворце.

Состав и размеры живописных коллекций значительно изменились в бурные и трагические годы революций и Гражданской войны. Ядро ораниенбаумского живописного собрания сегодня – это произведения, хранящиеся во дворцах Петра III и Китайском. Однако существенная часть коллекции – это и поступления последних шестидесяти лет, т. е. послевоенного и современного периодов. Именно с

ними и знакомит экспозиция, развернутая ныне в Церковном корпусе. Значительны поступления из собрания Государственного Эрмитажа. В 1960–1980-е годы были переданы большеформатные полотна на библейские темы венецианского живописца Якопо Пальма Младшего (1544–1628), а также произведения мастеров флорентийской и болонской школ, француза Жака Куртуа (Бургиньона) (1621–1675), работавшего в Италии, мастеров Голландии и Фландрии. Из императорских собраний происходят поступившие в Ораниенбаум жанровые полотна австрийского живописца Августа Кверфурта (1696–1761) – «Сцены на пристани», пейзаж венецианца Франческо Цукарелли (1702–1788) – «Пейзаж с мельницей».

В связи с перераспределением музейных фондов пригородных дворцов-музеев, проведенным органами управления культурой Ленинграда в 1960-е годы, в Ораниенбаум поступили принадлежавшие ранее Гатчинскому дворцовому собранию несколько картин. В их числе – жанровое полотно голландца Герарда Сандерса (1702–1788) – «Переселенцы», натюрморты немецкой художницы Катарины Кениг (Трей) (1743–1811) – «Дыня и виноград» и «Персики и виноград», а также картины немецкого художника-анималиста, работавшего в России, академика Петербургской академии художеств Иоганна Фридриха

Пейзаж с мельницей. Цукарелли, Франческо (?). 1702–1788 гг.

Гроота (1717–1801) – «Дикая утка с утятами» и «Битая дичь».

Значительный интерес представляют два полотна, поступившие в музей Ораниенбаума как работы неизвестных художников – «Сцена в кухне» и «Святой Иероним». Коллеги из Эрмитажа и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва), известные специалисты Ирина Линник и Виктория Маркова смогли установить авторов картин. В первом случае – это голландский живописец XVII века Балтазар Принс, а во втором – итальянец Маттиа Прети (около 1613–1699).

На выставке экспонируются произведения, поступившие из частных собраний. Это приобретения или дары музею. Уже упоминавшееся полотно «Святой Иероним» Маттиа Прети – это дар Бориса Либермана, так же как «Деревенский пейзаж» голландца Давида Тенирса младшего (1610–1690) и «Морской пейзаж» неизвестного голландского художника XVII века.

Самсон и Далила. Неизвестный художник XVIII в.

Морской пейзаж. Неизвестный художник XVII в.

В числе экспонируемых приобретений музея – полотно «Самсон и Далила» неизвестного венецианского художника XVIII века, жанровая картина «Праздник», относящаяся к школе голландца Питера Ван Лара (около 1592 – после 1642), голландский натюрморт «Десерт» круга Корнелиса де Хема (1631–1695).

Пожалуй, наиболее интересная судьба у большого полотна неаполитанца Луки Джордано (1632–1705) «Иосиф и жена Пентефрея», написанного на библейский сюжет. До 1765 года хранившееся в Ораниенбауме, в 1765–1927 годах – в музее Академии художеств, затем – в Государственном Эрмитаже, в 1980 году полотно вернулось в Ораниенбаум.

Карл Брюллов: «Моя жена — художества...»

О. П. Вареник

Ни один из европейских художников не удостоился в XIX веке такого грандиозного успеха и поклонения, какие выпали на долю молодого русского художника Карла Павловича Брюллова, когда в 1833 году он представил для обозрения публики в своей римской мастерской картину «Последний день Помпеи»¹. Писал Брюллов картину шесть лет. Заказчик картины — известный русский меценат и благотворитель, князь А. Н. Демидов-Сан-Дonato заплатил за нее сорок тысяч франков².

С раннего детства Карла Брюлло (названного в честь деда по материнской линии) окружала атмосфера искусства и строгого воспитания. Его предки, ремесленники французы-протестанты, в поисках работы переселились в Германию, а затем его прадед, как немецкий колонист, приехал еще в 1773 году в Россию. Отец Карла — Павел Иванович Брюлло в Петербурге был известным резчиком, модельщиком, гравером, живописцем серебром и золотом по стеклу, лепщиком и позолотчиком. Он преподавал в Императорской академии художеств и был известен как масон. В своей семейной жизни Павел Иванович отличался строгостью. Однажды он так ударил Карла по лицу, за то, что мальчик без спроса взял его масонскую шпагу с девизом «Стой за правду», что тот оглох на левое ухо на всю жизнь. Карл, будучи в детстве болезненным, до семи лет почти не вставал с постели. Лишенный обычных детских игр, мальчик рано научился погружаться в раздумья, в созерцательность, стал наблюдательным, развил в себе чувство гармонии и красоты. Он получил прекрасное домашнее образование и, как все пятеро его братьев, продолжил образование в Академии художеств.

Средний из братьев — Карл после окончания академии полу-

чил не только аттестат художника «со шпагой» и золотой медалью, но и в качестве особенной награды «*важные инструменты на первое время*», по паре платья и сапог, нижнего и постельного белья, а также «*вынес пригоршни наград, получил все Малые и Большие Серебряные медали*»³.

Карл Брюллов.
Автопортрет в мундире
академиста. 1813–1816 гг.

Однако, обладая независимым и гордым характером, он снискал недовольство профессоров академии теми своими работами, в которых проявлял индивидуальность и самостоятельность, пренебрегая академическими правилами. Из-за несогласия с назначенным ему президентом Академии художеств А. Н. Олениным наставником Карл даже отказался от трехгодичного академического пенсионата. Поселился он у своего брата Александра в каморке мастерской при строительстве Исаакиевского собора, где Александр получил работу. Старший на год, его брат с утра до вечера пропадал на стройке, а Карл для заработка начал писать уличные портреты. Тут произошла первая случайность, изменившая его жизнь. Заинтересовавшись его портретами и условиями

жизни, некоторые состоятельные люди решили помочь продолжению образования молодого портретиста, как тогда было принято, за границей. Пятеро инициаторов создали на свои средства первое в России «Общество поощрения художников», которое предложило Карлу Брюлло поехать за их счет в Италию на четыре года для дальнейшего образования. Но гордый Карл и тут проявил свою независимость: он один не хочет ехать за границу, соглашается только вместе с братом, уверяя при этом членов общества, что из него, «быть может, ничего не выйдет, а из брата Александра непременно выйдет человек»⁴, чем увеличивает расходы общества в два раза.

В апреле 1822 года «Общество поощрения художников», собрав необходимые средства, принимает решение о назначении братьям Брюлло «пенсии» в Италию сроком на четыре года. При выписывании заграничных паспортов, в связи с тем, что общество поощряло именно русских художников, братья Брюлло превратились в Брюлловых.

Через всю Европу до Рима добирались братья на дилижансах целых девять месяцев. Перед ними открылся совсем другой, неизвестный мир. Карл Брюлло, зная пять языков, везде легко общался. Однако, как писал впоследствии А. Н. Бенуа, «и его, при всем его апломбе, все же как-то покачнуло от всеобщей космополитической сутолоки, и он как-то ошалел при виде той, настоящей Италии, о которой не думал и не гадал»⁵. За границей братья занимались изучением западноевропейского и античного искусства, много писали «женскую» натуру (что не поощрялось в академии), регулярно отчитывались перед обществом, выполняя договорные предписания, встречались с соотечественниками. Когда так покорившая всех картина Карла Брю-

лова «Утро» была подарена «Обществом поощрения художников» императрице Александре Федоровне, то государь Николай I пожелал иметь в пару к ней еще одну картину, исполненную в той же манере. К. Брюллов написал картину «Полдень», которая стала своего рода итогом его многолетних творческих поисков. Впервые художнику удалось изобразить не глаза, а взгляд, передать настроение жаркого дня. Но эта гениальная картина получила тогда неоднозначные отклики. Императору (точнее государыне) изображенная пышущая здоровьем и энергией молодая красавица, собирающая виноград, не совсем понравилась. А тут и «Общество поощрения художников» упрекнуло Брюллова, что уже пошел пятый год его «пенсии», и оба брата обошлись обществу уже в сорок восемь тысяч рублей, а Карл присылает лишь «игрушки». Из-за этого упрека и других разногласий с обществом гордый Брюллов отказался от пенсии. Друзья предложили ему свою поддержку и увезли на дачу в окрестностях Рима. Тут произошла еще одна существенная случайность. В один из дней 1827 года в гостиную дома, где жил К. Брюллов, неожиданно стремительно вошла полная жизненной энергии страстная брюнетка лет двадцати пяти, с большими миндалевидными, широко расставленными огненными глазами. Карл был изумлен увиденным: это был его образ женской красоты. В чертах лица, осанке и в ее гордом достоинстве предстала его живая, настоящая героиня «Полдня». Не модель, а именно образ, который он видел в своем воображении и создал в картине. Встретить в действительности свой идеал женской красоты – не многим художникам выпадало такое счастье в жизни. И вот его представили графине Юлии Павловне Самойловой (рожд. гр. Скавронской). Оказалось, что они давно слышали друг о друге. Графиня недавно разошлась с мужем, несмотря на то, что этому союзу благоволил сам Александр I. За графиней Юлией Павловной осталась родовое имение Графская Славянка близ Павловска, основанное в 1727 году на пожалованной в приданое к графскому титулу земле по соседству с собственной Сарской

мызой еще императрицей Екатериной I – своему брату Карлу Самойловичу Скавронскому, прадеду графини Юлии Павловны. По женской линии дедом графини Юлии Павловны был генерал от кавалерии, граф П. А. Пален – один из участников и организаторов дворцового переворота 11 марта 1801 года. Вероятно, за это недоброй памяти родство, а также за гордый и строптивый нрав, проявившийся в разводе с любимым флигель-адъютантом, Александр I недолюбливал графиню Самойлову. Однажды он высказал публично недовольство постоянными съездами столичной знати в ее имение, в Графскую Славянку. На что и графиня во всеулышание отреагировала: «Ездят не в Славянку, а к графине Самойловой, и, где бы я ни была, будут продолжать ездить ко мне». Отец Юлии Павловны – последний представитель мужского поколения графов Скавронских граф Павел Мартынович – был действительный камергер и российский посол в Неаполе. А другой ее дед, второй муж бабки, приор Ордена св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийского), вице-адмирал, граф Ю. П. Литта – богатейший человек своего времени, оставил ей громадное состояние. Это позволило ей жить в Италии, имея дом в Риме, несколько загородных вилл и дворец в Милане, покровительствовать изящным искусствам. У графини Самойловой и Карла Брюллова оказалось много общих понятий, взглядов, суждений, сходное чувство свободы и независимости.

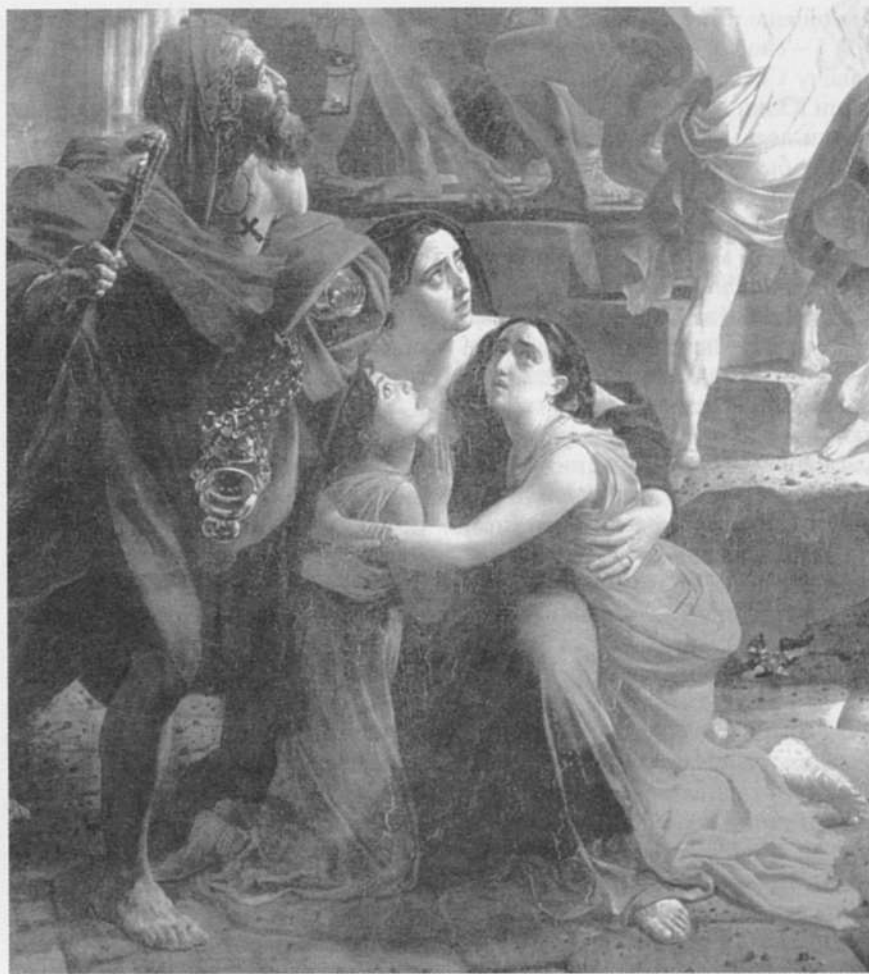
Слушая как-то с графиней Самойловой оперу Дж. Пуччини «Последний день Помпеи», имевшую громадный успех в Италии, Карл Брюллов так был поражен сюжетом, декорациями, печальной судьбой действующих лиц, что, вернувшись из театра, сразу же набросал почти целиком всю композицию будущей картины⁶. А тут еще брат Александр, который занимался два года зарисовкой и обмером раскопок терм в Помпее, давно и настойчиво советовал Карлу посетить эти развалины, добавив при этом, что в Помпею собираются графиня Самойлова⁷. И вот, встретившись с женщиной, которая произвела на него столь сильное впечатление, «в припадке театрального восторга, усиленного

свежим впечатлением от только что увиденных развалин погибшего города», Брюллов создает, по выражению Н. В. Гоголя, «светлое воскресенье живописи»⁸ – гениальную «Помпею».

Там в левом углу картины, на переднем плане, среди охваченных ужасом людей гибнущего города, Брюллов изобразил графиню Самойлову в коленопреклоненном образе страстно молящейся матери с детьми. В отличие от других персонажей картины, их лица спокойны, их вера в милосердие Божие так велика, что они единственные в этой бегущей и с ума сходящей толпе остаются спокойные. Удивительно выписаны глаза графини Самойловой, или, вернее, взгляд, обращенный к Господу Богу. Художник силою искусства и своей любви запечатлел, как перед лицом смерти, в Судный день обнажается вдруг вся суть человеческих душ.

Затем Брюллов графиню Самойлову и ее приемных детей писал много раз. Их дружба длилась долгие годы. Графиня Юлия Павловна часто сопровождала его в путешествиях по Италии. Брюллов постоянно бывал у нее дома в Риме, на загородных виллах. Ему было с ней просто и легко, с этой независимой и непокорной красавицей, богатой и умной графиней. Отвечая взаимностью художнику, она, по собственному выражению, высоко «ценит редкий талант и гений этого необыкновенного человека...» Ради нее Брюллов оставил всех своих поклонниц. И тут произошло одно событие, наделавшее много шума в Риме. Рано утром молодая женщина подъехала в карете к мосту через Тибр, расплатилась с извозчиком и на его глазах, сняв шляпу и шаль, бросилась с моста в реку. Спасти ее не удалось. Позже выяснилось, что это была натурщица, некая француженка Демюлен, которая была безумно влюблена в Карла Брюллова. Узнав о случившемся, Карл был потрясен и подавлен, не находил себе места, страдал от нелепости произошедшего, да и сплетни доносили его на каждом углу. Он весь ушел в работу: параллельно с «Помпеей» писал многочисленные превосходные портреты.

Вместо четырех планируемых лет Карл Брюллов провел в Италии

Карл Брюллов. Последний день Помпеи (фрагмент).
1830–1833 гг.

целых тринадцать – треть своей жизни. Вернулся Карл Павлович в Россию уже мировой знаменитостью. После чествования его в Москве, знакомства с А. С. Пушкиным, который нарисовал в черновике своих стихов профиль Брюллова и фрагмент картины «Последний день Помпеи»⁹, Брюллов вернулся в Петербург, где он родился тридцать шесть лет назад. Ему была предоставлена должность профессора исторического класса в Академии художеств и квартира покойного ректора, скульптора И. П. Мартоса. Многие заказывали ему портреты, но Брюллов писал только тех людей, к которым был расположен, кого хорошо знал и, главное, уважал. Как свидетельствует современник, императору «Николаю Павловичу очень хотелось, чтобы Брюллов написал с него портрет, но он долго надеялся, что Брюллов сделает ему удовольствие, и сам будет искать чести оставить потомству его изображение». Однако Брюл-

лов этой чести все не искал. Однажды, гуляя в Петергофском парке, император случайно встретился с художником и сказал ему: «Карл, пиши мой портрет». Брюллов сослался, что в Петергофе у него нет

Карл Брюллов.
Автопортрет. 1834 г.

ни красок, ни кистей. Несколько дней спустя в мастерскую Брюллова явился флигель-адъютант, сообщив, что завтра государь изволит прибыть на сеанс. Но Брюллову так не хотелось писать по принуждению, да еще и государя, к которому весьма прохладно относилась графиня Самойлова. И когда в назначенное время император не появился в мастерской художника в течение десяти минут, Брюллов ушел, предупредив своего подмастерья, что, если прибудет император, передать: Брюллов, наслышанный о пунктуальности его величества, решил, что сеанс отложен до другого раза... Изумленный Николай I только и нашелся сказать: «Какой нетерпеливый мужчина!» Больше никогда речи об императорском портрете не было. Хотя знак пожалованного ордена св. Владимира 4-й степени Брюллов и не носил, но, чтобы уж совсем не доходить до демонстративной дерзости, был вынужден принять приглашение императрицы Александры Федоровны летом 1837 года написать в Петергофе конный портрет ее с сестрой – принцессой Прусской¹⁰. Некоторое время он жил во дворце, но все время находил поводы, чтобы оттянуть и эту работу, к которой так же не лежала его душа. Прожив лето в Петергофе и даже промучив под дождем позирующую на коне государыню, сам работая под навесом, он так и не окончил заказанного портрета¹¹.

Достигнув сорокалетнего возраста, Брюллов задумал жениться. По воспоминаниям литератора (и несостоявшегося живописца) Д. В. Григоровича: «...наружность его не имела, однако ж, ничего внушительного: он был маленького роста, толстый, с выдающимся животом, на коротеньких ножках; серые глазки его, окруженные припухшими красными веками, смотрели насмешливо; лоб его, совершенно прямой, отвесный, украшался белокурыми кудрями; он постоянно носил серую коротенькую жакетку, придававшую его круглой маленькой фигуре довольно комический вид; но таково уже было тогда строение, что все казалось в нем прекрасным, даже величественным; многие уверяли, что наружность Брюллова, особенно голова с ее кудрями, напоминает по своему характеру Зевеса Олимпийского»¹².

Несмотря на то, что он не мог пожаловаться на отсутствие женского внимания, все знакомства были не для семьи, далекие от его идеала. Родился у него в Москве внебрачный сын Алексей, о котором долгое время он и не знал и даже никогда не видел. Единственное страстное и сильное увлечение за всю жизнь – любовь к графине Юлии Самойловой. Но два сильных и независимых характера не смогли ужиться по-семейному. Дружба дружбой, но богатство и знатность также имели значение. Такие межсословные браки были не приняты. Она графиня, а он – потомственный дворянин «по ордену», можно сказать, ремесленник, хотя и всемирно известный. Это, конечно, не могло не оскорблять свободолюбивого и гордого Карла Павловича.

Будучи в Петергофе, Брюллов однажды, гуляя в белую ночь по Нижнему парку, подошел по Большой аллее ко дворцу Марли и увидел в пруду свое одинокое отражение. Как впоследствии он вспоминал, ему неожиданно открылось в ночи его одиночество, пустота, неустроенность: «Я так и схватился за сердце: как пополняется отражением, подумал я... чудо! Нет, единица не существует! Вот оно, дивное соединение... даже человек, один, что такое? Жалкое какое-то недоконченное создание... Душа без души парной, ни цены, ни цели не имеет...»¹³

И тут опять начинаются новые испытания. Однажды в доме своего коллеги, профессора батальной живописи А. И. Зауервейда, он встретил прелестную восемнадцатилетнюю девушку Эмилию Тимм – дочь рижского бургомистра, приехавшего к своему брату, учившемуся в Академии художеств. Она прекрасно музицировала, разбиралась в искусстве, являла собою тонкую и обаятельную, женственную натуру. Брюллов, увлекшись ее молодостью и непосредственностью, влюбился и с большой радостью начал писать ее портрет. Первые после портретов графини Юлии Самойловой он пишет женщину, которая, как он надеется, станет для него отрадой и опорой, помощницей и верной спутницей в жизни. Но судьба преподносит ему очередное испытание. Не прошло и месяца после их счастливой

свадьбы, как разразился опять грандиозный скандал на весь Петербург. По одной версии, Брюллов приревновал свою жену к самому государю Николаю Павловичу. Племянник Брюллова художник П. П. Соколов впоследствии вспоминал: «В одно утро, когда молодая женщина стояла у окна квартиры Брюллова, окна которой выходили на набережную, на вороном коне, на санях подъезжает к Академии Государь. Увидя его, она невольно вскрикнула: – Ах, Государь. – Карл Павлович подскочил к ней и со словами “А, узнала!” вырвал у нее из уха серьгу с телом»¹⁴.

По другой версии, «за внешним обликом юности и поэтической красоты Эмилии скрывалась мрачная трагедия. Отец ее не смог совладать со своей противоестественной страстью к собственной дочери. Эмилия открылась жениху накануне свадьбы. Много потребовалось душевных сил, чтобы снести такой удар. И все же свадьба состоялась, настолько сильна была любовь и жалость Брюллова, настолько не хотел он отказаться от надежд, настолько сильна была в нем вера, что жернова совместной жизни, движимые любовью, сотрут в порошок и комья грязи, и осколки тягостных воспоминаний... Но притязания отца не прекратились и после венчания. Теперь уже Брюллов не в силах противиться горькой мысли, что он оказался в положении заведомо обманутого, что отец хотел лишь, чтобы дочь официально числилась замужней женщиной, получала от мужа содержание и жила при этом по-прежнему в отцовском доме». Так как Брюллов числился на государственной службе, то для развода ему необходимо было получить разрешение у министра императорского двора и также – у Св. Синода. Через два месяца после свадьбы, за два дня до своего сорокалетия он, как подарок, получил из духовной консистории разрешение на развод. Но в Петербурге еще долго обсуждали это событие, пересказывали эпизод с серьгой, усиливая и так непомерную душевную боль Брюллова. Во многих светских домах ему отказали в приеме. Из Италии срочно приехала графиня Юлия Самойлова. Ее приезд был утешением и даже сча-

ствием для Брюллова. Она увезла его из Петербурга под Павловск, в свою Графскую Славянку, дворец и церковь в которой по приглашению графини капитально перестраивал брат Карла, Александр Брюллов. Тут в утешение и благодарность Карл написал новый портрет графини Ю. П. Самойловой с приемной дочерью Амаилией Пачини, известный также под названием «Маскарад», где художник зашифровал скрытый смысл – «вселенский маскарад нашей жизни, где творится грандиозное лицедейское действо, где каждый пытается себя выдать не за того, кто он есть на самом деле».

Еще работая в Петергофе, Брюллов побывал в расположенной неподалеку Троице-Сергиевой Приморской пустыни. Находясь под сильным впечатлением от очередных испытаний, Брюллов написал удивительную икону Пресвятой Троицы для заново отстраиваемого главного Свято-Троицкого собора этого монастыря¹⁵. Художник близко сошелся с настоятелем монастыря архимандритом Игнатием (Брянчаниновым) – будущим Епископом Кавказским и Черноморским († 1867). Брюллов подолгу беседовал с ним, находя в монастырской тишине покой от страстей и силы для дальнейшего творчества. Брюлловская икона Пресвятой Троицы настолько понравилась братии, что она была установлена на Горнем Месте в алтаре собора.

Любопытно, что еще одна работа Брюллова имеет отношение к другому главному храму Троице-Сергиевой Приморской пустыни. Когда ученик Брюллова Иван Васильевич Малышев (в монашестве – архимандрит Игнатий) стал настоятелем этой пустыни в 1857 году, была затеяна перестройка Сергиевской церкви обители, и на мраморный иконостас храма недоставало трех тысяч рублей. Тогда о. Игнатий продал любимую картину Брюллова «Ракурс плащаницы»¹⁶ и на вырученные деньги смог доделать иконостас. Архимандрит Игнатий (Малышев) был способным художником, еще будучи в учениках у Брюллова, копировал у него в мастерской местные иконы. Одна «копия была так верна с оригиналом, что Карл Павлович

Карл Брюллов. Портрет графини Ю. П. Самойловой с приемной дочерью Амацилией Паччини («Маскарад»). Не позднее 1842 г.

сам ошибся и, желая показать свою картину кому-то, остановился перед копией своего ученика, показывая ее, вместо своей, так что ученик должен был объяснить его ошибку»¹⁷. О. Игнатием был написан почти весь трехъярусный иконостас Свято-Троицкого собора обители.

Карл Брюллов за свою творческую жизнь написал много интимных, интересных портретов, таких как последний портрет баснописца И. А. Крылова; жены скульптора, баронессы И. И. Клодт; поэта В. А. Жуковского. (Последний был отдан в лотерею, а вырученные деньги обращены на выкуп из крепостной зависимости мало-российского поэта и художника Т. Г. Шевченко.) Но после портрета графини Самойловой кисть его ни разу не обратится к портрету парадному. И, как метко выразился

А. Н. Бенуа о двух женских портретах Брюллова: «...вероятно благодаря особому отношению Брюллова к изображенному лицу, ему удалось выразить столько огня и страсти, что, глядя на его женские портреты, становится ясной сатанинская прелесть его очаровательных моделей»¹⁸.

Его по-прежнему влекло к графине Юлии Павловне. Ее жажда жизни и свободы, вольная независимость, гордое пренебрежение условностями, редкое умение пренебречь мнением толпы – ему самому очень понятны и свойственны эти же качества. Поэтому вдохновенная работа над портретом «Маскарад» в свое время восстановила его душевное равновесие, успокоило и дало сил для дальнейшей жизни.

Брюллов, расписывая «небо» на верхотуре Исаакиевского собора,

сильно простудился, проболев более полугода, потерял много заказов, и как никогда болезненно переживал свое одиночество и неустроенность. Больной, подходя к окну и видя на другом берегу Невы громаду Исаакиевского собора, он с горечью говорил: «И это принимаю, как испытание: вижу его, а другой пишет...» В противоположность ему, брат Александр переживал период всеобщего признания. Его постройки в столице возводились одна за другой; он женился на баронессе Раль, приобрел дом в Петербурге и дачу в Павловске; оформил для себя и Карла возведение в дворянское достоинство. А Карлу Брюллову становится все нестерпимей хуже.

В это тяжелое время Карл Павлович получил тактичное письменное приглашение от настоятеля Троице-Сергиевой Приморской пустыни, для которой он семь лет назад написал запрестольный образ, архимандрита Игнатия (Брянчанинова): «Душа Ваша представлялась мне одиноко странствующая в мире, – писал будущий святитель, и, зная на собственном опыте, что лучший уход от страстей – пострижение в монахи, он, сам всю зиму проболев, написал прошение о сложении с себя настоятельской должности и увольнения на покой, продолжал, – сердце мое к Вам отворено, давно отворено. Давно видел я, что душа Ваша в земном хаосе искала красоты, которая бы ее удовлетворила. Ваши картины – это выражения сильно страждущей души»¹⁹.

Карл Брюллов. Автопортрет. 1848 г.

К. П. Брюллов хотел покоя, единения, раздумывал о предложении удалиться от мира в монастырь, но врачи настоятельно рекомендовали ему теплый климат, что побудило его мечтать об отъезде в свою любимую Италию, где расцвело его творчество, встретить опять графиню Юлию... Он вспоминает слова Гоголя, однажды сказанные: «Когда вам все изменят, когда вам больше ничего не остается такого, чтобы привязывало вас к какому-нибудь уголку мира, приезжайте в Италию. Нет лучше участи, как умереть в Риме; целой верстой здесь человек ближе к Божеству». И вот безнадежно больной Брюллов весной 1849 года покидает навсегда Россию. Но ему уже не суждено было встретиться ни с графиней Самойловой, ни с какой-либо другой долгожданной «парной душой». Прочувствовав, что было некогда сказано ему мудрым монахом, в конце жизни он написал свое откровение брату: «Я никогда не женось – жена моя – художества».

Прожив еще три года под благодатным небом Италии, 23 июня 1852 года Брюллов после обеда, выкурив сигару, скоропостижно умер на даче у своих знакомых художников в местечке Манциана близ Рима. Господь ему послал легкую смерть. Похоронили его на римском кладбище для иностранцев-некатоликов Монте Тестаччо. Старший брат, архитектор Александр Брюллов, разработал проект памятника на могиле Карла, который представляет собой беломраморный саркофаг античной формы, имеющий вместе с цоколем пять аршин высоты (3,5 м). С лицевой стороны помещено в полусферическом углублении горельефное изображение головы усопшего – копия с прекрасного бюста, сделанного И. П. Витали в бытность Брюллова в Москве. Наверху, в полукруглом фронте, находится рельеф, аллегорически гласящий о значении Брюллова для искусства: между олицетворением Невы и Тибра, то есть мест рождения и смерти художника, сидит царственно-величественная женщина – Академия художеств; подле нее стоят Архитектура, Скульптура и Живопись. Последняя протягивает руку к уходящему Брюллову, а левой указывает ему на Академию худо-

жеств, взрастившую его и как бы сохраняющую память о нем.

Графиня Ю. П. Самойлова пережила его на двадцать лет и так же нашла вечный покой в Италии. Ее родовое имение Графская Славянка после ее смерти отошло в казну и стало называться Царской Славянкой (ныне поселок «Динамо»). Во дворце с «продуманной планировкой, удобным размещением всех помещений и уютных, комфортабельных интерьеров», который перестраивал Александр Брюллов, с конца XIX века разместился патронируемый великой княгиней Ольгой Александровной Ольгинский детский приют трудолюбия, по традиции обращенный после революции в колонию для беспризорников. Во время Советско-германской войны Царскославянский дворец принял штаб Испанской («голубой») дивизии вермахта, а после войны совершенно заброшенный, постепенно разрушаясь, пришел к нынешнему состоянию совершенных развалин...

Эмилия Тимм через несколько лет после развода вышла замуж за сына издателя «Северной пчелы» Н. И. Греча, жила то в Петербурге, то в Риге, то за границей. По игре судьбы она была похоронена в Павловске, рядом с братом Карла Брюллова Александром.

Архимандрит Игнатий (Брянчанинов) прожил в Троице-Сергиевой пустыни двадцать четыре года, так и не дождавшись в своей оби-

тели Карла Брюллова. Спустя пять лет после смерти художника он был назначен правящим епископом на Кавказскую кафедру, где, прослужив четыре года, ушел на покой в Николо-Бабаевский монастырь. Архимандрит Игнатий (Мальшев) скончался ровно тридцать лет спустя после своего духовного наставника, в 1897 году, и был погребен в склепе (ныне не существующего) Воскресенского собора монастыря. «Весьма знаменательно, что, неся духовную радость людям, оба Игнатия ушли в вечность в Пасхальные дни»²⁰.

Свято-Троицкий собор Сергиевой пустыни был закрыт в 1931 году и сорок лет назад, в 1962 году, был преступно взорван. Где находится брюлловская икона, неизвестно. В храме св. преподобного Сергия Радонежского был устроен клуб, а на месте уничтоженного мраморного «брюлловского» иконостаса развернута сцена.

Русской православной церковью святитель Игнатий, епископ Кавказский и преподобный Игнатий прославлен в Лике Святых (память 30 апреля / 12 мая). Десять лет назад возродилась и самая Троице-Сергиева Приморская пустынь. Сохранились в монастыре настоятельские кельи почитаемых подвижников. И не забыт потрудившийся на благо обители и нашедший в ней духовную поддержку великий русский художник Карл Павлович Брюллов.

¹ Петров В. Н. К. П. Брюллов. Последний день Помпеи. Л., 1962. С. 107.

² Лебедева Л. Гибель Помпеи. СПб., 1998. С. 8.

³ Петрова О. Ф. Карл Павлович Брюллов // 50 биографий мастеров русского искусства. Л., 1970. С. 92.

⁴ Леонтьева Г. Карл Брюллов. Л., 1976. С. 38.

⁵ Бенуа А. Карл Брюллов // Алпатов М. и др. Искусство. М., 1969. С. 396.

⁶ Там же. С. 397.

⁷ Оль Г. Александр Брюллов. Л., 1983. С. 32.

⁸ Гоголь Н. «Последний день Помпеи» Брюллова // Алпатов М. и др. Указ. соч. С. 392.

⁹ Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. СПб., 1996. С. 65, 88.

¹⁰ Гуцин В. А. История Петергофа и его окрестностей. СПб., 2001. Кн. 1. С. 433.

¹¹ Леонтьева Г. Указ. соч. С. 192.

¹² Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 56.

¹³ Леонтьева Г. Указ. соч. С. 236.

¹⁴ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 132, 381.

¹⁵ Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 1994. Т. 1. С. 55.

¹⁶ Владимир [Котляров], митр. Обитель северной столицы Свято-Троицкая Сергиева пустынь. СПб., 2002. С. 118.

¹⁷ Жизнеописание архимандрита Игнатия (Мальшева), бывшего настоятеля Троице-Сергиевой пустыни. СПб., 1899. С. 18.

¹⁸ Бенуа А. Указ. соч. С. 402.

¹⁹ Игнатий [Брянчанинов], Еп. Ставропольский, Свт. Творения. [М.], 1996.

²⁰ Николай (Парамонов), иг. Вновь возрождается обитель // Владимир [Котляров]. Указ. соч.

Мои предки — Докучаевы и Приморские

К. В. Овчинников

Работая над архивом своего отца — архитектора и поэта Владимира Федоровича Овчинникова, я заинтересовался своей родословной. О предках по отцовской линии я знал довольно много по воспоминаниям (в основном они из купеческого сословия). О материнской же линии я знал очень мало, и поэтому мои поиски в основном сосредоточились на ней.

Еще с детских лет я знал, что мамин отец, Александр Георгиевич Приморский, был священником, умер он в годы Гражданской войны. Священником был и отец бабушки — Геннадий Докучаев, который умер еще до революции. Как мама, так и бабушка очень мало и неохотно рассказывали о своих родителях-священниках, а в семейных альбомах среди множества фотографий их изображения отсутствовали. В те годы принадлежность к духовному сословию считалась социальным изъяном и могла повлиять на судьбу человека. Мать это испытала на себе: ее в 1925 году исключили из университета, узнав, что она дочь священника.

К сожалению, к тому времени, когда я решил собирать сведения о маминной родословной, в живых остались очень немногие из тех, кто мог что-либо рассказать, поэтому основная надежда была на архивные поиски.

Одним из главных источников сведений о церковнослужителях являются клировые ведомости, в которых фиксировались биографические сведения, этапы службы, семейное положение, награды и прочее. Духовенство в России делилось по принадлежности к двух ведомств: Священному Синоду и Ведомству военного и морского духовенства. Для поисков очень важно было знать, к какому ведомству принадлежал священник, так как фонды этих ведомств находились в разных архивах.

И, конечно, надо было знать храмы, в которых служили священники, так как клировые ведомости группировались в архивах по топологическому признаку. Поскольку я ничего о храмах не знал, то приступил к просмотру справочника «Весь Петербург», начав с 1917 года и постепенно углубляясь во времени.

Просматривая Докучаевых и Приморских, я нашел последнее место службы моего деда Александра Приморского — церкви 18-го Саперного батальона. Нашел я сведения и о его отце Георгии Александровиче. О Геннадии Докучаеве сведений не было, это и понятно, так как, по словам сестры бабушки, он жил где-то под Гдовом. Зато нашел его братьев — Павла и Иоанна (Ивана). Они были тоже священниками. Нашлись сведения и об их родителях.

Параллельно просмотрел церковную периодику за эти годы, из которой узнал дополнительные факты.

В результате этих поисков мне стало ясно, что Докучаевы и Приморские были потомственными священниками, большинство из которых относились к военному духовенству. Жизнь и пасторская деятельность многих из них связана с Петербургом.

Ратные дела на Руси с давних времен шли рука об руку с символами веры. Иконы с ликами святых покровителей осеяли воинов, вдохновляли на подвиги, хранили в трудные минуты. И в мирное время, и в дни войн до 1917 года во всех воинских формированиях были священнослужители, в местах постоянных дислокаций строились воинские храмы, в походах их заменяли переносные церкви. В каждой части были свои главные церковные праздники. Например, для Измайловского полка и для Саперного батальона это была Тро-

ица. Священники принимали воинскую присягу, присутствовали на всех учениях, парадах, торжествах, церемониях.

Буду придерживаться хронологии и начну с Докучаевых. Это довольно распространенная фамилия среди церковнослужителей (вспомним отца известного академика-почвоведца).

Иван Петрович Докучаев (1819–1866), мой прапрадед, родился в Тверской губернии, окончил Тверскую духовную семинарию. Вся его дальнейшая судьба связана с русской армией: Кременчугский егерский полк, Гренадерский Перновский полк (Пернов — г. Пярну) и, наконец, лейб-гвардии Стрелковый батальон, расквартированный в Царском Селе. В 1860-е годы батальон размещался в деревянных казармах на Павловском шоссе, а рядом стояла деревянная батальонная церковь Засима и Савватия. Здесь до самой кончины и служил Иван Петрович. В Царском Селе родились его две дочери и пять сыновей, двое из которых — Геннадий и Павел стали священниками.

Геннадий Иванович Докучаев (1858–1897), мой прадед, окончил Петербургскую духовную семинарию, а потом и академию в 1881 году и был определен к церкви Константиновского дворца, а с 1884 года и до конца жизни был священником церкви Рождества Пресвятой Богородицы села Пенино Гдовского уезда. Это село упоминается еще в летописи XV века (ныне это село относится к Сланцевскому району Ленинградской области). Деревянная церковь Рождества была построена в конце XVIII века близ кладбища на дороге Осмино-Гдов. Рядом, у почитаемого жителями источника, очень живописно стояла часовня Великомученицы Парасковьи Пятницы. Вскоре после смерти отца Геннадия вместо уже обветшавшей деревянной

церкви несколько в стороне усили-
ями богатого местного купца Гаври-
лова соорудили большой камен-
ный храм, сохранившийся до на-
ших дней. Сохранилась и часовня.

Геннадий Иванович был женат
на дочери священника Надежде
Николаевне Беляевой (1859–
1918), от которой у него было трое
детей: Катерина (1883–1946) –
моя бабушка, Лидия (1885–1966)
и Константин (1889–1939). Интере-
сно, что родственником Надеж-
ды Николаевны был адмирал Алек-
сандр Иванович Мязговский, гене-
рал-губернатор города Николаева,
много сделавший для становления
русского подводного флота.

Кроме выполнения пасторских
обязанностей, Геннадий Докучаев
трудился на ниве духовного про-
свещения в сельских школах.

После его безвременной кон-
чины (ему было всего 39 лет) се-
мья переехала в Петербург и посе-
лилась на Предтеческой улице, не-
далеко от Обводного канала и Ли-
говки, в доме для вдов и сирот свя-
щеннослужителей. Екатерина и
Лидия поступили в Исидоровское
епархиальное училище (Невский,
176, сейчас здесь банк и админист-
рация), а Константин – в Духов-
ное училище Александра Невского,
рядом с лаврой.

Родной брат Геннадия – Иван
(1864–1922) окончил Петербург-
скую духовную семинарию. Вся его
дальнейшая судьба связана с воен-
ным духовенством. Военные свя-
щенники часто меняли места служ-
бы, не избежал этого и Иван Докучаев:
1888–1892 годы – Варшава, а
затем Гостыня (Польша), 1892–
1894 годы – 164-й Пехотный Зака-
тальский полк, 1894–1896 годы –
96-й Омский пехотный полк,
1896–1905 годы – церковь Сергея
Радонежского Марининского при-
юта офицерских детей в Петербур-
ге, 1905–1913 годы – Петербург-
ская военная тюрьма, 1913–
1914 годы – 145-й Новочеркасский
полк (Петербург), а с 1914 года и
до кончины – церковь Ильи Про-
рока при Охтинском пороховом
заводе. Почти двадцать шесть лет
его жизни связаны с Петербургом.
Остановимся подробнее на петер-
бургских адресах его службы.

Марининский приют (совре-
менный адрес: ул. Льва Толстого,
13) был открыт под патронажем

великого князя Сергея Александр-
ровича для детей-сирот офицеров
в 1880 году и располагался в трех-
этажном здании, построенном
А. В. Маловым. На втором этаже на-
ходилась домовая церковь препо-
добного Сергия Радонежского.
Сейчас в этом здании – медицин-
ское училище. Там отец Иоанн про-
служил довольно долго, почти де-
сять лет, сочетая службу с препода-
ванием.

Гораздо более короткой была
его служба в церкви Александра
Невского 145-го Новочеркасского
полка. Этот полк имеет давнюю исто-
рию. В 1878 году он был переве-
ден в Петербург, где разместился на
Малой Охте близ построенного
позже Охтинского моста. В 1886
году для этого полка соорудили ка-
менную церковь с колокольной над-
входом. Она просуществовала до
1918 года. Позже на этом месте воз-
вели промышленное здание.

Последним местом его службы
стала церковь Ильи Пророка при
Охтинском пороховом заводе. Со-
оруженная в 1806 году по проекту
Ф. Демерцова, церковь смотрится
очень живописно со стороны реки
Охты. В 1918 году в Ильин день,
как всегда при большом стечении
народа, здесь отслужил свою послед-
нюю литургию известный духо-
вный деятель и философ Орнат-
ский, с которым были знакомы
братья Докучаевы. Вскоре его рас-
стреляли большевики.

Как и у многих храмов Петер-
бурга, судьба Ильинской церкви
была нелегкой: закрытие в 1938
году, использование под склад, по-
жар в 1974 году. Возрождение на-
чалось с 1988 года, когда храм пе-
редали верующим.

Как и его брат, Иван Докучаев
сочетал церковную службу с зако-
ноучительской деятельностью (Вик-
лаевское, Сампсониевское и Выбор-
гское училища) и благотворитель-
ностью в Обществе попечения бед-
ных из военного духовенства.

Заинтересовавшись историей,
Иван Иванович в 1904 году окон-
чил Археологический институт в
Петербурге. В 1906 году вышла его
брошюра «Войсковые святцы» –
жизнеописание святых и объясне-
ние праздников, отмечаемых в во-
инских частях.

Иван Докучаев женился на до-
чери священника Вере Алексеевне

Крутяковой, у них родилось чет-
веро детей. Тесть, Алексей Иоси-
фович Крутяков, был благочин-
ным всех церквей Петербургского
и Новгородского военных округов.

После 1917 года служить ста-
новилось все труднее и труднее:
постоянные запреты, ограничения,
комиссии. В 1918 году Докучаева
обвинили в укрывательстве цер-
ковных ценностей. Все более ухуд-
шалось материальное положение.
А в январе 1922 года обостривша-
я болезнь свела его в могилу.
Многое о семье Ивана Докучаева
я узнал от его внучки Аллы Влади-
мировны Смеховой, известной ху-
дожницы «Мосфильма». Ее отец
Владимир Иванович Докучаев
после окончания военного учили-
ща воевал против белых на Даль-
нем Востоке, а в 1930 году был аре-
стован НКВД и умер в ссылке.
Вера Ивановна, его сестра, работа-
ла врачом, пережила блокаду и
умерла уже после войны.

Павел – последний ребенок в
большой семье Ивана Петровича
Докучаева. После окончания в
1890 году Петербургской духов-
ной академии со степенью канди-
дата богословия он несколько лет
работал в канцелярии Синода, а в
1898 году был определен в церковь
Покрова Пресвятой Богородицы
Сиротского института священни-
ком, потом стал настоятелем и про-
тоиереем этой церкви.

Сиротский институт имени
Николая I находился на набереж-
ной Мойки на месте бывшего двор-
ца Разумовского. Он был создан в
1837 году согласно духовному за-
вещанию императрицы Марии
Федоровны после преобразования
Воспитательного дома. В институт
принимали девушек-сирот по до-
вольно строгому отбору. Препода-
вание велось на самом высоком
уровне, при этом внимание уделя-
лось не только усвоению препода-
ваемых предметов, но и нравствен-
ному воспитанию. Роль священни-
ка была очень велика. Павел Ива-
нович служил не только священ-
ником, но и законоучителем.

Сиротский институт часто по-
сещали августейшие особы, под-
чьим патронатом он находился. Га-
зета «Петербургские ведомости» от
13 февраля 1910 года писала о по-
сещении Сиротского института
императрицей Марией Федоров-

Петербургский сиротский институт императора Николая I. Группа воспитанниц, воспитателей и духовенства в зале института. 1913 г. (В 1-м ряду третий справа – Павел Докучаев)

ной: «...из Белого зала ее Величество проследовали в церковь института, где была встречена с крестом и святой водой законоучителем протоиереем отцом Докучаевым, при пении воспитательницами молитвы «Спаси, Господи, Люди Твоя»».

Много внимания Павел Докучаев уделял благотворительной деятельности, являясь членом Общества вспомоществования бывшим воспитанницам института. Он активно участвовал в сооружении общежития для воспитанниц института в Новой Деревне по проекту архитектора Д. А. Крыжановского.

В 1890-х годах возникло Общество распространения религиозно-нравственного просвещения, считавшее своей основной целью противостояние злу, насилию, пьянству и другим порокам, поразившим общество. У истоков его стояли многие известные церковные деятели, философы, писатели, председателем совета общества был

протоиерей Философ Орнатский. Павел Докучаев часто посещал заседания этого общества на Стремянной улице, где еще до 1960-х годов стояла церковь Троицы.

Павел Иванович был женат на дочери протоиерея Кавалергардского полка Софии Капитоновне Добровольской.

В 1912 году торжественно отмечался 75-летний юбилей Сиротского института. На юбилейном вечере с речью выступил Докучаев. Он, в частности, сказал, что за 75 лет существования Сиротский институт выработал свой, вполне определенный облик, приобрел себе имя и известность как рассадник преданных, умелых, любящих свое дело воспитанниц. Создали ему известность и упрочили за ним это имя выпущенные из его стен воспитанницы своей усердной работой в деле воспитания и обучения, как семейного, так и школьного.

После революции Сиротский институт прекратил свое существование. Церковь закрыли в 1922

году, а ее помещение занял клуб открывшегося Педагогического института. Перед Докучаевым встал вопрос трудоустройства. К счастью, объявилось вакантное место священника в церкви Космы и Дамиана (ее уничтожили при строительстве вестибюля метро «Чернышевская»). Здесь он прослужил до 1923 года, до своей кончины от туберкулеза. Церковь пережила его ненадолго.

Вторая ветвь моих предков-священников относится к мужу моей бабушки, Александру Георгиевичу Приморскому. Все они были военными священниками.

Мой прапрадед – Александр Павлович Приморский. Родился он в Петербургской губернии в семье священника в 1821 году. В 1847 году окончил Петербургскую духовную семинарию. Вся его дальнейшая служба связана с русской армией – он был священником Гренадерского полка, участвовавшего в усмирении волнений в Венгрии и Польше.

Александр Павлович был женат на дочери губернского секретаря Анне Павловне Андреевой. В 1851 году у них родился сын Георгий. Прожил Александр Павлович всего 34 года.

Георгий Александрович Приморский (1851–?) окончил Петербургскую духовную семинарию в 1874 году и стал военным священником, сменил множество воинских подразделений. В мае 1883 года Георгий Приморский участвовал в церемонии коронации Александра III в Москве вместе со своим Гренадерским полком. А в составе Гродненского гусарского полка, шефом которого был великий князь Павел Александрович, служил в полковой церкви на территории Польши. В книге «История Лейб-гвардии Гродненского полка» Георгий Приморский упоминается как консультант театрализованных постановок на религиозные темы, которые устраивал полк.

В Петербурге Георгий Приморский – с 1897 года, здесь он служил священником в церкви лейб-гвардии Казачьего полка (1897–1904), в военной тюрьме (1904–1914), в церкви Благовещения лейб-гвардии Конного полка (с 1914 года).

Церковь Казачьего полка во имя епископа Афинского Иерофея находилась при казармах на Обводном канале, 21–25, построенных в середине XIX века.

Петербургская военная тюрьма располагалась на Нижегородской улице, 39 (ныне это улица Академика Лебедева, там теперь психиатрическая больница). В 1876 году на средства купца Сидорова там открыли церковь Николая Чудотворца. Интересно, что место священника здесь последовательно занимали люди, находившиеся в родственных отношениях: после многолетнего

служения там Алексея Крутякова, тестя Ивана Докучаева, в 1913 году занимает место сам Докучаев. А через год его сменил Георгий Приморский, сын которого был женат на племяннице И. Докучаева. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, находившаяся на одноименной площади (ныне пл. Труда), была сооружена по проекту архитектора К. А. Тона в 1844–1849 годах и принадлежала Конному полку. Выдающийся памятник архитектуры был варварски разрушен большевиками в 1929 году. В Благовещенской церкви Георгий Приморский служил вторым священником, настоятелем церкви с 1883 года был Николай Николаевский.

Георгий Александрович женился на дочери священника из Ревеля Анне Федоровне Знаменской. У них было трое детей, один из которых – Александр стал священником. К сожалению, сведений о последних годах жизни Георгия Приморского и его кончине найти не удалось.

«...Как сейчас помню – вытянувшийся фронт наших кондукторов-волонтеров... по середине фронта – аналой. За аналоем – молодой красивый священник, блондин в золотых очках – отец Александр Приморский. Думал ли я тогда, когда целовал у него серебряный крест, что это мой будущий тень...». Так писал мой отец Владимир Федорович Овчинников в своих воспоминаниях, описывая присягу военных инженеров. Так произошла его встреча с моим будущим дедушкой.

Александр Георгиевич Приморский родился в 1877 году. После окончания Петербургской семинарии в 1902 году был определен в гарнизонную церковь Петра и Павла в селе Медведь Новгородской губернии. Казармы и сама церковь

были построены в 1830-х годах по указанию графа Аракчеева.

Вскоре он женился на дочери священника Геннадия Докучаева, у них появились две дочери – Елена (моя мать) и Мария.

По расформировании полка и упразднении Медведковской церкви Приморского направляют в Петербург в 18-й Саперный батальон, где он становится священником батальонной церкви Николая Чудотворца. Шефом батальона был великий князь Петр Николаевич.

Саперный батальон размещался в части Преображенских казарм – ныне это улица Рылеева, дома 33–37, церковь находилась в офицерском корпусе, там был дубовый иконостас и передвижная звонница.

Вместе с батальоном Александр Приморский служил в действующей армии в 1914–1915 годах. «За отличию-усердные труды на поле брани» в 1915 году он был награжден наперстным крестом и камилавкою.

После революции саперную часть расформировали, церковь закрыли, Приморский остался без работы. 3 апреля 1918 года через протопресвитера Морева он обратился к митрополиту Петроградскому и Гдовскому Вениамину: «За расформированием 18-го Саперного полка А. Приморский остался за штатом и находится с семьей в крайне бедственном положении. Ввиду особо усердной и полезной службы отца Приморского, имею честь просить Ваше Высокопреосвященство предоставить ему, как уроженцу Петроградской Епархии место во вверенной Вам Епархии...»

В июне 1918 года его определили псаломщиком в церковь Митрофаньевского кладбища. А 3 января 1919 года заболевший тифом Александр Приморский скончался в Обуховской больнице...

Судьба двух братьев — ленинградских инженеров

М. М. Гаккель

Мой отец Михаил Адольфович Гаккель и его родной брат Алексей Адольфович — выходцы из Прибалтики. Жизнь распорядилась так, что они с малых лет оказались в России. Как ее граждане, они были участниками Первой мировой войны, закончили технические вузы нашего города и работали преимущественно здесь же.

Родители. Опекуны

Сведения о родителях братьев и их детстве очень скудные, отрывочные. Это связано отчасти с тем, что в 20–50-е годы XX столетия приходилось многое скрывать («непролетарское» происхождение, связь с «заграницей» и т. д.).

Их отец — прибалтийский немец Адольф Гаккель — жил в г. Митаве (Курляндия). О годах его жизни знаем приблизительно: 1850–1891. Точно известны лишь даты рождения его детей: Алексея (1887, Берлин) и Михаила (1890, Митава). Адольф умер рано, когда дети были маленькие.

Свадебное фото. Адольф Гаккель с невестой — будущей матерью братьев (примерно 1886 г.)

Через некоторое время его вдова Елизавета вторично вышла замуж (за барона фон Остен Сакена). Она вскоре умерла при родах вместе с мальчиками-близнецами. После смерти жены отчим отдал пасынков в приют. Спустя год их забрали родственники и знакомые из России. Михаила (нашего отца) взяла к себе сестра его матери Екатерина, Алексея — ее подруга балерина Н. А. Бакеркина.

Екатерина Васильевна Апресьянец (по мужу) жила на Тверском бульваре Москвы. Своих детей у нее не было. Она владела модным дамским салоном, где шили для артистов. Известно, что многие из них, особенно эстрадные (например А. Вяльцева), выходили на сцену в роскошных туалетах.

Чтобы не отстать от моды, Екатерина Васильевна каждую весну посещала Париж. Опекунша отца была занята служебными делами, ее муж постоянно «пропадал» в клубах.

Мальчик тосковал без близких людей. Когда стал постарше, думал, что у него будет своя большая семья.

Вместе с тем тетя Катя заботилась о его воспитании и образовании. К Мише приходили учителя, были гувернантки и гувернеры. Благодаря этим заботам тети Михаил Адольфович получил блестящее образование и воспитание. Например, он великолепно играл на рояле.

Десяти лет Михаил поступил в реальное училище (1900), а после окончания курса основного отделения (1906) еще год занимался дополнительно. Завершив учебу, он переехал к брату в Петербург.

Местопребыванием его тети вплоть до смерти стал Париж (начало 30-х годов XX столетия). Трудно сказать определенно, но скорее всего это была эмиграция из-за революционных событий на родине.

Как уже отмечалось, Алексея взяла к себе подруга Екатерины Васильевны — балерина Н. А. Бакеркина.

Миша Гаккель в семье тети — Екатерины Васильевны (примерно 1902 г.)

на. До 1894 года ее местожительством была Москва, а позднее — Петербург. Это была известная балерина. В Мариинском театре она танцевала во многих балетах: «Синяя борода», «Корсар», «Жизель» и др.¹

Салон Бакеркиной регулярно посещали великие князья, министр П. Н. Дурново. Довольно много о ней, о ее окружении написала фрейлина императрицы А. Вырубова². Чувствуется недружелюбное отношение фрейлины к танцовщице и ее друзьям. А вот театральный деятель С. М. Волконский, вспоминая ее, подчеркивал такие качества, как гостеприимство, доброжелательность³. Упомянул о Н. А. Бакеркиной и Д. С. Лихачев⁴.

Нельзя не отметить благородство Надежды Алексеевны, взявшей к себе сироту, но жизнь мальчика у нее была трудной. Во-первых, он чувствовал более теплое отношение Бакеркиной к своему сыну (Мише Вернер). Например, родному сыну (кажется, на Масленицу) запекали

в булочку «золотой», а приемному – простую монетку. А во-вторых, Алексей переживал разлуку с братом Михаилом. Это чувство прошло через всю его жизнь. Будучи взрослым, умирая, он звал: «Миша! Миша!» У некоторых наших родственников существовало мнение, что Надежда Алексеевна вообще взяла его к себе, чтобы он помогал учиться ее сыну.

Двенадцати лет (1899) Алексей был принят во 2-е Петербургское реальное училище, а после его окончания (1905) еще год, как и Михаил, занимался дополнительно. Замечу, что через несколько лет в то реальное училище (называвшееся тогда 2-е Петроградское) поступил будущий писатель, автор известной «Республики Шкид» – Алексей Иванович Пантелеев⁵. Алексей же Гаккель жил у Н. А. Бакеркиной до окончательного завершения занятий в реальном училище.

Жизнь братьев после окончания реальных училищ

В Петербурге братья стали жить вместе, самостоятельно, периодически подрабатывая. Были очень дружны, их так и называли везде – «братья». Одновременно (1909) они стали студентами вузов; Алексей – Института путей сообщения, Михаил – Технологического института (механического отделения).

Когда началась Первая мировая война, братья, как и многие другие молодые люди, ушли на фронт «вольноопределяющимися». Каждый из них подал в свой институт (сентябрь 1914 г.) «прошение о временном отчислении»⁶.

Первоначально они были курсантами учебно-автомобильной роты, а на фронте – водителями броневиков одного подразделения. За активное участие в боевых операциях получили по Георгиевскому кресту. С войны вернулись весной 1918 года.

Сразу пришлось думать прежде всего о заработках на жизнь. Михаил Адольфович, например, поступил на завод «Эриксон», где был назначен помощником заведующего (полное название: «Автомобильные мастерские и завод А. А. Эриксон»). Алексей Адольфович стал работать счетчиком на

Михаил Гаккель – студент Санкт-Петербургского технологического института (примерно 1913 г.)

2-м Государственном ипподроме. В этом же, 1918 году он женился на Лидии Николаевне Бадер. Она окончила Петербургский женский педагогический институт (1907) и всю жизнь преподавала математику.

Некоторое время Михаил жил в семье молодоженов, был очень дружен с новыми родственниками (родителями Лидии Николаевны). Женился он позже (1925).

Братья вновь стали студентами, но времена изменились – произошла Октябрьская революция. При «восстановлении» были некоторые осложнения из-за «непролетарского» происхождения. Алексей Адольфович вынужден был подать заявление об освобождении от платы за обучение («скудный» заработок и семейное положение – росла дочь).

Дипломное проектирование он готовил под руководством профессора Г. П. Передерия⁷. Комиссия при защите высоко оценила проект и рекомендовала его к внедрению. Впоследствии работа Алексея Адольфовича была тесно связана с деятельностью своего учителя.

Будучи студентом, Михаил Адольфович являлся членом Президиума Технологического института (1921–1923).

Высшие учебные заведения братья окончили одновременно (1923). Алексей получил диплом инженера-мостостроителя, Михаил – инженера-технолога по холодной обработке металлов.

Инженерная деятельность братьев

После окончания института Алексей Адольфович работал от Ленинградского управления строительством.

Алексей Адольфович с женой и дочерьми. 1930-е гг.

Его самостоятельная карьера началась в г. Острове Псковской области с капитального ремонта подвесного моста. Мост был построен почти 100 лет назад (середина XIX века). Разрушили его Гражданская война и бурное половодье 1924 года. На восстановительных работах трудилось около 150 человек под руководством А. А. Гаккеля⁸.

В 1925–1926 годах остатки сооружения были разобраны и полностью перестроены. Многие деревянные формы были заменены железными. Сохранен был лишь внешний вид. Мост устоял в Отечественную войну и долго еще существовал как достопримечательность города – двухпролетный цепной пешеходный переход через реку Великую.

Когда возникла проблема строительства нового моста в Вологде, обратились к известному учено-мостостроителю Г. П. Передерию. Он предложил взять за основу дипломный проект А. А. Гаккеля (трехпролетный с железобетонным пролетным строением на каменных опорах). По рекомендации Г. П. Передерия начальником строительства был приглашен автор исходного проекта. Построен был мост за 2,5 года. Этого удалось до-

стичь благодаря рациональной организации труда, предложенной А. А. Гаккелем.

18 марта 1931 года был торжественно открыт трехпролетный мост с железобетонным пролетным строением на каменных опорах; средний судоводный пролет – арочный⁹. Под руководством Алексея Адольфовича были построены и другие мосты. Восторженный отзыв о талантливом инженеремостостроителе опубликовала Светлана Глунни¹⁰.

Послевузовская работа Михаила Адольфовича началась на заводе «Электрик», где получил место заведующего бюро рационализации.

Здесь он познакомился со своей будущей женой Марией Львовной Леба (впоследствии – нашей мамой). Она служила на телефонной станции.

Работая на ленинградских предприятиях, отец занимал разные инженерные должности. Так, на Механическом заводе металлотреста он выполнял обязанности технического директора (это скорее – главный инженер). Проектно-технологический институт, тесно связанный с заводами (например, с Ленинградским металлургическим заводом), поручил ему руководство планово-производственным отделом. Всего проработал Михаил Адольфович на предприятиях Петрограда–Ленинграда более 20 лет. Перерыв образовался лишь из-за командировки в Нижний Новгород на строительство автозавода.

В конце 20-х годов XX столетия наша страна испытывала острую потребность в автомобилях, как легковых, так и грузовых. В марте 1929 года правительство приняло решение о строительстве крупного автомобильного завода. Прежде всего решался вопрос о его местонахождении. Наиболее удачным был признан пустынный левый берег Оки, недалеко от Нижнего Новгорода (район старой деревни Монастырки).

Сразу же возникло множество проблем: отсутствие опыта автомобилестроения, нехватка высококвалифицированных инженеров, наличие огромного числа рабочих. Было заключено соглашение с американской автомобильной компанией «Форд» о технической помощи в налаживании производства.

Выявлялись квалифицированные специалисты страны, вербовались рабочие из разных областей, завозили лес, стройматериалы. Около Монастырки началось сооружение 30 четырехэтажных домов. Второго мая 1930 года состоялась торжественная закладка завода, ставшего впоследствии одним из крупнейших предприятий автомобильной промышленности¹¹.

ВСНХ СССР приказом от 14 мая 1931 года командировал М. А. Гаккеля на строительство этого завода. Там он был назначен на должность главного технолога.

Условия проживания были вполне приличные (как и у американских специалистов): просторная квартира в новом доме, служебная машина, специальный продуктовый паек. Правда, мама рассказывала, что выдавали преимущественно муку, почти отсутствовали овощи и молоко.

1 января 1932 года автозавод «вступил в строй» действующих предприятий.

25 января того же года удалось выпустить первый грузовик, а в декабре началось производство легковых автомобилей¹².

Известно, что Нижнему Новгороду в 1932 году присвоено имя уроженца города – писателя Максима Горького. С этого времени завод стал называться Горьковским.

Когда был освоен и налажен выпуск автомашин, папина командировка закончилась (25 сентября 1934 года). Семья вернулась в Ленинград.

Михаил Адольфович – глава многодетной семьи

Перед войной, по рассказам мамы, родители испытывали материальные затруднения (росли уже пять детей), но мы этого не чувствовали. Семья была дружная, в доме царил атмосфера тепла, взаимопонимания.

Несмотря на занятость, отец много внимания уделял детям, интересовался всеми сторонами ребячьей жизни. Он постоянно нам читал, но только классику (помнится Пушкин, Жуковский). Сам очень любил поэта А. Н. Апухтина. Правда, его мечта научить нас немецкому языку, который он знал в совершенстве с детства, не осуще-

ствилась: запретила мама, боясь, что это опасно. Ежегодно к Новому году и дню рождения старшего брата Сережи (26 декабря) мы готовили с папой сценки-спектакли: «Стрекоза и Муравей», «Демьянова уха», «Мужичок с ноготок» и другие. Особенно нравился «зрителям» наш спектакль «Мужичок с ноготок». Папа изображал лошадь: вместо гривы – мочалка, вместо оглоблей – лыжные палки и т. д. Мамины сестры и другие родственники хохотали, как дети. По выходным дням мы обычно «покидали» дом: то выезжали за город (Озерки, Лисий Нос), то ходили в кинотеатр (чаще всего – в «Родину» – рядом с нашим домом). Стабильный состав нашей компании – папа, я, средний брат Алеша. Сережа вечно был занят своими делами (химические опыты и т. д.), а сестры были малы. Перед войной мы навещали Надежду Алексеевну Бакеркину, у которой воспитывался брат отца Алексей. Она жила на Кировском проспекте с собачкой в большой комнате огромной коммунальной квартиры (прежде вся была ее).

Чтобы быть в курсе наших школьных дел, папа всегда ходил на родительские собрания, был членом родительского комитета (мы трое учились в одной школе на Фонтанке, 14). Старался не пропускать выступления «студии художественного движения», где я занималась (Дом художественного воспитания детей – ДХВД – Мойка, 24). А танцевали студийцы на сценах Дома Красной армии, Дома искусств и других.

Вспоминая разные эпизоды предвоенной жизни, почти везде видишь отца. Вот он, нагруженный городскими гостинцами, спешит навстречу нам – дачникам (Колтуши). Запомнились новогодний праздник у папы на заводе (всем детям разрешили перед уходом взять с елки понравившиеся игрушки), а также первомайская демонстрация, участниками которой были и мы.

Часто ездили с папой к маминной сестре, моей крестной матери, Ольге Львовне. Она жила с момента замужества в Лисьем Носу, прожила там более 60 лет и была уважаемым человеком. Уже после войны здесь нередко шутили: «Че-

Алексей и Михаил перед войной. 1940 г.

рез детсадовские музыкальные занятия Ольги Львовны прошло все население поселка». Ее фотографии – воспитателя детского сада – помещены в книге о Лисье Носе¹³.

Гуляя около Маркизовой лужи, собирая грибы в ближайшем лесочке, наша компания пела: «Мы опенки, у нас ноги тонки...» («репертуар» маминого детства). После такой прогулки возвращались к любимой тете Оле и слушали виртуозную игру папы на рояле.

«Большой дом». Война

В середине 30-х годов Михаила Адольфовича пригласили в Большой дом (Литейный, 4). Разговор был неожиданным и своеобразным. Вначале задавали такие вопросы: есть ли связь с границей, пишет ли тетка из Парижа, знает ли о ее смерти? Отец отвечал отрицательно. Затем сообщили, что опекунша оставила ему колоссальное наследство (большие тысячи франков). Папа вначале растерялся, но допрашивающие помогли: «Вы, надеемся, откажетесь на благо нашей любимой Родины?» Он ответил: «Да, да, конечно». Наверное, этот отказ спас Михаила Адольфовича от дальнейших репрессий.

Алексея Адольфовича Большой дом вызвал позже, в конце 1937 года. «Беседа» была ужасной, но обычной для тех лет (выбили зубы и т. п.). Среди обвинений

было и такое, как хищение государственных средств. Оно «заключалось» в том, что при начале нового строительства проявлялась забота о рабочих: строили хорошие барачки для жилья, прокладывали мостки – дощатые настилы – по грязным улицам (например, в Киришах). Алексей Адольфович был арестован по статье 58, объявлен врагом народа. Нам, детям, не рассказывали об этой трагедии. В тюрьме он пробыл 2 года, а освобожден был прямо во время судебного заседания и направлен на работу в Вологду. Из-за начавшейся войны организацию, где он служил, эвакуировали в Ташкент.

Никогда не забыть выходной день 22 июня 1941 года. Папа с братьями поехал за город в Озерки, я с подружкой пошла на праздничные гулянья в Таврический сад, сестры остались дома с мамой. После выступления по радио В. М. Молотова трудно было представить, что с нами будет...

Отец был переведен из Проектно-технологического института на завод начальником цеха в сентябре 1941 года. Мобилизации Михаил Адольфович не подлежал по возрасту (ему было более 50 лет), да и на производстве была броня. В первые числа января 1942 года у отца во время рабочего дня случился голодный обморок. Надо сказать, что он отказался от дополнительного пайка, который давали руководящему составу предприятия. Считал, что

не должен получать больше своих рабочих. Его отвезли в больницу Смольнинского района, но через несколько дней его собирались выписать домой, т. к. стало лучше. Мама пришла за ним с санками. Оказалось, что смерть наступила ночью (13 января). В палате лежал школьный учитель Сережи. Он уговаривал маму не тратить силы на поиски мужа, а больше думать о сыне. Она не послушала. Однако среди трупов морга тело отца не нашло. Выяснилось, что всех умерших ночью увезли на кладбище (или Охтинское, или Пискаревское). Так что мы не знаем место захоронения нашего папы.

31 января умер от голода Сережа. Он пролежал мертвым дома 2 недели. Иногда мама вставала, смотрела на него, поправляла волосы...

Хоронить не было ни сил, ни средств. Помогли родственники. Муж маминой сестры Ольги Львовны – Василий Алексеевич – сколотил гроб. Пешком они привезли его на санках из Лисье Носа на набережную Фонтанки. Когда пришли, трудно было понять, кого нужно хоронить. Мама лежала пластом, она так и не смогла встать. Втроем, две мамы сестры и дядя Вася, пешком от Фонтанки до Серафимовского кладбища отвезли на санках гроб с телом Сережи. Общими усилиями достали буханку хлеба, чтобы заплатить могильщику. Это была первая наша могила на Серафимовском кладбище (до этого «семейным» было Смоленское). Летом маму с детьми эвакуировали.

А как сложилась дальнейшая судьба Алексея Адольфовича? Как уже отмечалось, во время войны он оказался в Ташкенте. Там его вторично арестовали по доносу хозяйки квартиры (1943). Супруги Гаккели (дядя Леся и тетя Лидаша – мы их так называли) знали иностранные языки. Они часто говорили дома по-французски, чтобы его не забыть. Донос был о «немецких шпионах». Алексея Адольфовича выслали в Северный Казахстан, г. Павлодар. Здесь было много ссыльных немцев, ингушей, чеченцев. Алексею Адольфовичу разрешили работать на тракторном заводе в отделе капитального строительства. Вскоре он умер. Впоследствии его жена Лидия Николаевна кате-

горически отказалась от хлопот по реабилитации, говоря, что она всегда знала о его невиновности.

Так печально ушли из жизни два брата-инженера (40-е годы XX столетия). Последним пристанищем для Алексея Адольфовича стал холодный Казахстан, а для Михаила Адольфовича – голодный Ленинград.

Выживание семьи Михаила Адольфовича после войны

Окончание войны для нас – действительно «праздник со слезами на глазах». Блокада унесла ближайших родственников: маминого брата Михаила и сестру Анну; умерли папа и брат Сережа.

Жизнь семьи Михаила Адольфовича была крайне трудной. Дом, построенный более двухсот лет назад (Фонтанка, 30), устояв от бомбежек и обстрелов, оказался в ужасном состоянии: крыша протекала (а у нас – последний этаж), полы проваливались, печи дымили. Зимой в квартире замерзали. Газ отсутствовал; готовили на примусе и керосинке.

Мамино здоровье сильно пошатнулось. Она часто болела и мало зарабатывала. Еще до войны мама жаловалась отцу, что боится остаться одна с детьми. Папа ее успокаивал, говоря, что если с ним что-нибудь случится, то за него должна быть большая пенсия. Нам же, на четверых, назначили всего 164 рубля. Уже сейчас я выяснила, что ребенок за погибшего отца – рядового солдата – получал 200 рублей. Видимо, за умерших в блокаду пособие определяли по какому-то минимуму. Об этом можно судить и по следующему факту: в 1956 году одна наша младшая сестра получила пенсию в 323 рубля. Наверное, менялся взгляд на блокадников.

Шестнадцати лет я стала старшей среди детей, пришлось забыть о дневной школе. Вначале поступила в техникум (там платили стипендию) на специальность «техник-технолог по холодной обработке металлов». Казалось – звучит «красиво» и напоминает профессию папы. Но вскоре ушла, т. к. поняла, что это мне неинтересно; кроме того, отсутствовала более или менее приличная одежда, не могли купить рекомендуемые учебные материа-

лы. Тогда я устроилась ученицей разметчицы на Металлический завод (в то время – ЛМЗ им. Сталина), с которым был связан до войны по работе отец. Как позже выяснилось, прямо на заводе функционировала школа рабочей молодежи (ее впоследствии окончила).

Тяжело вспоминать 1946 год. На продовольственные карточки сыт не будешь (мы с мамой имели «рабочие» карточки, сестры – «детские», а брат – вначале «детскую», а с 14 лет – «иждивенческую»), но не хватало денег, чтобы их выкупить. С мамой старались по воскресеньям подрабатывать (мыть полы, пилить дрова). К сожалению, из-за неурожая на Украине и в других местах все цены на продукты правительство повысило втрое. Какой-то руководитель из Смольного (фамилию не помню) приезжал на завод для разъяснения тяжелого положения в государстве. Рабочих и служащих собрали в огромном гидротурбинном цехе. После сообщения приезжего начальника можно было задавать вопросы. Однако, когда работница спросила, как жить дальше, он ответил: «Это ваше личное дело».

Как-то зимой мама сказала: «Хочу затопить печь и закрыть трубу, чтобы всем угореть... Не могу больше смотреть, как умирают от голода мои дети».

Удалось очень спокойно и уверенно ее убедить, что на заводе обещают помогать рабочим. И действительно, вскоре стали выдавать то мороженую картошку, то рыбий жир, то «шроты» (жмыхи от сои). Теперь за обедом каждый рабочий получал без карточек «щи и овощи» (из мороженой капусты и брюквы). Овощи были из подсобного хозяйства завода.

И все-таки люди в то время жили по-разному. У моей подруги Иры тетя была доцентом института, ей полагалась «литерная» карточка. На нее можно было купить много продуктов и промтоваров по государственной цене. Иногда они нас выручали. Наша младшая сестра – первоклассница – часто пропускала школу из-за отсутствия обуви. Когда родственница подруги узнала об этом, то предложила нам купить по ее «литеру» детские ботинки. Ира же приходила к нам всегда с буханкой хлеба. А однаж-

ды меня пригласили на какой-то их семейный праздник. В огромной комнате старой барской квартиры на большом обеденном столе были расставлены многочисленные тарелки с бутербродами. Тогда я подумала: «Вот кем надо быть – доцентом. Тогда всегда будет много бутербродов».

Понемногу становилось легче. Во-первых, Алеша, окончив семь классов, стал курсантом только что организованного Военно-морского подготовительного училища (преимущественно для сирот). Учащиеся за три года получали среднее образование, находясь на государственном обеспечении (кормили, правда, очень скромно).

Во-вторых, мне повысили на заводе разряд, и заработок стал больше.

По этому случаю я повела сестер (8 и 11 лет) в коммерческий кафетерий на Литейном пр., около улицы Белинского. Там не раздевались, ели стоя у высоких столов. Я купила каждому по порции сарделек с тушеной капустой. Как мне попало за это от мамы! Она обвинила меня в том, что я транжирю деньги и порчу детей.

И, наконец, в конце 1947 года отменили продовольственные карточки.

Определенной помощью семье было и поступление в 1950 году средней сестры Валерии в ремесленное радиотехническое училище. Туда принимали после 7-го класса. После двухлетнего обучения ее распределили на завод «Линотип».

Вот тогда мы уговорили маму уйти с работы из-за ее здоровья (незаживающие трофические язвы на ноге). Пенсию она еще не получала. Сестра по вечерам стала учиться. Как и я, работая, окончила школу рабочей молодежи и вечернее отделение института.

К сожалению, жили еще трудно и бедно. Недаром часто вспоминали стихотворение Р. Бернса «Честная бедность»: «Мы хлеб едим и воду пьем, мы укрываемся тряпьем...» Казалось, что шотландский поэт XVIII века писал именно о нас¹⁴.

А вот 1953 год стал для нашей семьи буквально счастливым, когда произошло несколько приятных событий, главные из них: мы въехали в свой капитально отремонтированный дом (с газом, паровым

отоплением, ванной); Алеша окончил Первое Балтийское высшее военно-морское училище (преобразованное из подготовительного), стал офицером.

Алексей Михайлович Гаккель

Молодой лейтенант в 21 год был направлен на Северный флот в г. Полярный и назначен командиром торпедной группы средней подводной лодки.

Как только началась у него служба, буквально с первой зарплаты, стал присылать нам деньги. Мы с мамой решили брать из них только на квартплату, а остальные использовать для покупки ему вещей (постельного белья, мебели и т. д.). За это он нас очень ругал, убеждал, что хочет помочь нам, тем более что мама не работает. Например, Алеша говорил: «Я не допущу, чтобы моя младшая сестра совмещала работу с учебной, как две другие. Женя окончит дневную школу и дневной вуз». (Одно время обучение старшеклассников было платным.)

Так и вышло, как хотел брат. Женя окончила с медалью дневную школу, а студенткой получала «сталинскую стипендию».

Каждый отпуск брата был для нас праздником. Он проводил его обычно дома. Основным развлечением и отвлечением был просмотр балетных спектаклей Кировского театра.

Мы очень переживали за него в связи с его службой. Он же никогда не раскрывал ее подробностей. Алексей Михайлович проплавал на подводных лодках более 13 лет, участвовал во многих автономных походах. Он прошел путь от лейтенанта до капитана 1-го ранга, командира большой подводной лодки Северного флота. Еще в 1964 году «Огонек» поместил очерк о Полярном, подводниках, о командире подводной лодки А. М. Гаккеле¹⁵.

С 1969 года жизнь брата была тесно связана с Военно-морской академией (сейчас – вновь им. Н. Г. Кузнецова) – слушатель, адъюнкт, преподаватель.

Вначале защитил кандидатскую диссертацию (кандидат военно-морских наук), затем – докторскую.

В 1992 году брату было присвоено звание профессора. Опубликованные им научные труды (более

50) представляют собой не только учебный материал для слушателей академии¹⁶. По мнению специалистов, это серьезный вклад в отечественную и мировую историю военно-морского искусства. Алексей Михайлович явился создателем школы военно-морских историков, занимающихся исследованием проблем боевого применения флотов иностранных государств в мировых и локальных войнах. Краткие сведения об А. М. Гаккеле – подводнике, ученом – поместил словарь «Знаменитые люди Санкт-Петербурга»¹⁷.

Несколько лет назад (1996) наш брат скоропостижно скончался от инфаркта. Скорее всего, сказался тяжелейший труд подводника. Похоронили Алексея Михайловича со всеми воинскими почестями на Аллее Героев Серафимовского кладбища.

Кто жив из ближайших родственников братьев Гаккелей?

Сейчас три дочери Михаила Адольфовича (Марина, Евгения, Валерия – все с высшим образованием), имея детей и внуков, живут в Петербурге. Всего у Михаила Адольфовича 6 внуков и 9 правнуков.

Две дочери Алексея Адольфовича (Лидия, Екатерина – также с высшим образованием) имеют детей и внуков, но являются жителями других городов (Пскова, Саратова).

Продолжатели фамилии Гаккель – это два взрослых сына (Алексей, Кирилл) и два малолет-

них внука (Дима, Алеша) моего брата Алексея Михайловича.

Оба племянника – Алексей и Кирилл – окончили Ленинградское высшее инженерное морское училище им. адмирала С. О. Макарова и ряд лет ходили на торговых судах.

Алексей участвовал в спасении подводников с лодки К-219. А произошло это так. 3 октября 1986 года советская атомная подводная лодка потерпела серьезную аварию у восточного побережья Америки. Она вынуждена была всплыть на поверхность. наших надводных сил поблизости не было, но Министерство морского флота незамедлительно направило несколько судов на помощь терпящим бедствие. Среди них был контейнеровоз «Анатолий Васильев», где служил 4-м помощником капитана Алексей Гаккель. Шлюпка с ним забрала последних пострадавших, в том числе и командира субмарины.

Всего было эвакуировано 115 человек. Аварийная лодка могла в любую минуту взорваться, поэтому требовалось мужество и выдержка самих спасателей. Шестого октября, после взрыва и пожара, подводная лодка К-219 затонула¹⁸.

С середины 90-х годов XX столетия положение в торговом флоте резко изменилось. Некоторые суда были проданы, экипажи расформированы.

Многим морякам пришлось искать работу на берегу. Это коснулось и Алексея Гаккеля, проплававшего более десяти лет, дослу-

Алексей Михайлович с сыновьями Алексеем и Кириллом. 1982 г.

жившегося до капитана (от 4-го помощника). Неоднократно ходил он в Австралию, Африку, Сингапур. В новых условиях Алексей попробовал заняться предпринимательской деятельностью. Первоначально была создана небольшая фирма по продаже сотовых телефонов. За несколько лет она превратилась в многопрофильную холдинговую компанию с многочисленными филиалами по всей стране. Сейчас Алексей Алексеевич Гаккель – председатель совета директоров этой огромной организации.

Заканчивая повествование, хотелось бы подчеркнуть, что немецкая фамилия Гаккель тянется у нас от деда Адольфа, затем идет отец – Михаил, наш брат Алексей с сыновьями. Завершает эту мужскую линию маленький Алеша – правнук Михаила Адольфовича, мой внучатый племянник – ученик второго класса современной Peterschule.

Празднование юбилея дочери Михаила Адольфовича Марины Михайловны. Первый ряд (справа налево): ее сестра Евгения Михайловна со своей внучкой Машей, жена покойного брата Людмила Викторовна, сама Марина Михайловна, ее сестра Валерия Михайловна, дочь Елена. Второй ряд (слева направо): младший внук Коля, племянник Алексей, муж дочери Олег, племянник Михаил со своим отцом Сергеем Ивановичем, старший внук Иван

¹ Сведения о творчестве балерины Н. А. Бакеркиной получены из Российского государственного исторического архива (Английская наб., 4).

² Вырубова А. Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминание Анны Вырубовой. М., 1991. Репринт изд. С. 42, 62, 68.

³ Волконский С. М. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 355.

⁴ Лихачев Д. С. Воспоминания. Изд. 2. СПб., 1999. С. 34.

⁵ Пантелеев Л. Ленъка Пантелеев // Пантелеев Л. Избранное. Л., 1978. С. 45–46.

⁶ Материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Псковская, 18) помогли уточнить ряд фактов из жизни братьев Гаккелей (за 1900–1918 гг.).

⁷ Григорий Петрович Передерий (1871–1953) – известный ученый в области мостостроения (с 1943 г. – академик). Он окончил в Петербурге Институт инженеров путей сообщения. Под его руководством в Ленинграде был построен мост им. Володарского и реконструирован мост им. Лейтенанта Шмидта (см.: БСЭ. Изд. 3. Т. 19. С. 378 (1122)).

⁸ Пахрин Ю. П. Остров. Л., 1980. С. 68.

⁹ Соколов В. Вологда: История строительства и благоустройства города. Вологда, 1977. С. 135–136.

¹⁰ Глунина Светлана. «Октябрьский мост». Вологда, 1973. В Интернете был обнаружен реферат этого материала, но не указан вид его издания. Среди книг и журнальных статей за 1973 г. он не выявлен. Возможно, это газетный очерк или другое местное издание. Публикации (8, 9, 10), отражающие деятельность А. А. Гаккеля, появились почти через 30 лет после его смерти.

¹¹ Горьковский автомобильный завод (БСЭ. Изд. 3. Т. 7. С. 143 (№417)).

¹² История Горьковского автомобильного завода отражена в ряде публикаций: Горьковский автомобильный (50 лет заводу). М., 1981. 303 с.; Горьковский автомобильный. М., 1964. 295 с.; Труд и подвиг историю пишут. (История Горьковского автомобильного завода). Горький, 1981. 223 с. и др.

¹³ Лисий Нос: Ист. очерк. СПб., 2001. С. 115.

¹⁴ Бернс Р. Честная бедность // Бернс Р. Стихотворения. Л., 1981. С. 5–6.

¹⁵ Горова Д., Ухтомский Д. Невыдуманная романтика // Огонек. 1964. № 9. С. 13–14.

¹⁶ Приводим некоторые труды А. М. Гаккеля, изданные Военно-морской академией: Развитие флотов и военно-морского искусства капиталистических государств между Первой и Второй мировыми войнами. Л., 1990. 200 с.; Уничтожение сил флота противника в море и базах во Второй мировой войне... СПб., 1992. 132 с.; Совместные действия армии и флота во Второй мировой войне... Л., 1993. 95 с.; Военно-морское искусство основных иностранных государств в действиях по нарушению океанских и морских коммуникаций во Второй мировой войне. СПб., 1996. 71 с.

¹⁷ Доценко В. Д., Миронов В. Ф. Знаменитые люди Санкт-Петербурга: Биограф. словарь. СПб., 2003. С. 92–93.

¹⁸ Советская стратегическая подводная лодка Северного флота К-219 имела на борту 16 баллистических ракет, ядерные торпеды, 2 реактора. В одном из отсеков возник пожар. Экипаж мужественно боролся с его последствиями. Были пострадавшие, четыре человека погибли. Особенно важно было заглушить оба реактора. Один из них ценой жизни, вручную, заглушил матрос Сергей Приминин (21 год.). Ядерная катастрофа была предотвращена. После взрыва ракеты лодка, вынужденно нарушив скрытность, всплыла на поверхность. А происходило это недалеко от США, накануне встречи М. С. Горбачева с Р. Рейганом. В течение трех дней экипажем субмарины, а затем и личным составом подошедших советских кораблей велась борьба за обеспечение ее непотопляемости. Однако, несмотря на все усилия, подводную лодку спасти не удалось. 6 октября 1986 г. в 11 час. 03 мин. она затонула на большой глубине. Подробно об этом печальном событии правдиво рассказано в книге: Хухтхаузен П., Курдин И. К., Уайт Р. А. Враждебные воды. Минск, 1999. 384 с. Упоминания об Алексее Гаккеле: с. 257, 303–304, 333, 382. В Америке на основе этой поистине трагической истории снят триллер «Враждебные воды», главную роль играет звезда Голливуда Рутгер Хауэр. В нашей стране этот фильм имеется на видеокассетах.

Допетербургская история Петербурга

Н. А. Синдаловский

Если верить петербургскому городскому фольклору, то легенда о том, что когда-нибудь в будущем на топких берегах Невы возникнет столичный город, появилась среди аборигенов Приневского края еще в I веке христианской эры. Она связана с именем одного из первых и любимых учеников Христа – апостола Андрея, который, согласно евангельскому мифу, проповедовал христианство в скифских землях и на территории будущего русского государства. Вот как эта легенда излагается в анонимном произведении XVIII века «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга»: «По вознесении Господнем на небеса, апостол Христов святой Андрей Первозванный на пустых Киевских горах, где ныне град Киев, водрузил святой крест и предвозвестил о здании града Киева и о благочестии, а по пришествии в великий Славенск (Новгород. – *Авт.*), от великого Славенска святой апостол, следуя к стране Санктпетербургской, отшел около 60 верст <...> водрузил жезл свой в Друзино (Грузино. – *Авт.*). <...> От Друзина святой апостол Христов Андрей Первозванный имел шествие рекою Волховом и озером Невом и рекою Невую сквозь места царствующего града Санктпетербурга в Варяжское море, и в шествие оные места, где царствующий град Санктпетербург, не без благословения его апостольского, были. Ибо <...> издревле на оных местах многажды видимо было света сияние». Согласно некоторым легендам, апостол Андрей добрался до самого Валаама и там на берегу озера якобы водрузил еще один крест – каменный.

Этот мистический сюжет через много веков получил неожиданное продолжение. Легенды коренных жителей Приневья утверждают, что в год начала Северной войны, а это всего лишь за три года до основания Петербурга, «чудес-

ный свет, издревле игравший над островами невской дельты, необыкновенно усилился».

В сказочном созидании Петербурга роль одного из двенадцати апостолов, якобы благословившего место будущего города, велика. Не случайно, по легенде, Петр Великий обнаруживает-таки мощи святого Андрея Первозванного, хотя, согласно христианской традиции, «муж сильный святой Андрей» мученически кончил свою жизнь в греческом городе Патры, где был распят на кресте, имевшем форму «X». Впоследствии этот так называемый андреевский крест стал элементом флага военно-морских сил России, который представляет собой прямоугольное белое полотнище с диагональным голубым крестом. Флаг был учрежден Петром I еще до основания Петербурга, в 1699 году, однако живет легенда, что идея такого флага возникла у Петра уже в петербургский период истории России. Будто бы однажды, мучительно размышляя о внешнем виде и форме первого русского военно-морского флага, Петр случайно взглянул в окно своего Домика, что на Петербургской стороне, и замер от неожиданности. На светлых вымощенных плитах двора отпечаталась четкая тень оконного переплета. Похоже, именно об этом и думал часами император. Он тут же схватил лист бумаги и набросал эскиз. Так, если верить легенде, и зародилась первая мысль о косом, андреевском, кресте на белом полотнище.

В настоящее время в Петербурге рассматривается проект установки памятника Андрею Первозванному работы петербургского скульптора Альберта Чаркина. По его предложению скульптура должна быть установлена на Московском шоссе. Именно там, по преданию, проходил путь Андрея.

Территория, по которой шел, проповедуя христианство, Андрей Первозванный, была хорошо изве-

стна как Ингерманландия. Это одно из названий древней земли, расположенной по берегам Невы и в юго-западной части Приладожья. Земли эти были вполне обжитыми еще в XII веке. Здесь обитали финно-прибалтийские племена ижора, карела, воль, а все Приневье на местных языках называлось Inkerinmaa (земля Инкери), то есть земля вдоль реки Ижоры (финское – Inkegejri). Кстати, древние славяне этот край так и называли – Ижорская земля. Позже, когда Приневье стало провинцией Шведского королевства, появилось название Ингерманланд, которое широко бытовало в первой четверти XVIII века. По поводу этого шведского названия Приневского края существует одна красивая легенда. Будто бы «Ingermanland» – это «Земля людей Ингерд», то есть «людей шведской принцессы Ингерд, выданной замуж за Ярослава Мудрого». Она-де получила весь этот край в качестве свадебного подарка русского князя.

Если верить старинным преданиям, стены шведской крепости Ниеншанц, что находилась на территории современного Петербурга, были выкрашены в красный цвет. Это один из цветов трехцветного национального флага ингерманландцев, символика которого означает: желтое поле – достояние, хлеб изобилие; голубые полосы – вода, Нева, озера; красный цвет – символический образ власти.

С 1228 года Ингерманландией владел Великий Новгород. В 1240 году шведы предприняли попытку завладеть Ингерманландией. Шведским войском командовал зять короля Эрика – ярл Биргер. Русскими – сын князя Ярослава Всеволодовича Александр. 15 июля 1240 года Александр нанес сокрушительное поражение шведам в Невской битве, как позднее назвали ее историки. Знаменитое сражение произошло вбли-

зи впадения в Неву реки Ижоры. В результате кровопролитного боя шведы были разгромлены. Фольклорная традиция придает этой победе столь высокое значение, что в летописных источниках на протяжении столетий даже статус предводителя шведских войск несколько раз меняется в сторону его повышения. Если в ранних источниках это был просто «князь», то в более поздних – ярл Биргер, а затем и сам шведский король. Не случайно одним из самых значительных эпизодов большинства преданий об этой битве считается ранение, полученное шведским полководцем от копья самого Александра Ярославича. Не говоря уже о том, что за эту блестящую победу князь Александр получил прозвище Невский.

Несмотря на очевидность того исторического факта, что знаменитая битва произошла при впадении реки Ижоры в Неву, позднее предание переносит ее гораздо ниже по

течению Невы, к устью Черной речки, ныне Монастырки – туда, где Петру угодно было основать Александро-Невскую лавру. Верил ли Петр I в предание, или то была его умышленная ошибка? Скорее всего, да. Возведение монастыря на предполагаемом месте Невской битвы должно было продемонстрировать всему миру непрерывность исторической традиции борьбы России за выход к морю. В качестве аргументации этой «умышленной ошибки» петербургские историки и бытописатели приводят местную легенду о том, что еще «старые купцы, которые со шведами торговали», называли Черную речку «Викторы», переименовав на русский лад еще более древнее финское или шведское имя. По одной из местных легенд, вдоль Черной речки стояла «деревня Вихтула, которую первоначально описыватели местности Петербурга, по слуху, с чего-то называли Викторы, приурочивая к ней место боя Алек-

сандра Невского с Биргером». Уже потом, при Петре Великом, этому «Викторы» придали его высокое латинское значение – «Победа».

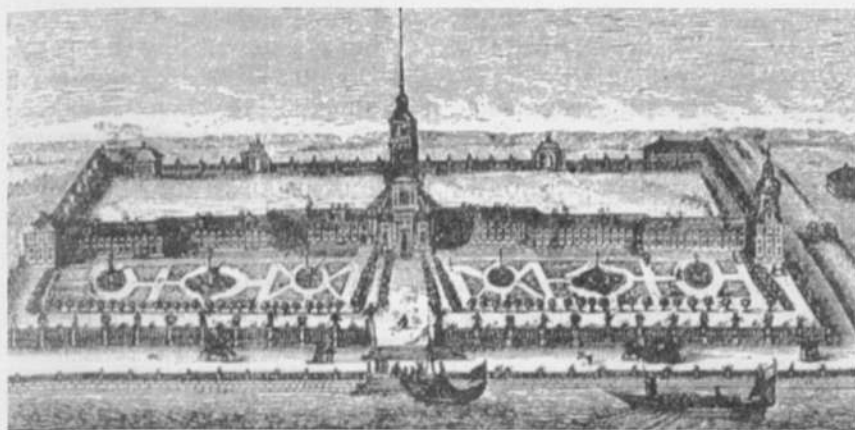
А еще одна из многочисленных легенд утверждает, что «Александров храм», как называли в то время лавру, построен на том месте, где перед сражением со шведами старейшина Ижорской земли воин Пелгусий увидел во сне святых Бориса и Глеба, которые будто бы сказали ему, что «спешат на помощь своему сроднику», то есть Александру. Во время самой битвы, согласно другой старинной легенде, произошло немало необъяснимых с точки зрения обыкновенной логики «чудес», которые представляют собой своеобразное отражение конкретной исторической реальности в народной фантазии. Так, если верить летописям, Александр со своей дружиной бил шведов на левом берегу Ижоры. Но после битвы множество мертвых шведов было обнаружено на противоположном, правом берегу реки, что, по мнению летописца, не могло произойти без вмешательства высших небесных сил.

Таким образом, закладка монастыря на легендарном месте исторической Невской битвы, по замыслу Петра I, позволяла Петербургу приобрести небесного покровителя, задолго до того канонизированного церковью – Александра Невского – святого, ничуть не менее значительного для Петербурга, чем, скажем, Георгий Победоносец для Москвы. И если святой Александр уступал святому Георгию в возрасте, то при этом обладал неоспоримым преимуществом: был реальной исторической личностью, что приобретало неопределимое значение в борьбе с противниками проводимых Петром реформ.

Между тем известно, что мемориальный храм при впадении реки Ижоры в Неву, посвященный князю Александру Невскому, издавна стоял и на том месте, где в действительности происходила историческая битва. Первое документальное упоминание о нем относится еще к 1576 году. Сохранились и более давние, известные из легенд свидетельства о том, что на этом месте и раньше существовала церковь. Так или иначе, но после того, как эти земли были вновь от-

Битва дружины Новгородского князя Александра Ярославича (Невского) со шведами на Неве в 1240 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Александро-Невская лавра при Петре Великом. Гравюра 1716 г.

воеваны у шведов, деревянная церковь в Усть-Ижоре была восстановлена, а в конце XVIII века заменена на каменную. Затем церковь несколько раз обновлялась и перестраивалась, пока в результате очередной перестройки 1875–1876 годов не приобрела современный вид. В 1930-х годах храм был закрыт, но в 1988 году вновь передан верующим.

В XV веке Александр Невский был канонизирован Русской православной церковью, а в начале XVIII века Петр I возвел его в чин небесного покровителя Санкт-Петербурга. Петра не покидала убежденность в политической необходимости объединения во времени и пространстве двух событий – победы Александра Невского и основания новой столицы.

В августе 1724 года мощи святого Александра Невского с большой помпой были перенесены из Владимира, где они до того времени хранились, в Санкт-Петербург. По значению это событие приравнивалось современниками к заключению мира со Швецией. Караван, на котором мощи доставили в Петербург, царь с ближайшими сановниками встретил у Шлиссельбурга и, согласно преданиям, сам стал у руля галеры, а бывшие с ним приближенные сели за весла.

Воинствующий атеизм после революционных лет породил легенду о том, что на самом деле никаких мощей в Александро-Невской лавре никогда не было. Будто останки Александра Невского (если только они вообще сохранились в каком-либо виде, наставительно добавляет легенда) сгорели во Владимире во время одного из пожаров.

Вместо мощей Петру I привезли несколько обгорелых костей, которые, согласно легендам, пришлось спешно «реставрировать», чтобы представить царю в «надлежащем виде». По другой, столь же маловероятной легенде, в Колпине, куда Петр специально выехал для встречи мощей, он велел вскрыть раку. Рака оказалась пустой. Тогда царь «приказал набрать разных костей, что валялись на берегу». Кости сложили в раку, вновь погрузили на корабль и повезли в Петербург, где их торжественно встречали духовенство, войска и народ.

Во избежание толков и пересудов Петр будто бы запер гробницу на ключ. Легенда эта включает фрагмент старинного предания, бытовавшего еще среди раскольников, которые считали Петра Антихристом, а Петербург – городом Антихриста, городом, проклятым Богом. По преданию, Петр дважды привозил мощи святого Александра в Петербург, и всякий раз они «не хотели» лежать в городе дьявола и уходили на старое место, во Владимир. Когда их привезли в третий раз, царь самолично запер раку на ключ, а ключ бросил в воду. Правда, как утверждает фольклор, не обошлось без события, о котором с мистическим страхом не один год говорили петербуржцы. Когда Петр в торжественной тишине запирает раку с мощами на ключ, то услышал позади себя негромкий голос: «Зачем это все? Только на триста лет». Царь резко обернулся и успел заметить удаляющуюся фигуру в черном.

Впоследствии императрица Елизавета Петровна приказала соорудить для мощей Александра

Невского специальный серебряный саркофаг. Эту гробницу весом в 90 пудов изготовили мастера Сестрорецкого оружейного завода. 170 лет она простояла в Александро-Невской лавре. Слева от нее находилась икона Владимирской Богоматери, которая, по преданию, принадлежала самому Александру Невскому. По свидетельству современников, еще при Елизавете Петровне в Петербурге сложился обычай класть на раку монетку «в залог того, о чем просят святого». Еще одна традиция стала общероссийской. Ежегодно 30 августа по старому стилю от Казанского собора к Александро-Невской лавре совершался крестный ход в память перенесения мощей святого князя. В нем принимали участие все кавалеры ордена Александра Невского.

В 1922 году раку изъяли из Александро-Невской лавры и передали в Эрмитаж, где она находится и по сей день, а сами мощи – в Музей истории религии и атеизма (Казанский собор). В 1989 году мощи святого Александра Невского были возвращены в Троицкий собор Александро-Невской лавры.

Но вернемся к событиям далекого XVII века. В 1610 году Швеция предприняла очередную попытку овладеть Новгородом, Псковом и приневскими землями на северо-западе России. Во главе шведского войска стоял знаменитый полководец, маршал Якоб Понтус Делагарди, слышавший в Европе «вечным победителем русских». С именем Делагарди связано не одно старинное предание. Так, говорят, Красный замок в Румболовском парке города Всеволожска был построен неким шведом для того, чтобы войска могли в нем отдохнуть перед последним броском к острову Орехову и к крепости Ниеншанц, а в случае отступления можно было бы здесь и укрыться от преследующего неприятеля. Другие легенды рассказывают иное. Будто бы Красный замок когда-то был придорожной лютеранской киркой, где воины Делагарди молились перед походом на Орехов.

Сохранилась вошедшая в труды многих историков легенда о последней попытке шведского маршала одолеть русских силой. По этой легенде в 1611 году Делагар-

ди сделал привал на левом берегу Невы, в 12 верстах от Шлиссельбурга, на месте, которое среди местных жителей слыло священным. Оно называлось «урочище Красные Сосны». Священной эта роща считалась еще в те времена, когда территорию населяли финны. Во время короткого сна Делагарди видит, как на его шее выросла сосна. С великим трудом и только с помощью злого духа он освободился от нее. В ужасе проснувшись и истолковав случившееся как предвестие близкой и насильственной смерти, Делагарди приказал поднять войско по тревоге и в ужасе навсегда покинул это место. Больше на Руси он не появлялся.

Как известно, военное противостояние Швеции и России закончилось в 1617 году подписанием Столбовского мирного договора, согласно которому все приневские земли отошли к Швеции. Только в 1700 году Петр I объявил Швеции войну за возвращение исконно русских земель и выход России к Балтийскому морю. Далось это решение непросто. С одной стороны, мир со Швецией в то время был жизненно необходим русскому государству, ослабленному долгим периодом внутренних смут, лжецарей и междуцарствий, польского и шведского нашествия, но с другой – Россия по Столбовскому договору оказалась в одиночестве отрезанной от берегов Балтики, столь необходимых для сбыта традиционных русских товаров в обмен на товары заморские. Россия из морской державы превратилась в континентальную. Архангельск в силу своей удаленности и суровых климатических условий в расчет не принимался. Шведский король Густав II Адольф имел полное право торжествовать. «Великое благодеяние оказал Бог Швеции, – сказал он после подписания договора, – русские опасные соседи. Но теперь этот враг без нашего позволения не может ни одно судно спустить в Балтийское море, в большие озера... у России отнято море». Все это, не говоря уже о том, что на старинных шведских картах вся Среднерусская равнина была обозначена как «Швеция», наполняло особым смыслом вообще всякое шведское присутствие на северо-западных рубежах России.

Хорошо понимал это и Петр. Его знаменитые азовские походы и война с Турцией были не чем иным, как попыткой овладеть морем. Пусть не Балтийским, так Черным. Хоть каким-нибудь. Как известно, азовские походы не решили этой сложнейшей внешнеполитической задачи. Оставалось как-то обойти условия Столбовского договора. Если верить фольклору, Петру вовсе не хотелось воевать. Согласно одной легенде, прежде чем решиться на объявление войны, Петр будто бы просил шведского короля продать ему один из городов на Финском заливе: Нарву или Выборг. Карл отказался. Только тогда Петр объявил войну. Сохранилась историческая песня, которая так и называется: «Царь объявляет войну»:

*Выкатается свет наш
батюшка первый император,
Он на золотой-то карете:
Под ним лошади вороные,
На самом на нем платье черное,
Платье черное, да все крученно.
Докатается он до сенату,
Докатается ко крыльечку
ко прекрасному,
Из каретушки да вылезает,
Во присутствие да сам заходит.
Сенаторы все да испугались,
Из рук перья у них повалились,
Из очей слезы да покатались.
Осередь он полу станомился,
Господу богу да помолвился,
На ременчатый стул
да садился.
Он берет в руки да лист бумаги,
Лист бумаги он да неплохие,
Не плохую он бумагу – гербовую,
Во правую – перо да лебедию.
Начинает писать да доношение,*

*Отсылает доношение
да в ину землю:
Желает он себе бою, да драки.*

О неизбежности войны со Швецией в народе рассказывали легенды. В уже упоминавшемся апокрифическом сочинении «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» рассказывается о предсказании, будто бы данном еще в 1595 году известным «славным физиком и математиком» Иоанном Латоцинием: «Известно есть, что зело храбрый принц придет от норда во Европе и в 1700 году начнет войну и по воле Божией глубокоим своим умом и поспешностию и ведением получит места, лежащие за зюйд и вест, под власть свою и напоследок наречется императором».

Как утверждают старинные легенды аборигенов этого края, война началась за обладание «волшебной мельницей Сампо», которая слыла «источником магических знаний и долголетия». Чтобы победить шведского короля, Петр сковал на воздухе «свой Град» и опустил его на финское болото, а Карл XII напустил на чудесный город наводнение. Известны и другие старинные легенды о «магических поединках Петра I с Карлом XII. Так, в одном из них «Петр трубит в магический рожок, заставляя воды Ладоги поглотить шведское воинство».

Надо сказать, самыми фантастическими слухами в те времена полнились не только Петербург и не только Россия. Так, в Швеции о русских и об их Петербурге тоже ходили невероятные небылицы.

Первоначальный вид Петербурга. Гравюра Боденера. XVIII в.

Одно время в Швеции развелось много волков. Они так обнаглели, что подходили к самым домам обывателей и наводили на них не только обыкновенный животный страх, но и невероятный мистический ужас. В народе говорили, что это пленные шведские солдаты, которых русские, как это у них принято, оборотили в волков, а затем отпустили, чтобы те вернулись за душами своих жен и детей. Рассказывали, что одного такого волка подстрелили, содрали шкуру, а под ней... обнаружили рубашку, которую узнала одна шведка. Она будто бы ее вышила, отправляя своего мужа на войну с русскими.

Война, известная под названием Северной, и в самом деле, как это якобы предсказал Латоциний, началась в 1700 году. Но успешной для русских она стала не скоро. Только 12 октября 1702 года капитулировал шведский гарнизон Нотебурга. Этому предшествовала десятидневная осада и жестокая артиллерийская бомбардировка крепости.

Вот легенда, записанная в наши дни известной собирательницей фольклора Н. А. Криничной:

«Долго и безуспешно осаждали русские войска крепость Орешек. Царь Петр употреблял все способы, чтобы поскорей овладеть твердыней. <...> Порешили усилить канонаду, направляя орудия преимущественно в один пункт, чтобы разбить стены и потом в образовавшуюся брешь направить штурмующие колонны.

Несколько дней стреляли беспрерывно. Наконец, с батареей донесли, что стена разрушена. Русские возликовали и, так как дело было к вечеру, решили на следующее утро напасть на крепость.

Рано утром Петр с другими военачальниками поднялся на холм взглянуть на бреши и был поражен, увидев, что разбитые стены стоят как ни в чем не бывало, даже чуть новее стали.

Разгневался царь ужасно и хотел было всех пленных шведов предать лютой казни, но тут один из них выступил вперед и вызвался объяснить, в чем дело.

«Ваше величество, – сказал он, – русские войска уже не раз разрушали стены крепости, но мои соотечественники каждый раз пуска-

лись на хитрость. За ночь они сшивали рогожи, красили их под цвет камня и закрывали ими проломы в стене. Издали казалось, будто и впрямь новая стена возведена...»

«Хорошо же, – возразил Петр, – мы перехитрим шведов».

Он приказал пленных отвести в место, где они содержались, а войскам наделать побольше чучел из соломы, одеть их в солдатскую форму и разместить на плотках. Управлять плотами назначил несколько человек охотников.

Незадолго до полудня плоты двинулись по Неве к крепости. Шведы открыли адский огонь. Несколько плотов было разбито калеными ядрами, но уцелевшие подвигались все вперед и вперед. Ужас охватил мужественный гарнизон при виде надвигавшихся на них русских солдат, бесстрашно идущих под градом свинца.

Плоты приблизились... обезумевшие от страха шведы поспешили вынести ключи и сдаться на полную волю царя. В то время как городские власти изъявляли русскому государю покорность, на крепостной башне пробило полдень. Петр снял шляпу и перекрестился.

В память взятия Орешка с того самого дня и до сих пор ровно в полдень производится торжественный звон колоколов».

Есть и другое, еще более героическое, предание о штурме этой крепости. Согласно ему, через несколько часов после начала штурма даже решительный и бескомпромиссный Петр засомневался в целесообразности продолжения боя. Солдаты гибли во множестве, а успеха это никакого не приносило. Петр послал гонца к командующему Голицыну с требованием прекратить осаду крепости. Согласно преданию, в ответ на это Михаил Михайлович Голицын будто бы ответил: «Передай государю, что отныне я принадлежу Господу». И штурм не только не прекратил, но, как рассказывают легенды, Голицын велел оттолкнуть от берега лодки, чтобы солдаты по слабости или малодушию не могли ими воспользоваться.

Шведский Нотебург – это современный Шлиссельбург, город на левом берегу Невы в 47 километрах от Петербурга. Основан в XIII веке новгородским князем

Петр I.
Гравюра И. Оттенса

Юрием Даниловичем. Первоначальная деревянная крепость была выстроена на островке, заросшем кустами лесного ореха, и потому получила название Орешек. Впрочем, в старинных документах она упоминается под разными именами, в том числе – Орехов и Ореховец. От новгородских времен в крепости сохранилась легенда, согласно которой в подвалах Флажной крепостной башни берет свое начало подводный 12-километровый туннель в прибрежную липовую рощу. Остатки древних пещер, о которых упоминает М. И. Пыляев, будто бы в старину служили выходами из этого подземного хода. Вторая легенда связана с местным праздником – днем иконы Казанской Божией Матери. Он ежегодно отмечается 8 июля. Эту икону случайно нашли уже после 1703 года в стене шведской кирки, в которую шведы, захватив Орешек, превратили старую православную церковь. Легенда утверждает, что икона была заложена в стену этой церкви русскими во время нашествия в Приневье шведского генерала Делгаарди в 1611 году.

Овладев этими землями, шведы переименовали Орехов в Нотебург (ноте – «орех», бург – «го-

род»). Это по поводу капитуляции шведского гарнизона Нотебурга Петр I писал: «Зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, щасливо разгрызен». Крепость была переименована в Шлиссельбург, то есть в «ключ-город». Но в петербургском фольклоре он еще надолго останется Орешком. В начале XIX века Владимир Даль записал поговорку: «Орешек и перцу горяча», а несколько позже появляется ее вариант: «Крепость Орешек – крепкий орешек». Как видно, первоначальное новгородское название крепости оказалось не только по смыслу, но и по душе ближе русскому человеку, чем немецкое Шлиссельбург. Это был крепкий купеческий город, характеристика которого в городском фольклоре отмечена следами достатка и благополучия. В подписи к известной лубочной картинке «Как мыши kota хоронили» о шлиссельбуржцах говорилось с почтением: «Мышь шушера бежит из Шлюшена, несет с Ладоги сиги: ешь, да плотно сиди». Хороший доход приносил городу и прорытый при Петре I ладожский канал, который в народе известен, как «Малая Нева». Петр I часто посещал Шлиссельбургскую крепость. Говорят, его хоромы, или «светлицы», находились в самом замке на так называемой «башне», которая, если верить фольклору, именно поэтому и называется «Светличной».

В 1944 году Шлиссельбург был в очередной раз переименован. На этот раз в рамках официальной государственной борьбы с немецким засильем в русской топонимике городу было дано имя Петрокрепость – в честь Петра I. Однако теперь уже сами шлиссельбуржцы, которые волею судьбы становились «Петрокрепостными», стали сопротивляться. По традиции они называли свой город «Шлюшин». Д. С. Лихачев считал, что «Шлюшин» произведено от старого шведского «Слюссенбурх». Именно такое произношение мы встречаем в исторической песне о взятии Орешка. Песня любопытна тем, что, согласно ее содержанию, окончательное решение о штурме крепости Петр принял не по совету генералов, но после обсуждения с солдатами:

Ты злодей-злодей, ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое!
К чему ты ныло-занывало?
Ты беду мне молодцу предвещало.
Предвещало ты, а не сказало:
Что быть ли мне

молодцу в рекрутах,
Что в рекрутах быть мне
и в солдатах,
А в солдатах быть мне

и в походе,
Что под славным городом
под Орешком,
По нынешнему званию
Слюссельбургом.

Весьма скоро Шведы догадались:
Они ударили тотчас в барабаны.
Да что возговорит

наш батюшка император:
«Ах вы любимые мои генералы!
Вы придумайте мне думу,
пригадайте:

Еще брат ли мне город Орешек,
Иль не лучше ль от него
нам отступить?»

Что возговорят все генералы:
«Ах ты наш батюшка
государь-царь!
Еще сила нам будет нада:

Что не лучше ли нам
отсюда отступить?»

Что возговорит надежа
государь-царь:
«Ах вы детушки мои солдаты!

Вы придумайте мне думу,
пригадайте:
Еще брат ли нам
город Орешек?»

Что не ярые тут пчелы
зашумели,

Что возговорят
российские солдаты:
«Ах ты наш батюшка
государь-царь!

Нам водою к нему плыти –
не доплыти,
Нам сухим путем ити –
не досягнути:

А что брат или не брат ли –
белой грудью!»

Тронулося войско ко стене,
Полетели башни на берег,
Отворились ворота непробельны,
А проломаны из пушек ядрами.
Победили силу Шведскую,
Полонили город надобный.

Интересно отметить, что во всей истории двадцатилетней Северной войны не было другого эпизода, которому фольклор уделил бы столько внимания, как штурм Нотебурга. Вот еще одна песня,

записанная почти по горячим следам в середине XVIII века известным историком и этнографом М. Д. Чулковым. Тогда ее еще вполне могли петь очевидцы и участники тех героических событий:

Как по славной матушке
Неве-реке,
Подле устьица ее широкого,
Что при самом ли истоке
быстром,

Как плавали-гуляли
три легкие стружка:
На первом стружке
Шереметев был,

На другом стружке
офицеры сидят,
А на третьем стружке
все солдатушки,

Преображенские и Семеновские
По реке они бежали
к круту-красну бережку,
К круто-красно бережку,

ко Слюссельбургскому,
Подбирали они парусы
полотняные,
Что того ли полотна
все Олонецкого;

Они якори метали все булатные,
Что того ли булата сибирского,
Приставали к круту-красну
бережку;

Они лесенки метали все дубовые,
Выходили на желты
пески сытучие,
Начинали рыть

подкопы глубокие,
Накатали бочки с лютым зелием,
С лютым зелием –
черным порохом;

Становили свечки воску ярого;
Зажигали те подкопы глубокие:
От того ли красный берег
взорвало,

Развалило стену белу каменну,
Потрясло всю крепость
Шведскую,
Устрашило храбрых
неприятелей.

В Шлиссельбурге долгое время существовал обычай: каждый день ровно в 12 часов на колокольне Шлиссельбургской крепости раздавался колокольный звон. Так сохранялась память о взятии Орешка, которое, по преданию, произошло ровно в полдень.

До 1941 года память о событиях той давней поры сохранялась в городе Кировске. В XIX веке на его окраине стараниями четырех бра-

тьев – Николая, Михаила, Афанасия и Никиты Кирилловых по завещанию их отца, мастерового Спиридона, в молодости лично знавшего Петра I, был установлен памятник основателю Петербурга. К сожалению, памятник не сохранился. В годы Великой Отечественной войны, во время ожесточенных боев на Невском пятачке, он был разрушен. Среди местных жителей бытует предание о том, как появился памятник. В 1702 году, направляясь с войском к Нотебургу, Петр решил разведать обстановку и для этого «вознамерился лично залезть» с подзорной трубой на самую высокую сосну. Но один из солдат Преображенского полка опередил царя, и сам полез на дерево. Откуда-то грянул выстрел – и солдат замертво упал на землю. По случаю чудесного спасения жизни государя и заложили будто бы памятник.

Невдалеке от этих мест, вблизи знаменитых Путиловских ломов, плитняк из которых широко использовался при строительстве Петербурга, в конце XIX века еще стояла так называемая «Красная сосна», под которой, согласно другому местному преданию, Петр Великий провел последнюю ночь перед «взятием Нотебурга, а Россия – как напыщенно писал журнал «Живописная Россия» – последнюю ночь перед своим возвращением к новой жизни».

Память о Северной войне сохраняется и в фольклоре современного Павловска. В 1795–1797 годах на месте первоначального дворца супруги наследника престола Марии Федоровны «Мариенталь», на крутом берегу Славянки, там, где в нее впадает речка Тызва, архитектор Винченцо Брена построил одно из самых впечатляющих сооружений Павловска – Мариентальскую крепость, или крепость Бип, как назвал ее сам Павел. Крепость возведена на развалинах старинного шведского крепостного сооружения, под стенами которого, если верить легендам, произошла одна из битв русских со шведами. Легенда это или исторический факт, до сих пор неизвестно. Историки говорят по этому поводу разное, но на въездных воротах крепости Бип в свое время была укреплена памятная доска с ге-

Павловск. Крепость «Бип»

роическим мемориальным текстом: «Вал сей остаток укрепления, сделанного шведским генералом Крониортом в 1702 году, когда он, будучи разбит окольным Апраксиным, ретировался через сей пост к Дудоровой горе». Для Павла I этот текст имел исключительно важное значение. Видимо, это каким-то образом связывало его с прадедом – Петром Великим.

Официально крепость считается одной из парковых затей, но император повелел внести ее в реестр военных укреплений Российской империи. Крепость снабдили пушками, окружили земляным валом и водными преградами, на ночь поднимались мосты и закрывались ворота. Круглосуточно со всей строгостью и точностью военных уставов шла гарнизонная служба. Согласно одному из преданий, из крепости в Большой дворец вел тайный подземный ход, прорытый еще в те времена, когда Павел был всего лишь наследником престола. Может быть, поэтому шутивное, модное в паркостроении XVIII века название «Бип», стоящее в одном ряду с такими названиями, как «Крик», «Крак» и тому подобными выдумками владельцев тогдашних усадебных парков, со временем в сознании обывателей трансформировалось в аббревиатуру и расшифровывалось: «Бастион Императора Павла». Правда, менее романтически на-

строенные современники расшифровывали аббревиатуру Бип иначе: «Большая Игрушка Павла».

Из списков военно-инженерного ведомства крепость Бип вычеркнули только после смерти императора Павла I.

29 апреля 1703 года русские войска под командованием Ф. М. Апраксина, находившиеся на левом берегу Невы, в районе современного Смольного монастыря, начали артиллерийский обстрел шведской крепости Ниеншанц на противоположном, правом берегу реки. История крепости началась в те стародавние времена, когда на древнем торговом пути «из варяг в греки» новгородцы построили сторожевой пост, вокруг которого возникло поселение под названием Канец. В 1300 году, как об этом свидетельствует Софийская летопись, этот сторожевой пост захватили шведы и переименовали в Ландскрону. В 1301 году сын Александра Невского Андрей отвоевал его у шведов, но через два с половиной столетия шведы вновь возвратили себе этот важный стратегический пост. Теперь они возвели здесь портовый город Ниен и крепость для его защиты – Ниеншанц. К началу XVIII века крепость представляла собой пятиугольное укрепление с бастионами и рavelинами, орудия которых контролировали всю панораму обоих невских берегов. В ночь на 1 мая

1703 года русские войска овладели Ниеншанцем. По одной из легенд, взятию крепости способствовал не то русский лазутчик, вошедший в доверие к шведам, не то некий швед, предавший своих соотечественников. Во всяком случае ворота крепости, едва к ним подошли русские солдаты, неожиданно распахнулись настежь. Буквально на следующий день Петр I, осмотрев местность вокруг крепости, признал ее непригодной для строительства нового города, а еще через несколько дней город, названный именем святого апостола Петра, был заложен на Заячьем острове в устье Невы, почти при самом впадении ее в Финский залив. Если верить фольклору, еще через пару дней Петр приказал сравнять Ниеншанц с землей, будто бы сказав при этом: «Чтобы шведского духа тут не было». Ныне о некогда неуязвимой шведской крепости напоминает бронзовый мемориал, повторяющий в миниатюре один из бастионов Ниеншанца с подлинными орудиями того времени.

Ниеншанц находился на Малой Охте, на территории современного Петрозавода. Некогда здесь рос древний дуб, который Петр I будто бы лично посадил на братской могиле воинов, погибших при взятии Ниеншанца. Ограда вокруг него была сделана из пушек, извлеченных со дна реки Охты. Легенда эта документального подтверждения не находит. Однако в старом Петербурге легенде настолько верили, что к 200-летию города была даже выпущена юбилейная почтовая открытка с изображением мемориального дуба и надписью: «Дуб Петра Великого, посаженный в 1704 году на Мал. Охте». Насколько нам известно, это единственное изображение старого дуба. Правда, многие утверждают, что петровский дуб давно погиб, а на его месте находится дуб более позднего происхождения, да, говорят, и надмогильного холма вообще будто бы никогда не было. Так ли это, автор не знает. Пусть дуб на территории исчезнувшей крепости Ниеншанц будет еще одной легендой нашего города.

Овеяны преданиями той давней поры и другие районы современного Петербурга. Принято считать, что топоним Парголово происходит от бывшей здесь старин-

ной деревни Паркола, название которой, в свою очередь, родилось от собственного финского имени Парко. Между тем петербургская фольклорная традиция считает, что название это связано с Северной войной и основателем Петербурга Петром I. Как известно, Парголово включала в себя три селения: Суздальская слобода, Малая Вологодская слобода и Большая Вологодская слобода. При Петре их стали называть Первым, Вторым и Третьим Парголово. По легенде, они получили свои названия оттого, что здесь трижды происходили жестокие сражения со шведами. Бились так, что ПАР из ГОЛОВ шел.

Но есть еще одно предание. Согласно ему во время одного из сражений Петр I якобы почувствовал себя плохо. У него так закружилась голова, что он не мог «мыслить и воображать». Тогда он собрал своих военачальников и признался: «У меня ПАР в ГОЛОВЕ». От этих слов и ведет-де Парголово свое непривычное для русского слуха название. Сохранилась в народе и более древняя легенда о том, что Парголово будто бы происходит от финского слова «пергана», что в переводе значит «черт». В старину эта местность была покрыта густыми лесами, которые «наводили на жителей суеверный страх». Говорили, что в непроходимых чащах водятся черты.

Между тем, несмотря на усиленные и чаще всего безнадежные попытки найти в топониме Парголово русские корни, мифология этого северного района Петербурга устойчиво сохраняет следы «инострannого» присутствия. Особенно заметны эти следы в арсенале городской фразеологии. Это и насмешливое прозвище: «Парголовский иностранец», и беззлобное ругательство: «Чухна парголовская», и формула легкого развлечения, приятного безделья: «Ехать в Африку, как будто в Парголово».

С 1870 года, после постройки Финляндской железной дороги, Парголово приобрело статус дачной местности. Популярность ее лесов и парков стремительно росла. Тогда же за Парголовом закрепилось устойчивые названия: «Чухонская», «Русская» или «Парголовская Швейцария».

С Северной войной связана и этимология названия Матисова острова. Этот небольшой остров, омываемый водами Мойки, Большой Невы и Пряжки, находится в устье реки Мойки. Ныне остров полностью занят производственными корпусами Адмиралтейского завода, но в начале XVIII века он был заселен отставными солдатами, среди которых жил в собственной слободке некий мельник Матис. Согласно одной из ранних петербургских легенд, во время Северной войны Матис неоднократно оказывал услуги Петру I, донося ему о действиях и перемещениях шведских войск, за что царь якобы выдал услужливому мельнику охранную грамоту на остров. Вот почему, утверждает легенда, остров и зовется Матисовым.

Северная война закончилась в 1721 году подписанием Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией. К тому времени Петербург прочно утвердился на невских берегах и слыл не только портовым городом и военной крепостью, как это первоначально задумывал Петр, но и общепризнанной столицей Российской империи, претендующей на равное положение в ряду других европейских столиц. И тут уместно вспомнить о пресловутом проществе, рождение которого фольклорная традиция связывает с именем первой жены Петра I Евдокией Лопухиной. Лопухина принадлежала к старинному боярскому роду. Она была дочерью окольного. Невестой Петра Лопухина стала исключительно благодаря выбору матери юного царя Натальи Кирилловны, которая надеялась, что обедневший, мелкопоместный, но многочисленный род Лопухиных будет ревностно стоять на страже интересов ее сына. Однако воспитанная в строгих семейных традициях московского дворянства Евдокия не могла примириться с бурной и энергичной жизнью своего мужа, с его постоянными отлучками из дому, с его любовью к широкому застольному веселью, со всей его деятельностью по преобразованию страны на иностранный лад. Да и сам Петр не смог полюбить данную ему матерью жену. Порою он ее просто не замечал, проводя дни

и ночи в обществе немецкой красавицы Анны Монс.

В 1698 году по требованию Петра Евдокия под именем монахини Елены была пострижена в Суздальском Покровском монастыре. Затем была переведена в Ладожско-Успенский монастырь, а при Екатерине I содержалась в Шлиссельбургской крепости. Только с воцарением на русском престоле ее внука императора Петра II Евдокию перевели в московский Новодевичий монастырь, где ей назначили большое содержание и оказывали царские почести.

Именно с ней петербургский городской фольклор связывает рождение знаменитого пророчества-поговорки «Быть Петербургу пусты» или, как говорили в XVIII веке,

«Санкт-Петербурху пустеет будет». Будто бы именно она, то ли пророча, то ли просто мечтая о том, что когда-нибудь Петр забросит свой «парадиз», который наконец-то погибнет, сгинет с лица земли, и вернется к ней, своей законной жене, обронила сгоряча эту опрометчивую фразу, тут же на лету подхваченную противниками петровских преобразований и умело превращенную в формулу неприятия новой столицы и вообще всех петровских нововведений. Понятно, что с абсолютной достоверностью авторство установить невозможно. По одной из легенд, эта знаменитая формула принадлежит царевичу Алексею Петровичу. Да это и не важно, тем более что сама формула носит откровенно выраженный

фольклорный характер. И в данном случае не имеет значения, сама ли Лопухина произнесла эту фразу, или она пробилась к бывшей царице сквозь толщу монастырских стен. Гораздо важнее тот факт, что слово, которым широко и умело пользуются на протяжении вот уже трехсот лет существования Петербурга, было найдено.

Впрочем, надо сказать, что уже тогда появилась другая крылатая фраза, авторство которой фольклор охотно приписал основателю морской столицы великой империи Петру I. Будто бы именно он однажды обронил фразу, подхваченную стоустой петербургской молвой и ставшую вскоре повсеместно известной поговоркой: «Петербургу быть, России – плыть!»

Источники фольклора:

- Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989.
 Архимандрит Августин (Никитин). Православный Петербург в записках иностранцев. СПб., 1995.
 Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997.
 Беспятовых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
 Валишевский К. Роман одной императрицы. М., 1989.
 Гиляровский В. Москва и москвичи. М., 1979.
 Гладуш Н. Т. Юханус – Иванов день // Невская заря. 1989. 27 июня.
 Горбачевич К., Хабло Е. Почему так названы? Л., 1962.
 Гусарова Е. В. «В память сего Ижерского места...» // Ленингр. панорама. 1988. № 10.
 Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1984.
 Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. 8.
 Исторические песни XVIII века. Л., 1971.
 Киреевский П. В. Песни. М., 1870. Т. 8.
 Кирпичников А. Каменный щит // Родина. 1997. № 7.
 Кокко В. Дети Столбовского мира // Пчела. 2000. № 26–27.
 Колесов В. В. Язык города. М., 1991.
 Криничная Н. А. Легенды. Предания. Бывальщины. М., 1989.
 Курбатов В. Я. Павловск. СПб., 1912.
 Курбатов В. Я. Петербург. СПб., 1913.
 Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990.
 Ленинград: Путеводитель. М.; Л., 1931.
 Ленинград: Путеводитель. Л., 1933.
 Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1959.
 Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. Л., 1989.
 Майнов Вл. Под столицей // Живописная Россия. СПб., 1993. Т. 1. Ч. 2: Санкт-Петербург.
 Михневич Вл. Окрестности Петербурга // Живописная Россия. Т. 1. Ч. 2: Санкт-Петербург.
 Овсянников Ю. М. Доменико Трезини. Л., 1988.
 Путеводитель по С.Петербургу. СПб., 1903.
 Путилов Б. Н. Петербург–Ленинград в устной традиции столетий; Синдаловский Н. А. Петербургский фольклор. СПб., 1994.
 Пушкарев И. И. Николаевский Петербург. СПб., 2000.
 Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889.
 Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1997.
 Свиныни П. Достопамятности С.-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1817.
 Семевский М. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. СПб., 1884.
 Сорокин П. Стремительная сеча. Невская битва: правда и вымысел // Родина. 1997. № 10.
 Спивак Д. Л. Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998.
 Старцев В. Зачем нужен Петербург // Петербургский Час пик. 2000. № 4.
 Тименчик Р. Д., Осповат А. Л. «Печальную повесть сохранить». М., 1985.
 Утков В. На берегу Невы // Ленингр. правда, 1991. № 131–132.
 Шерих Д. Ю. Петербург день за днем. Городской месяцеслов. СПб., 1998.

Кроме источников, перечисленных выше, при работе над очерком автор широко пользовался передачами радио и телевидения, самозаписью, а также фольклором, предоставленным ему близкими друзьями и просто хорошо знакомыми петербуржцами.

О чем поведала старая открытка

Н. В. Лаврентьев

В октябре 2002 года петербургскому трамваю исполнилось 95 лет. На праздничном параде были представлены все трамваи города – от старинных до самых современных. Там же продавали юбилейные наборы открыток с фотографиями трамваев и описанием их истории.

На одной из таких открыток изображен трамвай, выпускавшийся на заводе «Красный путилонец» (ныне – Кировский завод) с 1927 по 1933 год. Это были первые стальные вагоны типа МС-ПС – моторный стальной и прицепной стальной. До этого, в 1920-е годы, большинство трамваев были деревянными. Новые – «эмэски», как их прозвали пассажиры, открыли новую эру – эру трамваев стальных. Эти трамваи проработали в Ленинграде всю блокаду, они были легче деревянных, и изможденные люди при необходимости могли вытолкнуть поезд за пределы обесточенного участка. «Эмэски» обслуживали пассажиров до конца 1960-х годов, а затем были переоборудованы и до сих пор используются различными техническими службами.

Но меня в этом сюжете заинтересовало другое – на заднем плане открытки видна деревянная постройка, похожая на часовню, и указано, что фотография «сделана на Светлановской площади в 1959 году, которая сейчас выглядит совершенно по-иному». Маргарита Павловна Васильева, старожил нашего района, прожившая в Лесном всю свою жизнь начиная с 1930 года, рассказала, что трамвай, изображенный на открытке, отошел от остановки «Английский проспект» и движется к остановке «Клуб имени Орлова», такие названия здесь были с 1935 года.

Еще Маргарита Павловна рассказала о том, что за трамваем находился рынок, первое его название – «Колхозный». Впоследствии

Светлановская площадь в 1959 году.
Открытка. Фото Рей де Грут

он будет переименован в «Светлановский». С левой стороны стоял очень красивый домик из бревен, покрашенных в разные цвета – от желтого до темно-коричневого, а верх здания украшала похожая на колокольню крыша, поэтому сам домик напоминал теремок. В нем останавливались колхозники, привозившие свой товар на рынок. В разное время этот домик назывался по-разному: то чайная, то гостиница для колхозников. А вот страшной блокадной зимой он получил название эвакуопункт. Туда стали приносить, привозить на санках подобранных на улицах, снятых с трамваев, полуживых от голода людей. Потом трамваи перестали ходить... Они остановились по всему проспекту Энгельса до весны. Казалось, что жизнь замирает, но маленький домик на площади жил, согревая и возвращая к жизни ленинградцев. Из близлежащих домов сандружинницы привозили полуживых детей, которых здесь регистрировали, поили соевым молоком, одедали и отправляли на Большую Землю. Но Маргарита Павловна не помнит,

чтобы в этом здании располагалась часовня.

А вот другой старожил – Константин Васильевич Коржавин, который тоже прожил в Лесном всю жизнь, помнит, как в часовне жили монахини и изготавливали стеганные одеяла. Он также рассказал, что во время войны здесь размещался пункт по эвакуации. Для меня все это стало настоящим открытием, так как я не знал о существовании часовни на Светлановской площади.

И только осенью 2003 года по топографическому указателю в историко-церковной энциклопедии «Святые Санкт-Петербурга» (авторы В. В. Антонов и А. В. Кобак) я обнаружил сведения об этом здании на Светлановской площади.

Это оказалась часовня Божией Матери Утоли Моя Печали при подворье Арзамасского Новодевичьего Алексия Человека Божия женского монастыря Нижегородской епархии.

Арзамасский монастырь основан в 1634 году царем Михаилом Федоровичем. Через 130 лет он был упразднен, но монахи остались

жить при церковной обители. В 1813 году они образовали ядро новой общины, которая в 1881 году стала общежительным монастырем. По стране Арамаский Новодевичий монастырь славился также своей золотошвейной мастерской, изготовлявшей церковные облачения. Главной святыней монастыря была мироточивая икона Божией Матери Утоли Моя Печали. Это список, но тоже чтимый, имеющий свою историю.

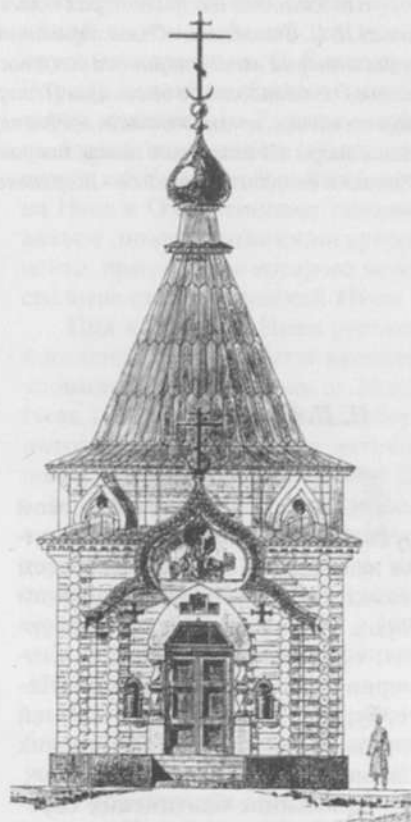
Сама Чудотворная икона Божией Матери, известная под именем Утоли Моя Печали, находится в Москве в церкви Святителя Николая, что на Пупышах. В Москву принесена эта икона казаками в 1640 году, во времена царя Алексея Михайловича. В церкви Николая Чудотворца хранились письменные свидетельства о чудотворениях иконы, но после чумы в 1771 году все свидетельства сгорели. Предание сохранило память о первом прославлении иконы, произошедшем во второй половине XVII века. Чудотворная сила этой иконы открылась по следующему событию: одна госпожа знатного рода, жившая далеко от Москвы, давно страдала расслаблением всего организма; помощь врачей оказалась бессильной, ее силы истощались. В этом беспомощном состоянии она лежала без сознания, и однажды явился ей в видении образ Божией Матери, от которого она услышала голос: «Вели везти себя в Москву; там, на Пупышеве, в церкви Святителя Николая, есть образ Божией Матери Утоли Моя Печали; молись перед ним – и получишь исцеление». Больная, все время бывшая без сознания, очнулась и почувствовала в себе новую жизнь. Рассказала домашним. Добрались до Москвы, отыскали Пупышево и внесли больную в церковь Николая Чудотворца. Она осмотрела все иконы, но не нашла той, которая являлась в ее видении. Сопровождавшие больную рассказали священнику обо всем случившемся с нею. Тогда священник приказал причетникам принести с колокольни все находившиеся там иконы Пресвятой Богородицы. Когда внесли икону Утоли Моя Печали, то она оказалась до того покрытою пылью, что с трудом можно было разглядеть

лик Богородицы. Но больная, давно уже от слабости не говорившая и не владевшая ни руками, ни ногами, вдруг вскрикнула: «Она! Она!» – и перекрестилась. А когда после молебна приложилась к иконе, то почувствовала в себе столько силы, что встала на ноги и без всякой помощи вышла из церкви и вернулась домой совершенно здоровой. Это чудо произошло 25 января, и с того времени в этот день отмечается праздник иконы Божией Матери Утоли Моя Печали.

В Санкт-Петербурге, в храме Вознесения Господня на Вознесенском проспекте, дом №34 а, угол канала Грибоедова (ныне не существует), находился список с чудотворной иконы Утоли Моя Печали. Эта древняя икона была привезена из Москвы в 1765 году 25 сентября купцом Роговиковым. В настоящее время местонахождение списка с чудотворной иконы не известно.

Осенью 1906 года в Лесном была освящена монастырская часовня, которую вскоре решено было расширить. 2 декабря 1915 года был утвержден проект новой часовни, составленный Альфредом Августовичем Бибером. В сентябре–октябре 1916 года деревянное шатровое здание было готово. Его освящение, однако, задержалось, и только 7/20 октября 1918 года было произведено иеромонахом Иерофеем.

В апреле 1920 года в часовне, при которой в это время жила одна монахиня и четыре послушницы, разрешено было служить литургии. Из закрытого монастыря сюда была перевезена чтимая икона. Дальше в книге написано: «Закрывается в 1930-е годы и во время войны разобрана; после войны на этом месте распланирована Светлановская площадь». Из другой книги – «Храмы Санкт-Петербурга. История и современность», автор С. С. Шульц, я узнал, что с декабря 1924 года часовня стала иосифлянкой*. Была закрыта 3 апреля 1930 года, здание передали под ленинский уголок ЖАКТа. Дата сноса неизвестна, в 1960-х годах здесь распланирована Светлановская площадь, но если на открытке 1959 года часовня еще видна, то, возможно, ее разобрали только во время строительства площади.

Часовня Божией Матери Утоли Моя Печали. Авторский проект

На картах 1912 и 1914 годов обозначено точное место нахождения часовни. По открытке и карте можно определить, что место, где должна стоять часовня, в настоящее время не застроено, и если вскрыть тротуар и провести изыскания, то, я думаю, можно обнаружить следы деревянного здания часовни. Я надеюсь, что в ближайшем будущем можно будет восстановить этот памятник архитектуры или хотя бы установить на этом месте памятный знак. В 105-й гимназии Выборгского района учащиеся подготовили такие проекты по установке памятного знака на месте часовни Божией Матери Утоли Моя Печали. Было бы хорошо восстановить часовню, ведь она бы так украсила Светлановскую площадь, застроенную в основном в стиле архитектуры 1950-х годов.

* Иосифляне (Стяжатели) – противоборствующее с Нестяжателями религиозное движение Русской православной церкви в 1930-х годах, ставившее своей целью приобретение земель и материальных ценностей для церкви.

В ближайших шести номерах нашего журнала за 2005 год заинтересованному читателю будут представлены главы из книги Н. П. Столбовой «Охта: традиции и современность», знакомящие с малоизвестными большинству горожан страницами истории этой старинной местности Петербурга. В течение года будет рассказано о поселениях, существовавших в устье Охты задолго до основания Петербурга, одном из первых предприятий города – Охтинском пороховом заводе, Военном поселении, организованном здесь в первой трети XIX века, квартировавшем на Охте 145-м Новочеркасском императора Александра III пехотном полку, исправительном заведении для малолетних преступников, Земледельческой колонии на Ржевке и дворянской усадьбе «Жерновка» на Охте.

Далекое прошлое охтинских берегов

Н. П. Столбова

«Окном в Европу» с легкой руки итальянского путешественника называют Петербург – совсем молодой по европейским меркам город. «При этом «идея Петербурга», «функция Петербурга»... безмерно древнее самого Санкт-Петербурга»¹, и связаны с историей государств и народов, населявших Европу задолго до его основания.

Завоевание балтийских берегов и основание Петербурга в 1703 году стало триумфом России, и самым важным делом петровского времени. Однако к этому триумфу Русь, потом Россия шла долго, и путь этот не был легким. История же земель, которые занимает сейчас Петербург, оказывается длиннее истории самого Петербурга, по крайней мере, лет на триста. В отстаивании же русских интересов в этом крае, его освоении немаловажную роль сыграли и земли, расположенные в устье Охты.

Населенное разрозненными финноугорскими племенами Приневье издревле привлекало энергичных в те далекие времена соседей: в VIII–IX веках одновременно с движением славян происходит проникновение в регион скандинавов. Тогда же в нижнем течении Волхова появляется Альдейгья – Ладога – Альдейгьюборг – город, связавший Северную Европу с континентом и дальше с Востоком и Византией. С образованием государства у славян Ладога, куда из северного «Варяжского моря» через Неву пришла дружина Рюрика – основателя династии русских князей, становится крупным для своего времени торговым центром. Здесь проходил арабский «серебряный путь», шла торговля

русская и европейская... С образованием Новгородской республики, занимавшей огромные территории, Новгород начал активно сотрудничать с Ганзой – союзом немецких городов, посредником в торговле на Балтике. В XIII–XIV веках ганзейские торговые дворы имели многие европейские города, основывается он и в Новгороде, который постепенно, разделяя их с Ладогой, обретал функции нового центра международной торговли.

Европейская эпоха крестовых походов открыла военное противостояние между Новгородской республикой, позже Московским государством, Российской империей и Швецией, которое закончится только в начале XIX века заключением Фридрихсгамского мира. Начиная с XII века шведы стремились завоевать Финляндию и Карелию, новгородцы вместе с коренным населением этих мест отстаивали свои интересы в крае. Воинственными карелами была даже сожжена в 1187 году древняя столица Швеции Сигтуна (Стокгольм будет основан ярлом Биргером в 1252 году).

В 1240 году новгородцы под предводительством князя Александра Ярославовича разбили шведов, вторгшихся в Неву. После этой победы князь вошел в историю как Александр Невский, а знаменитая битва в устье Ижоры – как Невская. Александр Невский, известный и своей дипломатической деятельностью, в начале XIV века был признан святым, а в XVI веке, при Иване Грозном, был канонизирован.

В XIII веке на побережье Балтийского моря и Финского залива стали появляться города-крепости,

обозначившие шведские интересы в регионе. 1229 год считается годом основания Або (сейчас Турку, в Южной Финляндии), в 1293 году, в ходе третьего крестового похода, шведами был основан Выборг. В этом же году они пытались завоевать Корелу (сейчас Приозерск), но были отброшены новгородцами и карелами.

«Видя, что шведское господство даже и над южной Финляндией не может быть прочно, доколе новгородцы будут иметь возможность тревожить этот край внезапными набегами, они решили овладеть Невою, поставив на ней шведскую крепость, чтобы не только преградить новгородцам доступ в Финляндию, но и саму морскую торговлю их подчинить влиянию Швеции. В мае месяце 1300 года двинулась в путь экспедиция, долженствовавшая нанести смертельный удар могуществу Новгорода»², – так писал русский историк А. И. Гиппинг о самом раннем из зафиксированных исторических событий, происходивших на берегах Охты, – основании шведами в 1300 году в устье Охты крепости Ландскрона.

Вот как рассказывает об основании и падении Ландскроны новгородский летописец: «Того же лета (1300 года) придоша из заморья свеи в силе велице в Неву, приведоша из своей земли мастера, из Великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невою, на усть Охты реки и утвердиша твердостью несказанною... нарекоша его Венец земли... был с ними наместник королев именов Маскалка... В лето 6809 (1301) приде князь великий Анд-

ги последней трети XVI века. Серединой XVI века датируются и обнаруженные в левобережье устья Охты захоронения, которые неизбежно должны были появиться вблизи культового сооружения, хотя не исключено и появление часовни вблизи захоронений: «...Остатки двух обследованных погребений были нарушены, судя по всему, еще в древности... Радиоуглеродная датировка костных материалов позволяет отнести их ко второй половине XVI в...»⁷.

В ходе Ливонской войны, которую вела Россия в 1558–1583 годах против Ливонии, Швеции, и Польши, были потеряны Ивангород, Ям, Копорье, Корела (они будут возвращены в 1595 году в войне со Швецией, но вновь утрачены в 1617 году).

Нашествие на Москву поляков вынудило Василия Шуйского подписать в 1609 году в Выборге договор о помощи со шведским королем Карлом IX. Шведские войска помогли изгнать поляков, но захватили Ижорскую землю, Великий Новгород и осадили Псков. В 1611 году шведы заложили в устье Охты, на месте некогда существовавшей Ландскроны, новую крепость – Нюенсканс (Новое укрепление, Ниеншанц). В таких условиях 27 февраля 1617 года в деревне Столбово на реке Сясь Россия подписала крайне невыгодный для себя мирный договор, по которому шведы становились полноправными хозяевами Приневского края, Россия же теряла Ижорскую землю и значительную часть Карелии. На завоеванные территории переселялись шведские и немецкие дворяне, получившие здесь землю; в связи с оттоком русских сюда переселяли финских крестьян.

Административным и экономическим центром Ингерманландии, так шведы называли Приневский край, стал Ниен, 17 июня 1632 года получивший статус города. Понимая стратегическую важность его освоения, жителям Ниена указом короля Густава II Адольфа назначались торговые и налоговые преимущества. Новые привилегии получили они от королевы Христины 28 сентября 1638 года, 20 сентября 1642 года и 31 августа 1646 года⁸, постепенно

становясь едва ли не самыми богатыми подданными шведской короны. В 1642 году Ниен уравнивается в правах с другими шведскими городами, получает самоуправление – магистрат и собственный герб с изображением на щите льва с воинственно поднятым мечом, стоящего на двух реках.

В Ниене, раскинувшись на правом берегу Охты, жили немцы, финны, шведы, торговать приезжали карела и ижора. Немало было и русских: после заключения мирного договора боярам, монахам и горожанам было разрешено выехать в Россию, крестьяне же и православные приходские священники обязаны были оставаться в Приневье. По Столбовскому мирному договору жители Ингерманландии получали свободу вероисповедания. Однако распространение лютеранства привело к насильственному обращению жителей некоторых областей, а также к притеснениям православных священников. Грамота царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича от 7 августа 1685 года шведскому королю Карлу XI «Об утеснениях в вере, каким подвергались православные в Кольвани, а также Карельской и Ижорской земле» требует «не чинить им насилия вопреки договорам»⁹.

Благодаря удобному положению, Ниен к концу XVII века превратился в достаточно крупный торговый центр и морской порт, где всегда было много моряков, особенно голландцев. В окрестностях города находились многочисленные деревни, оживленные дороги связывали его с Выборгом и Нотебургом. Русские называли крепость и город в устье Охты Ниеншанц – Шанец – Канец – Канцы. «Сам город Шанцы (Канец) по своей структуре занятости был очень пестрым. В книгах счетов и протокольных книгах суда за 1680–1690 годы упоминается около 200 различных званий, большинство из которых составляли ремесленники и торговцы...»¹⁰.

В городе было четыреста дворов, он имел ратушу, рынок, школы, комендантский и городской сады, госпиталь, острог, почтовый и постоялый дворы, две церкви – шведскую и немецкую... Фундамент последней обнаружил в 2000 году в ходе раскопок в районе Кон-

торской улицы Санкт-Петербургская археологическая экспедиция: «...судя по историческим картам, находкам и характеру кладки, открытые руины принадлежали немецкому храму города Ниена...»¹¹.

На левом берегу Чернавки – притока Охты располагался кафедральный собор города – шведская церковь, при которой была школа: «...школы епархии, особенно в Нарве, Ниене, Орешке, Копорье... снабжены... учителями, которые... обеспечены жалованьем и помещением лучше, чем прежде; ученики также умножились, часы уроков приведены в порядок, школьные суммы исправнее вносятся и вернее расходуются, экзамены происходят чаще и в лучшем порядке»¹².

В последние годы шведского правления Ингерманландия из-за неурожаев и эпидемий потеряла многих своих жителей. Оставшиеся в живых стремились убежать в Россию или Финляндию или любым способом добыть себе пропитание: «...в 1698 году среди 185 дел, рассмотренных в городском суде Ниена, 30 касались краж. Основной причиной краж, особенно пищи и зерна, был голод...»¹³.

Первая, неудачная, попытка возвращения приневских земель была предпринята еще в середине XVII века. В 1656 году, поддерживаемая европейскими державами, Россия нарушила мирный договор, и войска под предводительством Петра Потемкина вступили в Ингерманландию. Русские даже вынашивали планы нападения на Стокгольм, но война приняла позиционный характер и закончилась подписанием в 1661 году Кардисского мирного договора. Ингерманландия оставалась за Швецией, и шведское правительство признало необходимым укрепить Ниеншанц, разрушенный в ходе военных действий.

За основу приняли план, составленный Георгом фон Швенгелем в 1644 году. После перестройки 1660–1670 годов дерево-земляная крепость диаметром 250, толщиной стен около 20 и высотой 13 метров представляла собой пятиугольник с пятью бастионами. Они назывались Карлов – в честь шведского короля Карла X, Гельмфельтов – генерал-губернатора

Ингерманландии, Мельничный, Старый и Мертвый (по близлежащему кладбищу).

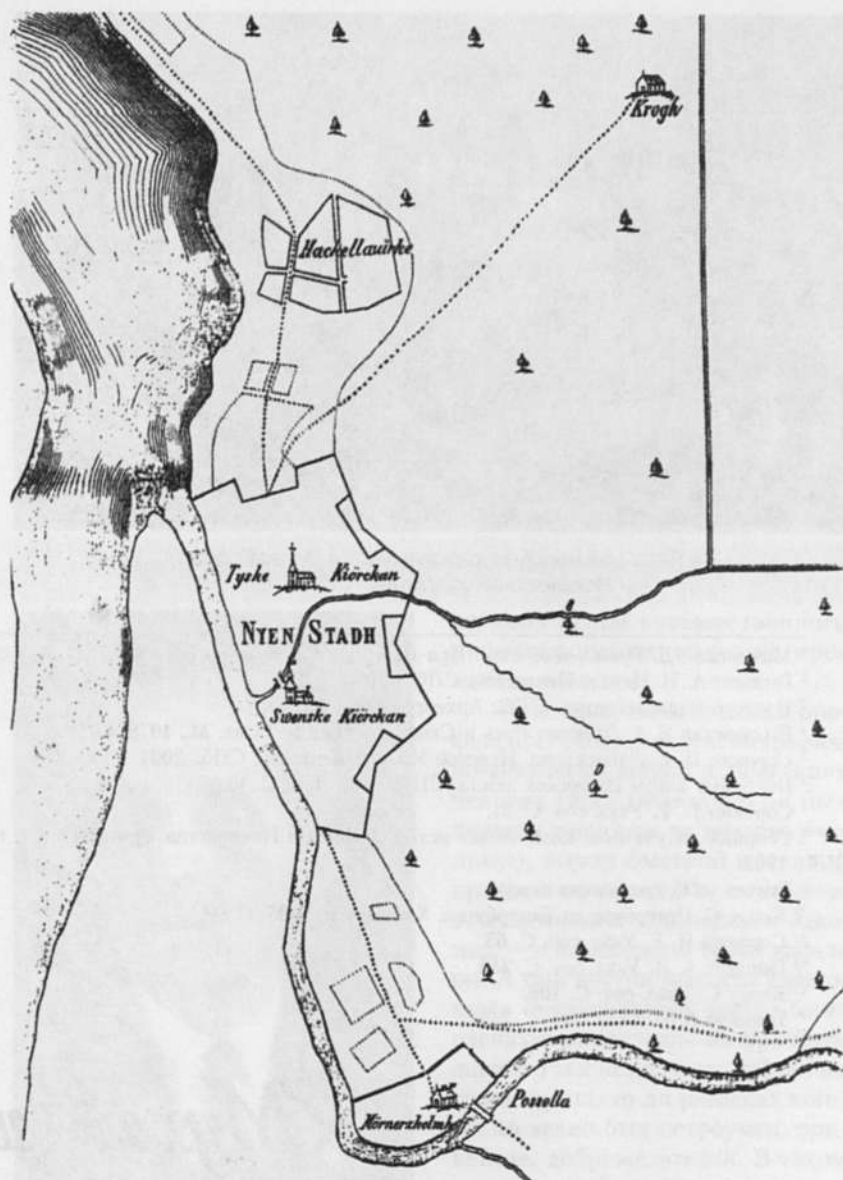
В 1675 году был предложен новый проект укрепления Ниеншанца, по которому город планировалось перенести на левый берег Охты под защиту крепости, но решение об укреплении Ниеншанца было принято только в 1699 году. Тогда стали строить редуты, но основные работы по переустройству крепости выполнены не были.

В 1700 году Петр I начал войну со Швецией за возвращение земель «отчич и дедич», которая получила название Северной. Несмотря на поражение в ноябре 1700 года под Нарвой, Ингерманландия подвергалась постоянным нападениям. В октябре 1702 года русскими войсками был взят Орешек (Нотебург), лежащий в истоке Невы. Тогда же комендант крепости Ниеншанц Иоганн Аполлов приказал сжечь Ниен, чтобы он не мог служить прикрытием при штурме, однако свое наступление войска Петра I отложили до весны.

25 апреля 1703 года русские подошли к устью Охты и осадили крепость Ниеншанц. В тот же день сюда прибыл и Петр I. Часть пути русских войск, проходившего по территории Малой Охты, назовут позднее Путем Петра Великого, а одну из улиц Малой Охты – Петровой дорогой.

«По прибытии своем, царь Петр немедленно овладел внешними укреплениями, возведенными за год впредь... Затем отрыты были траншеи и построены батареи... Все это было готово за пять дней, по истечении которых, вечером 30 апреля, началось бомбардирование. Комендант, не видя возможности более защищаться... решил сдаться на капитуляцию»¹⁴.

Согласно договору о капитуляции гарнизон вместе со своими семьями мог покинуть крепость. Шведы должны были выйти из крепости под барабанный бой, с приспущенными знаменами, при полном боевом вооружении и в сопровождении русского эскорта направиться в Нарву. Еще два раза, в 1704 и 1705 годах, они пытались овладеть полуразрушенной крепостью, но это были последние попытки шведов закрепиться на не-вских берегах.

План 1676 г. Ниен и владения президента К. Мернера. (Лаппо-Данилевский А. С. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником)

Поверженный Ниеншанц был переименован в Шлотбург, что голландски означает «город-замок». А Нотебург, взятие которого помогло открыть замок, закрывавший России выход к Балтийскому морю, – в «ключ-город» Шлиссельбург.

Шлотбург на Охте был лагерем русской армии и ставкой Петра I в течение первых недель после падения Ниеншанца. Именно оттуда, из Шлотбурга, отправлял Петр свои первые письма в Европу, там праздновал первую морскую победу – взятие шведских судов «Астрильд» и «Гедан» 7 мая 1703 года. Там же принималось решение о закладке новой крепости в устье

Невы и города, функции которого – вовлечение России в систему европейского сообщества, давно уже были определены его предшественниками.

Последняя русско-шведская война закончилась в 1809 году, и уже давно соседство России и Швеции является только мирным. В память общего прошлого, преемственности и проникновения культур в мае 2000 года на берегу Невы, рядом с мостом Петра Великого, был установлен памятный знак «Крепость Ниеншанц» (архитектор В. А. Реппо, концепция – П. Е. Сорокин). Территория бывшей шведской крепости в 1998 году была объявлена памятником

Петр I Великий на строительстве Петербурга.
Неизвестный художник. 1830-е гг.

археологии. С реконструированным же по картографическим материалам видом крепости Ниеншанц и города Ниена можно познаться сейчас в диораме нового музея «700 лет – Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц», открытого в мае 2003 года в бизнес-центре «Аскольд».

Как гласит предание, в первое десятилетие Петербурга Петр I в знак выхода России к четырем морям на месте разрушенного Ниеншанца посадил четыре мачтовых дерева. Сейчас внутри памятного знака «Крепость Ниеншанц» посажен молодой дуб, который символизирует собой триумф и славу России на балтийских берегах и напоминает о предыстории Петербурга.

¹ Мачинский Д. Русско-шведский Пра-Петербург. Шведы на берегах Невы: Сб. ст. Стокгольм, 1998. С. 9.

² Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. С. 105.

³ Новгородская летопись. СПб.: Археогр. комис., 1888.

⁴ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в 9–14 вв. М., 1978. С. 50.

⁵ Сорокин П. Е. Ландскрона. Невское Устье. Ниеншанц. СПб., 2001. С. 22.

⁶ Писцовые книги Ижорской земли. СПб., 1862. Т. 1. С. V.

⁷ Сорокин П. Е. Указ. соч. С. 31.

⁸ Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца, приложение к труду А. И. Гиппинга «Нева и Ниеншанц». СПб., 1909.

⁹ Там же. «Об утеснениях в вере...»

¹⁰ Кепсу С. Петербург до Петербурга. Хельсинки, 1995. С. 93.

¹¹ Сорокин П. Е. Указ. соч. С. 65.

¹² Гиппинг А. И. Указ. соч. С. 248.

¹³ Кепсу С. Указ. соч. С. 106.

¹⁴ Гиппинг А. И. Указ. соч. С. 249.

«Муха» шестидесятых

О. Р. Ницман

«Накатила волна воспоминаний»... Вот такой расхожей фразой решил я воспользоваться, начиная эту статью. На воспоминания меня толкнули два обстоятельства. Первое: в нашем журнале (осмеливаюсь назвать его «нашим», так как уже публиковался в нем) прочитал интересный материал о музее барона Штиглица в здании, где с 1945 года располагается Художественно-промышленная академия, бывшее Ленинградское высшее художественно-промышленное училище (ЛВХПУ) имени В. И. Мухомовой). Второе обстоятельство – личного характера: в этой «Мухе», в этом славном учебном заведении я учился и окончил его в 1965 году,

получив диплом художника-конструктора.

И вот теперь я намерен рассказать о некоторых представителях замечательной плеяды преподавателей и организаторов ЛВХПУ, воссоздавших училище в трудное послевоенное время. Не должны быть забыты эти люди, ибо они стояли «у истоков». До сих пор, насколько мне известно, никто из моих коллег-однокашников того времени не рассказывал в печати о наших преподавателях, о работниках кафедр, о ректоре училища. Стало быть, такая задача ложится на меня.

В начале 60-х годов прошлого века (как стремительно летит вре-

мя, еще совсем недавно слова «прошлый век» означали век девятнадцатый!) по распоряжениям правительства в нашу советскую промышленность начали внедрять новую науку «техническую эстетику» и ее метод – «художественное конструирование» (дизайн). На предприятиях создавались отделы дизайна. В связи с этим ожидалось резкое повышение качества отечественной продукции и ее конкурентоспособности. Срочно понадобились квалифицированные специалисты для таких отделов. И вот в ЛВХПУ на кафедре «металла» (позднее – кафедра промышленного искусства) открылось вечернее отделение, на которое принима-

лись лица с законченным высшим техническим образованием, склонные к изобразительным искусствам, а проще говоря – как-то умеющие рисовать и писать красками.

После окончания технического вуза я уже в течение пяти лет работал конструктором на прославленном ГОМЗе. Я «любил рисовать» и, понятно, сразу откликнулся на предложение поступить в училище. Пошел сдавать экзамены по рисунку и живописи. Ни по каким другим дисциплинам нам, поступающим, экзаменоваться не требовалось. Нам «автоматом» засчитали предметы, которые мы изучали в технических вузах, в том числе и обязательную науку ОМЛ – основы марксизма-ленинизма. Из прошедших по конкурсу (3–4 человека на место) сформировали две группы по 20 человек в каждой. Нас рассчитывали обучать четыре года, причем только художественным дисциплинам – рисунку, живописи, цветоведению, лепке, основам архитектурных знаний, теории композиции и чуть-чуть истории искусств...

Началась наша учеба в великолепном здании бывшего Училища технического рисования барона Штиглица – здании, выстроенном архитектором Месмахером. Первый шаг в вестибюль – и уже восторг и благоговение! И затем все четыре года были и восторг, и непреходящее благоговение перед красотой. О, эти чудные залы и коридоры с колоннами и пилястрами! О, эти росписи стен, эти сводчатые потолки, арки, витые лестницы, скульптуры в нишах и барельефы!.. Нет, нужно там побывать, читать. Связно и толково рассказать обо всем невозможно. Все – неопишимо прекрасно, запоминается на всю жизнь и питает непреходящую ностальгию по прошедшим временам.

Повторюсь: учеба началась, и мы встречались с преподавателями. Это были замечательные люди! Увы, никого из них сегодня уже нет в живых.

Кафедру промышленного искусства возглавлял архитектор, профессор Иосиф Александрович Вакс. Рисунку описать этого человека, чьи не очень сильные плечи подняли-таки в 1945 году на должную высоту бывшее «штиглицев-

Здание ЛВПХУ (Художественно-промышленной академии)

И. А. Вакс (1899–1986), профессор, завкафедрой промышленного искусства

ское» училище. Огромными усилиями И. А. Вакса (он был и первым ректором) и его сподвижников оно было воссоздано, можно сказать, родилось заново.

Правда, нужно отметить, что «дизайнерский» профиль училища различался в те далекие годы еще очень смутно: учебное заведение по возрожденной традиции готовило художников-прикладников ремесленного толка – скульпторов, керамистов, мебельщиков, специалистов художественного стекла, реставраторов. Но постепенно, понемногу кафедра И. А. Вакса перестраивалась в сторону препо-

давания основ художественного проектирования изделий промышленности...

Итак, продолжаю о нашем профессоре. Иосиф Александрович, по-юношески легкий в движениях человек (шла молва, что он был лучшим танцором на вечерах училища), всегда быстрой походкой пролетал по коридорам и галереям от аудитории к аудитории, и наконец, – к помещению своей кафедры. А там, внутри комнаты с высокими окнами (дверь всегда была распахнута настежь, из происходившего там не делалось тайны) он то ли шутил, то ли распекал кого-то, но вечно был остроумен, приветлив, доброжелателен. В таком же стиле и в быстром темпе он проводил обходы студенческих проектов, почти не задерживаясь у каждой доски, мгновенно решая, какую оценку следует поставить; ничтоже сумняшеся, жирным толстым карандашом безжалостно перечеркивал заведомо «двоячный» проект, при этом довольно громко шмыгая своим чутким, с горбинкой, носом, и быстро, как метеор, удалялся по другим важным делам. Секретарь кафедры Лидия Афанасьевна Николаева – добросовестнейшая женщина, беспокойная и добрая мать всех студентов, боготворившая своего патрона, – едва успевала за ним, проставляя оценки в журнал.

Иосиф Александрович Вакс считался (да и был на самом деле!) отцом отечественного и в особенности ленинградского дизайна. Правда, тогда в ходу был термин

«художественное конструирование», а иностранное слово «дизайн» только-только пробивало себе дорогу и пока произносилось не очень уверенно, осторожно, с опасением, что вас тут же обвинят в «выпендривании». И. А. Вакс написал книжку «Художник в промышленности». Это было как раз «на злобу дня». И книга сделалась нашим букварем. Ее зачитывали до дыр, делая пометки на полях, подчеркивая отдельные слова и выражения, принимая их за аксиомы, за некие догматы. В 1975 году к тридцатилетнему юбилею ЛВХПУ была выпущена еще и книжка-проспект об отечественном дизайне, кадры для которого «ковало» главным образом ЛВХПУ и именно под руководством И. А. Вакса. Мы все приобрели такие книжки, а наш завкафедрой ставил на них автографы, посмеиваясь и приговаривая: «Вспомнишь потом, что я был жив в этом году». И. А. Вакс ушел из жизни в восемьдесят шестом... В нашей памяти – выпускников потока «дизайнеров-инженеров», как нас тогда называли, – он останется навсегда.

На кафедре работал и профессор Леонид Сергеевич Катонин, один из представителей известной семьи петербургских-ленинградских архитекторов. Этот человек являл собой полную противоположность И. А. Ваксу. Очень солид-

ный, внушительной комплекции, он любил валяжно устроиться в глубоком «катонинском» кресле, напротив всегда открытой двери, глядел в перспективу галереи Молодежного зала (теперь это Большой выставочный зал) или будто бы чуть-чуть дремал (разумеется, в свободные от занятий со студентами часы). Но когда издали доносился стук по кафелю каблучков приближающейся студентки, Леонид Сергеевич оживлялся, выбирался из кресла, направлялся навстречу стройной девушке, обворожительно улыбался, играя густочерными бровями (при снежной белизне плотной шевелюры!), и непременно заводил остроумнейший и содержательный разговор. Излюбленным жестом Леонида Сергеевича было растягивание с помощью указательного пальца будто бы слишком тесного, сжимавшего шею воротничка накрахмаленной рубашки. При этом в разные стороны поворачивалась его голова и с невозмутимым выражением лица, как бы мимоходом, изрекалась меткая острота, от которой окружающие валились с ног от смеха и которую впоследствии как анекдот передавали из уст в уста. На хорошие оценки нашим проектам добрый Леонид Сергеевич Катонин был куда более щедр, чем завкафедрой.

Добрый и покладистый для нас – дипломированных инженеров и при этом иногда склонных поерничать над не совсем научной терминологией наших преподавателей-архитекторов – был доцент Николай Николаевич Устинов, тоже архитектор по профессии. Очень деликатно, мягко, бережно, как бы приглашая в равноправные советчики автора, он критиковал и поправлял наши учебные проекты, во многом еще наивные и незрелые. Ведь мы тогда делали лишь первые шаги в искусстве. Н. Н. Устинов преподавал у нас только на первом курсе, научив на практике основам теории художественной композиции – одной из важнейших дисциплин дизайна.

После того как мы с помощью Николая Николаевича Устинова вполне освоились в закономерностях композиции и практически научились их применять в учебных упражнениях, за наше обучение

Н. Н. Устинов (1910–1979),
доцент кафедры
промышленного искусства

собственно промышленному дизайну взялась преподаватель Виктория Александровна Сурина. Эта чрезвычайно милая и доброжелательная женщина, сама недавняя выпускница ЛВХПУ, оказалась почти нашей ровесницей. За глаза мы, конечно, называли ее Викою. Но никакого панибратства с ней мы позволить себе не могли даже в мыслях.

Виктория Александровна всегда оставалась для нас непререка-

А. С. Катонин (1908–1976),
профессор кафедры
промышленного искусства

В. А. Сурина (1930–2000),
профессор, завкафедрой
информационного дизайна

мым авторитетом. Она многому нас научила. Мы получили доступ к иностранным журналам по дизайну, откуда черпали оригинальные идеи, впоследствии переработанные и воплощенные нами в отечественных промышленных образцах; она привила нам умение быстрого и броского эскизирования – очень важную составляющую арсенала изобразительных средств художника-конструктора; благодаря Виктории Александровне Суриной мы отошли от унылых цветовых решений наших проектов в сторону целесообразной цветовой выразительности. Словом, мы из инженеров-рационалистов, скованных в творчестве разными техническими условиями и стандартами, вошедшими в нашу плоть и кровь, преобразились в проектировщиков, мыслящих в первую очередь художественными категориями.

На две наши группы возлагались надежды как на специалистов первой волны профессиональных художников-конструкторов, в которых тогда нуждалась промышленность. Поэтому особенный интерес к нам проявлял тогдашний ректор училища, видный ленинградский архитектор Яков Николаевич Лукин (первое, что приходит на память из его работ, это осуществленный проект реконструкции Финляндского вокзала в нашем городе).

Яков Николаевич частенько заглядывал к нам на занятия. Его громкий голос слышался еще на подходе к мастерской-аудитории, где мы трудились над курсовыми проектами или рисовали гипсовые слепки с античных скульптур, а позже и обнаженную натуру. Услышав рокочущий голос приближающегося ректора, мы невольно как-то внутренне и внешне подбирались, и будто бы становились вновь послушными и несмышленими школярами. Вот отворяется дверь, и в сопровождении кого-либо из преподавателей, а иногда и незнакомого гостя, входит высокий, очень импозантный человек, ну прямо Зевс-Громовержец. Одевался наш ректор весьма «демократично», порой даже несколько богемно. Нам импонировали его

Я. Н. Лукин (1909–1996),
ректор ЛВХПУ

свободные вельветовые блузы (традиционные у художников) и ботинки – то ли альпиниста, то ли военные, на манер американских... Вот ректор подходит к кому-то из студентов, через выпуклые очки оглядывает его с ног до головы, как бы изучая, и мощным сочным голосом, чтобы слышали и все остальные, спрашивает, указывая на проект или рисунок: «А это что за штукавина такая?» Да, не любил Яков Николаевич «научнообразных» терминов.

По окончании курса обучения, на выпускном собрании, устроенном в актовом зале с великолепными резными дубовыми панелями по стенам, Я. Н. Лукин в своем напутствии призвал нас быть верными традициям «нашей мухинской школы», помнить, что мы не только лишь дизайнеры-проектировщики, но еще и художники, и почаще брать в руки карандаш, кисть, чтобы «в две-три краски» запечатлеть на бумаге или холсте понравившийся архитектурный фрагмент, уголок природы или небесную игру облаков...

Когда я занялся добыванием иллюстративных материалов к этой статье, меня послали в архив Художественно-промышленной

академии. Там мне довелось познакомиться со специалистом из числа тех, с кем в годы нашей учебы мы никак не соприкасались, кто был как бы за сценой, за кулисами представления. Это работник архива Валентина Андреевна Коробкина. Из разговора с ней я узнал, что она 40 лет добросовестно систематизировала и приводила в порядок материалы архива, а также пополняла его. Число только фотографий всех работников ЛВХПУ и студенческих курсовых и дипломных работ превысило 45 тысяч! И все это рассортировано по папкам, ящикам, коробкам, снабжено обозначениями, датами. Любую единицу архивного хранения теперь, при необходимости, нетрудно довольно скоро отыскать. До работы в ЛВХПУ Валентина Андреевна участвовала в Великой Отечественной войне – служила в Черноморском флоте, в Новороссийске. Она уже в преклонных годах, но память ее нисколько не потускнела, и когда мы перебирали фотографии ушедших из жизни, о каждом человеке – преподавателе, работнике кафедры, снабженце, техническом специалисте – она говорила очень дружески, иногда почти ласково, с милыми прозвищами, сообщая интересные биографические подробности...

Стремительно проносятся события нынешнего времени. Нелегко поспевать за ними. Только прошлое уже неизменно, неподвижно и никуда не спешит, разве что понемногу все дальше уходит «в прошлое». Все же, не боясь опоздать, можно спокойно и обстоятельно разобраться в нем. И воспоминания мои могли бы продолжаться еще сколь угодно долго. Но им все-таки есть разумный предел – это рамки, определяемые нашим журналом.

Фотографии предоставлены архивом Художественно-промышленной академии и завкафедрой графического дизайна В. С. Муравьевым-Амурским.

Дуб Вашингтона на Царицыном острове в Петергофе

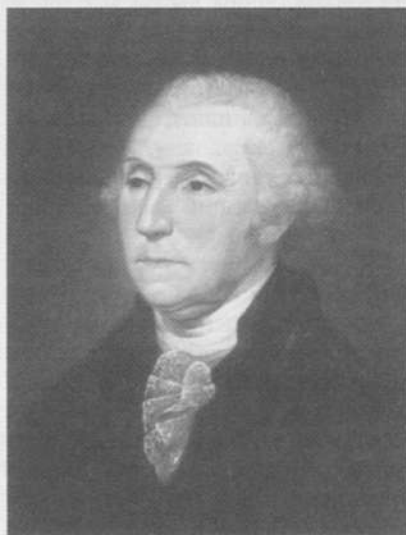
И. О. Пащинская

Дерево-тотем, мировое дерево, древо познания, жизни, желанья, майское дерево, шаманское древо – мировая культура знает множество подобных мифологических представлений. Традиция почитания мемориальных деревьев насчитывает столетия и продолжается в наши дни. Возможно, она связана с древними представлениями европейцев о душах предков, живущих в ветвях, листьях и цветах деревьев.

Деревья приобретают мемориальный характер, когда их сажают знаменитые люди. В Спасском-Лутовинове растет Тургеневский дуб. В Маунт-Верноне (США), в поместье Дж. Вашингтона, почитается тополь, посаженный первым президентом Соединенных Штатов. В Петербурге жива память о дубах, по преданию посаженных Петром Великим – на Каменном острове, на могиле русских солдат в крепости Ниеншанц, около двorca Марли в Нижнем парке Петергофа. Предания же связывают дубы в Монплези́рском саду с Екатериной II, которая посадила желудь в день рождения сына Павла, а через год этому примеру последовали ее придворные дамы. Традицию посадки мемориальных деревьев в Петергофе продолжил император Николай I. В 1835 году он приказал посадить у Коттеджа желуди, собранные с «Королевского дуба» близ Мемеля. Директор мемельской торговой полиции, приславший желуди в Петергоф, сопроводил их свидетельством, что они именно с этого знаменитого дуба. В Мемеле в 1807 году жили прусский король Фридрих Вильгельм III и королева Луиза, вынужденные покинуть Берлин, а затем и Кенигсберг во время войны Пруссии с наполеоновской Францией. В семье Александры Федоровны

этот «Королевский дуб» был связан с памятью о матери, королеве Луизе, скончавшейся в 1810 году¹. Память о ней бережно и нежно сохранялась ее детьми.

Деревья получают имена исторических деятелей, когда рядом с ними происходят запомнившиеся современникам события. Клен Дж. Вашингтона в Вайт-Плейнсе зарегистрирован как историческое дерево и почитается в США, потому что стоит рядом с домом, где располагался штаб генерала во время битв в 1876 и 1878 годах. В США растет ореховое дерево Дж. Вашингтона в Маплеуде.

Джордж Вашингтон.
Художник Ч. В. Пил. 1795 г.

К кольцу, вкрученному в него, привязывал коня генерал, гостивший у хозяев поместья. Пушкинским тбилисцы называют платан, растущий в центре города. Липы Вольтера росли в саду Марли в Потсдаме, под Берлином. Имя Наполеона носил лавр на острове Изола Бела на озере Маджоре в Северной Италии. На нем, как говорит предание, император сделал

надпись «Battaglia» перед битвой при Маренго. С именем Петра Великого была связана могучая липа в Стрельне, на ветвях которой царь устраивал чаепития².

В русских усадьбах в XIX веке существовали мемориальные рощи, где деревья носили имена членов семьи и близких друзей³. В имении Фалль шумела роща, деревья в которой сажали члены российской императорской семьи, посещавшие имение, начиная с Николая I. В ней росли, например, береза Николая I и каштан Марии Федоровны⁴.

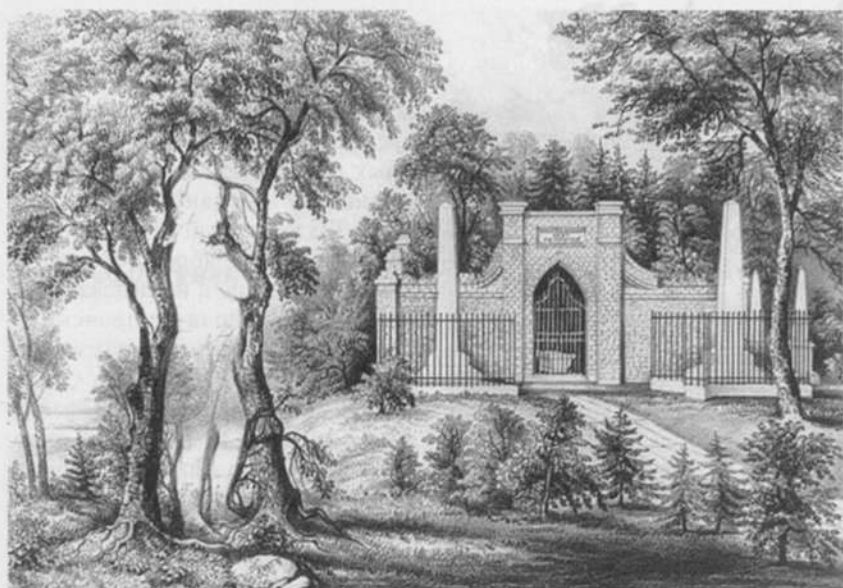
В ряду этих и многих других мемориальных деревьев особое место занимает дуб Вашингтона в Петергофе, на Царицыном острове Ольгиного пруда.

Его появление в летней резиденции императоров России связано с подарком, который был преподнесен Николаю I, – желудем с дуба, который рос у могилы Вашингтона в его поместье в Маунт-Верноне.

Дубок, выращенный из этого желудя, император высадил на Царицыном острове. Сам остров и павильон на нем появились в Петергофе в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века на месте бывшего «охотничьего» болота. Именно по желанию Николая I болото было углублено, на его месте создан пруд с двумя островами. Один в честь императрицы получил название Царицын, другой – в честь дочери императора – Ольгин. На островах были сооружены павильоны по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера и разбиты сады.

Об истории дуба Вашингтона в Петергофе свидетельствуют многочисленные источники: описания Петергофа, воспоминания современников, планы Царицына острова, описи дворцового имущества.

Могила Дж. Вашингтона в Маунт-Верноне. Литография. Около 1876 г.

Этот дуб всегда был выделен посаженными вокруг него цветами, окруженными позолоченной цветочной корзиной, на его ветвях висела памятная табличка.

В «Описании Петергофа» А. Гейрот, работавший в Петергофском дворцовом правлении с 1848 года, отметил, что «при входе на Царицын остров нельзя не заметить красивый молодой дуб, с надписью на бронзовой дощечке: «Вложенный желудь снят с дуба, осеняющего могилу незабвенного Вашингтона, и поднесен в знак величайшего уважения Его Величеству Императору Всероссийскому. Американцы». А. Гейрот замечает, что это «та же надпись, которая была на пакете с дубовым желудем, поднесенным Американцами государю императору». Далее он говорит о том, что «дубовый желудь этот посажен был императором Николаем I в 1842 году. Со смертью императора вокруг разросшегося из желудя дуба устанавливается ежегодно летом золоченая корзина с незабудками»⁵.

М. И. Пыляев в своей работе, посвященной окрестностям Петербурга, воспроизвел слова А. Гейрота о знаменитом дереве⁶.

М. Измайлов в «Дополнении к описанию г-на Гейрота Петергофа 1868 г.» написал: «[Николай I] приказал заведовавшему всею садовою частью Петру Ивановичу Эрлеру посадить [желудь] в оранжерею и по приезде Своём в Петергоф представлять Его Величе-

Император Николай I. 1852 г.

ству для осмотра постоянного его роста, переходя из горшка в горшок, дубок пересажен в кадку и когда потребовалось для него раздолье, Сам своеручно посадил его, любовался его величественным ростом»⁷. Он добавляет, что металлическую золоченую садовую корзину приказала устроить в 1855 году после смерти Николая I императрица Александра Федоровна, и по ее желанию в ней высаживали незабудки, окаймляя их темными цветами.

Александра Федоровна, урожденная прусская принцесса Шарлотта, принесла в Россию утонченный германский культ цветов, священный и со средневековыми традициями, и с традициями романтизма и бидемайера. Выбор цветов не был случайным. Незабудка у

немцев – цветок памяти и верности, символ любви супругов. Темные цветы, обрамлявшие цветочную корзину, о которых упоминает М. Измайлов, судя по всему – анютины глазки. В цветочной символике средневековой Европы анютины глазки имели значение незабудок, ими было принято обрамлять портреты близких людей и дарить друг другу свои портреты, помещенные в увеличенном изображении этого цветка.

Так, в парке усадьбы Знаменка близ Петергофа, вокруг памятника Александре Федоровне, по желанию ее сына великого князя Николая Николаевича, всегда росли незабудки и анютины глазки⁸.

*Они без пышного сияния;
Едва приметны красотой:
Один есть цвет воспоминания,
Сердечной думы цвет другой.
О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца – упование
На лучший, неизменный свет! –*

так написал об этих цветах В. А. Жуковский, стихи которого часто могут служить объяснением чувств и мыслей императрицы, настолько они были им созвучны.

Императрица Александра Федоровна. 1960 г.

Цветы подчеркивали особое значение, которое имело это дерево для членов семьи Николая Павловича.

О знаменитом дереве упоминается и в других источниках. Так, к нему привезли посетивших Петергоф в 1866 году офицеров –

членов американской делегации, которую возглавлял помощник государственного секретаря по морскому департаменту Фокс. Представление членов этого посольства состоялось в Петергофе 27 июля 1866 года. О прогулке офицеров эскадры В. В. Тимошук в статье «Американское посольство в России в 1866 г.» пишет следующее: при посещении Царицына острова американцам показали дуб, выросший из желудя, взятого с дуба, осеменяющего могилу Вашингтона. «С благоговением окружили офицеры юное деревцо, и каждый из них сорвал с него листочек, в память того, как почитается в России имя великого основателя американской республики»⁹.

Как любезно сообщила нам Мари Т. Томсон, специалист-исследователь из Маунт-Вернона, по приведенным в книге суперинтенданта Маунт-Вернона Х. Х. Доджа сведениям, в 1893 году великий князь Александр¹⁰ посетил Маунт Вернон и интересовался дубом, желуди которого были высажены в Петергофе. По его словам, из них в Петергофе выросло красивое дерево¹¹.

Бронзовая табличка на дубе висела до войны. Писатель Алексей Иванович Пантелеев в своих записных книжках 1924–1947 годов зафиксировал текст с нее¹². И в музейной описи Царицына павильона 1926 года под № 399 упоминается «Бронзовая плакетка с надписью на русском и немецком языках о желуде, присланном с могилы Ва-

Дуб Вашингтона на Царицыном острове. 2004 г. Фото автора.

шингтона, подарок Николаю I, на медной цепи»¹³. Немецкий язык надписи, так же как и русский, по видимому, был перенесен с пакета. На плане Царицына острова архитектора А. Семенова, выполненном в 1897 году, отмечена круглая клумба направо от парома, на небольшой поляне, окруженной деревьями¹⁴. Это единственная цветочная клумба в пейзажной части сада на острове, и ее местоположение совпадает с описанием М. Измайловым места произрастания дуба – в нескольких саженях направо от парома, в куртине, обсаженной другими деревьями¹⁵.

Кто преподнес пакет с желудями императору? Ответ на этот вопрос не дают камер-фурьерские журналы, не обнаружено пока сведений об этом и в других архивных документах. Был ли это американский посланник в России Ч. С. Тодд, который представлялся императору в ноябре 1841 года?¹⁶ Наше обращение к исследователям из Маунт-Вернона не прояснило этот вопрос. Поиски продолжают-ся. Есть и другие вопросы.

Почему именно дуб, связанный с именем Вашингтона, стал предметом заботливого внимания императора Николая I? Почему императрица Александра Федоровна сделала именно это дерево объектом почитания в память о супруге? Связано ли это только с тем, что император сам высаживал этот дуб и тщательно заботился о нем? Что значил Дж. Вашингтон для русского императора?

Дуб и сейчас растет на острове. Сохранилась позолоченная корзина, окружавшая клумбу. Скоро вокруг дуба снова зацветут цветы. Знаменитое дерево, как и прежде, будет напоминать о генерале и первом президенте США, об истории российско-американских связей, о Николае I – русском самодержце, об Александре Федоровне – любящей женщине, нежно хранящей память об ушедшем супруге.

Под своей кроной дуб объединяет память о людях столь далеких и разных стран.

¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 849. Л. 1, 3. Это единственное известное нам свидетельство не дает возможности узнать, выросли ли дубы из этих желудей. Но сам факт их посадки у Коттеджа интересен для понимания отношения членов семьи императора к мемориальным деревьям.

² Традиция чаепитий в Стрельне «под липой» сохранялась в царской семье до середины XIX века.

³ См. например: Агамалия А. Г. Сад мызы Приютитно // Русская усадьба. М., 2002. Вып. 8. (24). С. 117.

⁴ См. подробнее: Волконский С. М. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 11, 13.

⁵ Гейрот А. Описание Петергофа 1501–1868. Петергоф, 1868. С. 98–99.

⁶ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1994. С. 372.

⁷ Архив ГМЗ «Петергоф». Р-32. С. 39–39 об.

⁸ Prinz Roman Romanov. Am Hof des letzten Zaren. München; Zürich. 1991. S. 16.

⁹ Тимошук В. В. Американское посольство в России в 1866 г. // Русская старина. 1877. № 1. С. 54.

¹⁰ Речь идет о великом князе Александре Михайловиче (1866–1833), внуке Николая I, посетившем США летом 1893 г.

¹¹ Мари Т. Томсон сообщила нам эти сведения, ссылаясь на книгу Harrison Howell Dodge. Mount Vernon: Its Owner and Its Story, edited and arranged by Edwin Baternan Morris, with introduction by Owen Wister. Philadelphia, Pennsylvania, and London, 1932. P. 102–103.

¹² Пантелеев А. И. Собрание сочинений в четырех томах. Л., 1984. Т. 4.

¹³ Архив ГМЗ «Петергоф». Оп. 480. Л. 110 об. Также эта табличка занесена и в опись 1938 г. под № 404.

¹⁴ Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 568 ар.

¹⁵ Там же. Р-32. С. 39–39 об.

¹⁶ О нем: Курилла И. И. Чарльз Стюарт Тодд – американский посланник в России (1841–1846) // Русское открытие Америки. М., 2002. С. 267–279.

Как возродилось имя Петербурга.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

В. Ф. Пятинин

12 июня 1991 года был проведен общегородской опрос. В нем принимало участие 65% граждан, внесенных в списки для голосования. За Санкт-Петербург проголосовало 54,8%, за Ленинград – 42,8%. 2,46% не выразили своего отношения при голосовании.

Много споров было вокруг даты проведения праздника «Виват Санкт-Петербург», который посвящен возвращению городу его первоначального исторического имени – 7 ноября 1991 года. 74 года в этот день праздновали победу Октябрьской революции, а теперь вот решили заменить. «Торжество» Святого Петра над социалистической революцией?! Много было сторонников, чтобы праздник проводить в День рождения города (27 мая). Но мэр города Анатолий Собчак решил твердо – собрать в один день демократов, коммунистов, монархистов и других сторонников политических движений, именно 7 ноября. Зачем? Вероятно, чтобы мы все осознали недопустимую нетерпимость субъективной «правды» любого политического движения. Помитинговали, прокричали свои идеи с чувством собственного превосходства, и – пошли праздновать, каждый свой личный, праздник. Так умно был выпущен пар, который изрядно уже накопился к этому времени.

В январе–сентябре 1991 года в Санкт-Петербурге и Ленинградской области продолжали обостряться кризисные явления в экономике, резко усилились инфляционные процессы.

Сократилось производство товаров народного потребления и продовольствия. Происходило дальнейшее наращивание цен на все товары. Падало и сокращалось промышленное производство. Значительный рост денежных доходов населения при одновременном

Продуктовые талоны. 1991 г.*

спаде производства и всеобщем товарном дефиците привел к дальнейшему снижению покупательной способности рубля и расстройству денежного обращения. Были введены талоны на продовольствие... Преступность в городе росла. Так, по данным главного управления внутренних дел Лен-облгорисполкомов, за 9 месяцев 1991 года зарегистрировано 47,1 тысячи преступлений. Из них: 6,3 тысячи краж государственного имущества, 20,3 тысячи краж личного имущества граждан. Совершено 275 убийств...

***

Разговор в очереди:
– Жрать нечего, а они, сволочи, праздник устраивают!

– Дорогой мой, жрут – только свиньи, а люди кушать должны...

– А все равно, есть нечего, а они имя какое-то никому не нужное возвращают...

Валерий Намятов (приезжий бизнесмен):

– Часто слышу, что, мол, предадут всех блокадников и павших

защитников Ленинграда, когда город станет называться Санкт-Петербургом! Позвольте спросить, а тех дедов и прадедов, кто строил с самого начала – 1703 года, и по костям которых мы ходим, – их разве не предали, когда стали именовать город Ленинградом? Да при этом еще и твердим до сих пор, что без прошлого – нет будущего! Какое лицемерие!

В. Г. Сычев (ветеран войны и труда):

– Родился в Ленинграде, жил в Ленинграде и помру в великом городе Ленина...

А. С. Вдовина (домохозяйка, пенсионерка):

– Все от Бога и в руках Божьих. От покровителя святого нашего отреклись: чуть было не сгнули всем миром. Теперь, верю, не помрем. Не даст святой апостол погибнуть!

А. Н. Дворжицкая (приехала на празднование в Санкт-Петербург из г. Магнитогорска):

– Это фотографии моего деда, матери и тетушки. Сняты они в фотографиях на Невском проспекте у римско-католической церкви и на Казанской, 12. Сегодня им более 100 лет. Я рада, что мне, дочери и внучке петербуржцев прошлого века, рожденной в далеком Харбине, довелось побывать на родине предков в эти счастливые дни.

Анатолий Щербаков (Инициатива революционных анархистов):

– Я не придаю особого значения переименованию города. Мне лично нравится название «Петроград»!

* Статья проиллюстрирована фотографиями автора.

Владимир Кириллович Романов (великий князь, глава Российского императорского дома. Прибыл в Санкт-Петербург по случаю возвращения имени городу):

– История свидетельствует, что силы, попирающие естественные законы жизни и стремящиеся насильственными мерами создать нереальное общество всеобщего равенства, добиваются лишь одного – брат восстает на брата, увлекая друг друга в пучину полнейшего материального разорения и духовного опустошения. Систему, основанную на неправде, не спасти, какими бы искренними ни были наши намерения... Вернув себе первоначальное имя, Санкт-Петербург – бывшая столица Российской империи – снова обрел свои вековые исторические корни!

Алексий II (Патриарх всея Руси):

– В этот знаменательный день в жизни этого великого города ему возвращается его исконное историческое имя, он вновь обретает небесного покровителя апостола Петра. Первый храм, который был основан в этом городе, был храм, посвященный первоверховным апостолам Петру и Павлу, и после трудных лихолетий, которые пришлось пережить и этому граду, и отечеству нашему, – этому городу возвращен его небесный покровитель в лице апостола Петра...

7 ноября 1991 года. В полдень, после выстрела пушки на Петропавловской крепости, зажглись огни на Ростральных колоннах. На Дворцовой площади начался митинг. Мэр города Анатолий Собчак призвал всех собравшихся на площади почтить минутой молчания тех, кто пострадал от коммунистического режима за 74 года власти. Выступали: В. Арро, В. Югин, С. Меркурьев, Ю. Темирканов и другие. В числе почетных гостей были представители из городов Гавр, Манчестер, Антверпен, Барселона, Гамбург, Дрезден, Милан, Осака, Турку и Роттердам. После митинга на Дворцовую площадь приземлились парашютисты. Там же присутствовали демократы, коммунисты, монархисты...

Видны лозунги и плакаты: «Россия в трауре, народ в нищете».

Великий князь Владимир Кириллович Романов в Санкт-Петербурге. 7 ноября 1991 г.

Демонстрация 7 ноября 1991 г.

7 ноября 1991 г. Дворцовая площадь.

Кому весело?», «Долой КПСС!», «Ленин, Октябрь, Социализм!», «Социализм или смерть!»... На Дворцовой площади начался грандиозный концерт: Л. Вишня, «Секрет», Розенбаум, Кобзон, Винокур,

Лещенко, Пьеха... В киосках – шампанское, пиво, пепси-кола... Вечером – фейерверк над Невой. У каждого человека был свой праздник и свое веселье. На своем личном воззрении никто особо не на-

стаивал, поэтому больших стычек и конфликтов не было. Брожение идей и все подавленное за долгие годы были высвобождено.

Все шло по плану, который выглядел так:

ПЛАН РАБОТЫ

Организационного комитета по подготовке и проведению празднования «Виват Санкт-Петербург!», посвященного возвращению городу названия

Мероприятие	Дата
1. Провести на Дворцовой площади торжественный митинг, посвященный возвращению городу его исторического названия.	7.11.91 г.
2. Провести театрализованный праздник на Дворцовой площади. Праздничный фейерверк «Красуйся, град Петров!». Петропавловская крепость. Спонсор центрального праздника (включая праздник для детей в Александровском саду) Ассоциация «Простор-плюс». (1,200 тыс. руб.)	7.11.91 г., 13–18.00. 18.30.
3. Парад старинных автомобилей на Невском проспекте (от пл. Восстания до Дворцовой пл.).	7.11.91 г.
4. Прохождение военных оркестров по традиционным маршрутам с привлечением военно-исторических клубов.	7.11.91 г.
5. Детский праздник в Александровском саду.	7.11.91 г., 13–15.00
6. Провести во всех храмах города торжественные службы, посвященные возвращению городу его исторического названия.	7.11.91 г.
7. Принять предложения учреждений культуры и провести следующие благотворительные мероприятия:	
В Большом концертном зале «Октябрьский» торжественный вечер-концерт для ленинградцев-блокадников, участников Великой Отечественной войны, пенсионеров. (30 тыс. руб.)	7.11.91 г. с 19.00
Во Дворце Белосельских-Белозерских торжественный прием для творческой интеллигенции города.	7.11.91 г. с 19.00.
В Юсуповском дворце С.-Петербургский салон для учителей города «Музицирование в Юсуповском». (10 тыс. руб.)	7.11.91 г. с 20.00
В Доме ученых им. Горького прием для научной общественности города. (15 тыс. руб.)	7.11.91 г. с 20.00.
Во дворце культуры молодежи Комитета по образованию праздник для детей детских домов города, включая катание детей на теплоходе с ретроспективным показом исторических мест города. (23 тыс. 500 руб.)	7 и 8. 11.91 г.
Во Дворце творчества юных праздник для детей школьного возраста с родителями «Приглашает Аничков».	7.11.91 г. с 15.00
Конкурс бальных танцев «Петербургский сувенир». (68 тыс. руб.)	
Во Дворце культуры им. Ленсовета:	7.11.91 г.
Гала-концерт для ветеранов войны и труда «Ты – новый путь мой, новый день рождения» (Театральный зал).	
День семейного отдыха для младших школьников и их родителей «В чудесном городе Петровом» (Колонный концертный зал).	8.11.91 г.
Эрудицион знатоков города (65 тыс. руб.)	8.11.91 г.
Во Дворце культуры им. Кирова праздники для жителей Василеостровского района, студенческих городов, национальных клубов.	7 и 8. 11.91 г.
Во Дворце культуры им. Горького «Малая Петровская ассамблея» для детей школьного возраста и их родителей. (10 тыс. руб.)	7.11.91 г.
В Николаевском дворце (Дворец труда) праздничный концерт для с.-петербуржцев. (3 тыс. руб.)	7.11.91 г. с 19.00
Во Дворце культуры «Невский» заключительные концерты фестиваля уличных музыкантов «Невский Астростат». (13 тыс. 700 руб.)	7 и 8. 11.91 г. с 19.00.
Для молодежи города:	
В Спортивно-концертном комплексе концерт лучших исполнителей современной поп-музыки.	7 и 8. 11.91 г.
Во Дворце спорта «Юбилейный» – лучших исполнителей советской рок-музыки.	7 и 8. 11.91 г.

Сборы от концертов направляются в фонд развития культуры С.-Петербурга.	7 и 8. 11.91 г.
В творческом центре «Культура» праздничные дискотеки для молодежи. (5 тыс. руб.)	с 20.00
В Эрмитажном театре два камерных концерта.	7 и 8. 11.91 г.
8. Организовать и провести прием в честь иностранных и почетных гостей города в Таврическом дворце. (285 тыс. руб.)	7.11.91 г.
9. Предусмотреть в столовых и ресторанах всех районов проведение бесплатных благотворительных обедов.	7.11.91 г.
10. Организовать проведение бесплатных сеансов в кинотеатрах города для всех категорий населения.	с 14.00.
11. Премьера фильма «Афганский излом» в кинотеатрах города.	7.11.91 г.
12. Комитету по культуре, творческим союзам, руководителям театров и музеев предусмотреть возможность проведения 7 ноября 1991 года благотворительных спектаклей, выставок, показов музейных экспозиций для различных категорий населения города.	7.11.91 г.
13. Презентация газеты «Петербургские ведомости» во Дворце Белосельских-Белозерских.	6.11.91 г.
14. Организовать в Музее истории города выставку даров телемарафона «Возрождение».	6.11.91 г.
15. Организовать локальные праздники, выставки, экспозиции в культурных центрах районов, домах и дворцах культуры профсоюзов, библиотеках, музеях, парках культуры и отдыха.	7 и 8. 11.91 г.
16. Комитету по физической культуре и спорту совместно с Комитетом ДОСААФ организовать проведение различных соревнований на спортивных площадках города.	7 и 8. 11.91 г.
17. Организовать и провести в школах города специальные уроки, посвященные Санкт-Петербургу, его истории, обзорные экскурсии школьников по городу.	28–30. 10.91 г.

*План утвержден мэром Санкт-Петербурга А. А. Собчаком.
Примечание: Все расходы – за счет спонсоров.*

В тот день коммунисты митинговали у крейсера «Аврора», а демократы – на Дворцовой, у Инженерного замка выступали рок-группы, шли многочисленные приемы – в Таврическом, в Октябрьском, во дворце Белосельских-Белозерских... Фейерверки, концерты, парады и смотры, балы, встречи... 7 ноября приехавший из Франции (5 ноября) на праздник правнук императора Александра II, глава Российского императорского дома и ровесник Октябрьской революции Владимир Кириллович Романов возложил венок на Пискаревском кладбище с надписью: «Защитникам города». Затем он посетил дворец своего деда – великого князя Владимира Александровича, где с балкона дворца смотрел на праздничный фейерверк. Ранее, 6 ноября, князь присутствовал на торжественной службе в Исаакиевском соборе, которую провел Патриарх всея Руси Алексей II. Князь молился и плакал, прячась от корреспондентов. Никто не ожидал увидеть такого «царя» – интеллигентного, умного, простого и сердечного, не-

много глуховатого... Его сразу приняли, полюбили все, поняв, что это не временщик, к которым привыкли и насмотрелись...

А 29 апреля 1992 года там же, в Исаакиевском соборе, святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отпевал скончавшегося 21.04.92 года в США главу Российского императорского дома великого князя Владимира Кирилловича Романова. Он, всю жизнь проживший за пределами России и всю жизнь о ней мечтавший, обрел покой на земле предков, рядом с родственниками – в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора.

Анатолий Собчак – первый мэр Санкт-Петербурга с 1991 года. Один из лидеров Движения демократических реформ, профессор, доктор юридических наук. В 1991 году ему было 53 года. Он сделал все, чтобы вернуть городу его предназначение, извращенное за 75 лет советской власти. Это он дал «путевку в жизнь» Владимиру Владимировичу Путину. С 1990 года В. В. Путин стал советником председателя Ленинградс-

кого совета Анатолия Собчака, а с июня 1991 года – председателем комитета по внешним связям мэрии Ленинграда–Санкт-Петербурга. В феврале 2000 года, после долгой «травли» и интриг вокруг первого мэра Санкт-Петербурга, Анатолий Собчак скончался от сердечного приступа... 25 февраля 2000 года его похоронили на Никольском кладбище. На похоронах присутствовал президент России – В. В. Путин.

Наша жизнь – непредсказуема, подчас абсурдна. Мы переделываем свое прошлое в свете последующего опыта и понимания. Мы делаем прошлое таким, каким хотели бы его видеть сегодня, сейчас... Вспомним: за Санкт-Петербург – 54,86% голосов, за Ленинград – 42,68%. Не так просто все было... Этого нельзя забывать и упрощать, ибо мы создаем свое будущее исходя из опыта прошлого. Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург... 7 ноября – годовщина гибели и День воскресения Санкт-Петербурга. Виват Санкт-Петербург! Стоять граду Петрову отныне и вовеки веков!

Размышления петербургских школьников об истории родного города

С. А. Якимова

Философ XIX века Н. Н. Страхов утверждал, что «мы должны беречь историю преимущественно как память о том, что было выше нас». Живя в наше столь бурное, стремительное, суетное время, так важно не упустить ту хрупкую, тонкую, связующую нить между прошлым и будущим, которая помогает ощутить себя продолжателем, хранителем и защитником духовных сокровищ тысячелетней российской истории.

Одним из путей глубинного постижения истории и культуры России является пристальное внимание к судьбе собственного города, которая накрепко переплелась с судьбами живущих в нем людей. Ведь города, как и люди, рождаются, живут и умирают. Умирают тогда, когда обрекают их на небытие своим равнодушием, отчужденностью, утратой исторической памяти и забвением...

Именно в данном контексте работают над своими учебными исследованиями учащиеся нашей гимназии № 587 Фрунзенского района. По окончании девятого класса во время двухнедельной практики в районной библиотеке, или в Музее А. С. Пушкина (Мойка, 12), или в Историческом архиве учащиеся подбирают материалы по выбранной теме. В десятом классе эта работа приобретает вид законченного исследования, с которым ребята выступают на районных, городских конкурсах, а если сбор материала продолжается в одиннадцатом классе, то исследование, как правило, интегрированное – по двум или нескольким предметам, может быть представлено на государственных выпускных экзаменах.

Предлагаем фрагменты нескольких работ, отмеченных дипломами 1-й степени на районных и городских краеведческих и исторических конкурсах. На основе данных исследований были разработаны маршруты экскурсий, которые также получили высокую оценку на конкурсах.

Самым важным и отрадным в исследовательской работе является тот факт, что своей личной заинтересованностью юные исследователи увлекли свои семьи. Родители помогли детям подготовить видеоматериалы и фотографии, взять интервью. Таким образом, совместная деятельность представителей разных поколений направлена на благое и важное дело – не предать забвению российскую историю.

«Ополгась верою, мы победим!» (Личность А. В. Суворова)

А. Кумейко

Желание написать учебно-исследовательскую работу возникло у меня в десятом классе, после того как я защитила на районном конкурсе свой первый реферат об эсерах. Тогда стало понятно, насколько интересно до мельчайших подробностей изучать какую-либо тему, разобраться в хитросплетениях исторических нитей, знать каждую деталь события, проанализировать каждый эпизод из чьей-нибудь жизни. Когда учительница по мировой художественной культуре и культуре Санкт-Петербурга Светлана Алексеевна Якимова предложила написать работу о Су-

ворове, я засомневалась. Ведь так много уже написано о его славных подвигах на благо Отечества, о его победах и личной жизни. В книжном магазине нашлись и исторические романы, и жизнеописания. Все издания выглядели внушительно, по несколько сот страниц. Но, поразмыслив, я все-таки решилась взяться за написание этой работы. Мне показалось, что смогу среди обилия информации найти что-то особенное, поставив перед собой задачу раскрыть личность Суворова, стала анализировать не военную деятельность, а внутренние качества. Подбор литературы

я начала на летней практике, которую каждый год организует моя школа. В библиотеке часами сидела в читальном зале, изучая исторические книги, журнальные и газетные статьи, письма и многое другое. Все это помогло составить общее представление об Александре Васильевиче Суворове. С интересом читала о его детстве, деятельности на военном поприще, но больше всего удивилась, когда прочла одну из статей о религиозности Суворова, узнав, сколько благих дел совершил Александр Васильевич за свою жизнь. Строить храмы и школы, писать иконы,

начинать каждое дело свое с молитвы может только глубоко верующий человек. Меня поразило тот факт, что даже в бой Суворов вел своих солдат со словами: «Мы русские, с нами Бог!» Уже завершив исследование, я пришла к выводу, что верующим может быть каждый в большей или меньшей степени. Главное, не растерять той целостности, которая заложена в человеке самой природой. Александр Васильевич за все время тяжелой военной службы сохранил эту целостность, заключал в себе качества человека благочестивого и благоговейного. Он верил, что все происходящее вокруг зависит только от воли Божией. Сколько раз ему приходилось отправлять на смерть солдат, но ни разу он не покидал их, всегда находился в самом центре боя.

Теперь я уже точно знала, о чем будет моя работа. Название, как мне кажется, отражает всю суть исследования: «Ополчась Верою, мы победим!» По ходу работы меня интересовало еще несколько вопросов: истоки гениальности и петербургские адреса А. В. Суворова. Хотела бы заметить, что, включив в контекст учебно-исследовательской работы темы, казалось бы, не связанные с названием и главной мыслью, я все-таки нашла между ними точки соприкосновения. На этом я хотела бы немного остановиться, чтобы изложить некоторые свои размышления.

Итак, молодой Александр Суворов зачислен в Семеновский полк и едет из родной Москвы в Санкт-Петербург. Первым, с чем ему предстояло познакомиться, была полковая слобода. Ко времени прибытия в полк восемнадцатилетнего капрала Суворова слобода Семеновского полка была почти застроена, разбита на перспективы и ровно проложенные улицы, которые вначале именовали «линиями», а затем «ротами». Можно предположить, что детальное знакомство с полковой слободой Александра Суворова началось с полкового двора. Первоначально двор располагался в самом центре слободы – ныне это место пересечения Клинского проспекта и Можайской улицы. Суворов по прибытии в полк должен был посетить здание полковой канцелярии, но

А. В. Суворов

позднее, в 1753 году, когда еще продолжалась служба Суворова, полковой двор со всеми бывшими на нем постройками был переведен на новую территорию (в наше время на этом месте располагается Витебский вокзал). Наверняка Александр Васильевич посещал и полковую церковь. Освящение деревянной церкви Введения во храм Пресвятыя Богородицы состоялось в первый год службы Суворова в Семеновском полку. Первоначально она располагалась вблизи полкового двора, там, где средний проспект слободы пересекался с линией 3-й роты. Позже, в 1764 году, полковая церковь была перенесена на новое место, на переднюю улицу слободы, именуемую Большой Загородной улицей (ныне Загородный проспект). По свидетельству современников, будущий полководец был большим любителем музыки, в том числе и духовной. С 1750 года при церкви Семеновского полка были певчие – дети нижних чинов. Есть основание полагать, что Суворов приходил в эту церковь, чтобы «послушать хор». Я решила поразмышлять об этом. Мне кажется, Суворов посещал храм не только для того, чтобы послушать пение. На мой взгляд, человек так устроен, что, покинув свой родной дом, переехав куда-то за сотни километров, он тяжело привыкает к жизни на новом месте. Александру Васильевичу после тихой и чинной Москвы петербургская обстановка была совершенно непривычной. В такие моменты

просто необходима поддержка со стороны близких. Суворову получить ее было неоткуда, оставалась только вера в Бога, привитая еще с самых ранних лет. Возможно, Александр Васильевич, приходя в церковь, находил утешение и духовную поддержку, столь недостававшую ему в ту пору. По моему мнению, Суворов черпал силы именно в религии. И именно в самом начале военной службы, во время жизни в Петербурге в душе молодого Суворова укоренилась твердая, непоколебимая вера.

Петербургским адресам в моей исследовательской работе посвящена отдельная глава. Мест, где бывал Суворов, очень много. Это храмы и дворцы, дома друзей и родственников, учебные заведения. Также не стоит забывать о двух церквях, построенных Суворовым в Новой Ладого и селе Кончанском. К сожалению, время безжалостно, оно не сохранило эти два храма. Один в совершенном запустении, другой разрушен. Но, на мой взгляд, в людских сердцах осталась память о них. И есть надежда, что когда-нибудь они будут возрождены.

Еще один вопрос, которым я заинтересовалась, – это истоки гениальности. Я задалась вопросом, что же такое гениальность вообще? Чем отличается гениальность от таланта? С первого взгляда, это одно и то же, но, читая достаточно разностороннюю литературу – философию, психологию, религиозные книги, я нашла ответы на мои вопросы. Итак, талант – это дар изображать и выражать. Талант – это есть сила легкого и быстрого выражения, удачного и меткого проявления. Но это не дар творческого созерцания (как процесса непосредственного восприятия). На самом же деле – талант еще ничего не решает и не определяет: ведь он может служить и злему, мелкому и пошлему, ничтожному и порочному (например, есть талантливые преступники, талантливые спекулянты, и т. д.). Можно талантливо лгать, как и говорить правду, столь же талантливо защищать добро, как и зло. «У него [таланта] сквозняк в душе, и этим сквозняком он торгует. Гений – это навсегда, талант – часто на время»¹.

Истинная гениальность начинается там, где имеет место духовный

опыт, духовное созерцание и вырастающие из них убежденность, вера, ответственность и духовная необходимость; где человек не торгует талантом, а осуществляет служение высшим идеалам. Духовное созерцание есть истинный и глубочайший источник всего великого на земле – и в религии, и в науке, и в добродетели. В религии человек молитвенно созерцает Бога сердцем, в науке он систематически созерцает мыслью сущность мира, в добродетели он созерцает совестью совершенное состояние человеческой души. Без духовного созерцания человек великого не совершит ничего. Если это созерцание глубоко и постоянно и если талант начинает творить совершенное, тогда мы имеем основание произнести слово «гений». «Гений есть постоянный, глубокий и верный созерцатель смысла вселенной. Божьей ткани мироздания. Он вырастает в эту ткань; он постоянно общается с идеями Божьими; он зрит Бога; он ищет всю жизнь Божьих лучей, находит их и пребывает в них»².

Одна суворовская фраза: «Сегодня молиться, завтра учиться, послезавтра – победа или смерть!» – заключает в себе всю сущность этого человека. Удивительно то, что Александр Васильевич никогда не судил о себе высоко, он относил все свои успехи и дарования к милости Божьей, и в этом есть неотъемлемая часть его гениальности. Если собрать все качества и способности гения вместе и сопоставить с качествами Суворова, то, несомненно, можно назвать его не просто талантливым, а именно гениальным человеком.

Русский полководец остался в какой-то мере загадкой для потомства. И это вполне справедливо. Прочитав большое количество материалов о Суворове, я попыталась понять и раскрыть его, но до конца он все-таки непостижим. Ведь всякая личность, всякое духовное существо есть некая исконная тайна, некое чудо, превосходящее все наши понятия. В подтверждение этого тезиса я хочу привести слова архимандрита Платона (Игунова): «В свете догматического учения Церкви личность как запе-

чатленный в человеке образ Божий недоступна всеохватывающему и исчерпывающему познанию. Личность не может быть объектом научного изучения в той же полноте и объеме, как предметы внешнего мира. Она всегда останется непостижимой в своей конечной глубинной сущности. В недоступно-сокровенной жизни и в своем проявлении личность всегда пребывает оригинальной, своеобразной, неповторимой и потому единственной во всем мире духовной структурой, несводимой ни к какой другой бытийной реальности»³.

Это некоторые из выводов, к которым я пришла по ходу работы. Было очень интересно разбираться в понятиях, ранее мне неизвестных.

Во многом мне помогали старший методист Санкт-Петербургского мемориального музея Суворова Алексей Юрьевич Егоров. Он давал ценные советы, предоставил ряд интересных материалов. Неоднократно я посещала сам музей, чтобы соприкоснуться с эпохой, почувствовать дух Суворова. Большую работу довелось провести над приложением к исследованию, где

представлены фотографии музея, его экспонатов, мест, где бывал Александр Васильевич.

Эта работа оставила глубокий след в моей душе. Я узнала очень многое о духовном мире человека, который у многих ассоциируется только с закоренелым «войкой». И этот духовный мир оказался очень богатым и разнообразным. Александр Васильевич Суворов, словно светлый луч на небосклоне нашей истории. Я прониклась верой в то, что были, есть и будут такие люди, которые должны служить примером многим. Неспроста вступление моей работы о личности в историю. Тут представлены мои размышления о человеке и личности в окружающем нас мире.

Эта учебно-исследовательская работа позволила взглянуть на мир по-новому. Она помогла найти ответы на многие философские вопросы. Я разобралась в понятиях, о которых раньше не имела никакого представления. У меня появилась уверенность в себе, а это очень важно. Именно это и помогло одержать победу на районных и городских конкурсах.

Мемориальный музей А. Суворова в Санкт-Петербурге

¹ Ильин И. А. Одинокий художник. М.: Искусство, 1993.

² Шестун Е. Православная педагогика. М., 2001.

³ Шестун Е. Православная педагогика. М., 2001

Судьба царскосельского Софийского собора в судьбе Земли русской

О. Соколова

В каждой семье, особенно в петербургской, есть свои традиции, есть памятные места, рассказы о которых передаются из поколения в поколение. С Царским Селом и Софийским собором связаны дорогие воспоминания в нашей семье. Мой дедушка проходил службу в военном городке напротив собора. И бабушка, и дедушка были свидетелями изменений, происходивших с собором на протяжении почти пятидесяти лет.

Когда четыре года назад мы крестили мою сестренку под сияющими и белоснежными сводами собора, бабушка рассказала мне, как он преобразился. Я чувствовала царящую в нем благодать и заинтересовалась его судьбой. Поэтому и выбрала тему своей научно-исследовательской работы: «Судьба царскосельского Софийского собора в истории земли русской».

Основную работу я провела в библиотеке церковно-приходской школы Софийского собора, в беседах с директором школы, с учениками, с прихожанами, а также с архивариусом собора и настоятелем Софийского собора протоиереем Геннадием (Зверевым).

Вторая половина XVIII века – эпоха Просвещения. Для этого периода характерна тема «идеального города». Екатерина задумывает построить «образцовый город» Софию.

Уездный город София был основан по указу Екатерины II в 1780 году подле Царского Села. У города было свое управление и свой герб. В Софии предполагалось строительство нескольких фабрик, госпиталя, различных государственных учреждений. Архитектором Д. Трезини были разработаны проекты каменных казарм и деревянных жилых домов двух типов: «образцовые дома для подлых», т. е. не

имевших положения и чина, и «образцовые дома для зажиточных». Чтобы привлечь население в строящийся город, бесплатно выделялись обширные участки под застройку. В Царском Селе запретили строительство жилых домов, а чиновников, купцов и духовенство расселили в Софии. Центром города была обширная площадь – Софийская площадь. На ней одно здание выделялось как центр всей композиции – это Софийский собор.

Судьба Софийского собора в Царском Селе вобрала в себя всю судьбу русской земли. Его называли: Софийский собор, храм Вознесения Господня (Вознесенский собор), церковь лейб-гвардии Гусарского его величества полка.

Софийский собор стал одним из украшений резиденции Екатерины в честь побед русского оружия над турками.

София Царскосельская воплотила мысль Екатерины о преемственности идеи покровительства Софии Премудрости Божией, перешедшего с земли константинопольской на землю русскую.

Более ста лет храм имел статус полковой церкви лейб-гвардии Гусарского его величества полка.

Став полковой церковью, София не только сохранила высокий нравственный дух и ту идею, которая была заложена при ее создании, но и прививала любовь к отчизне, к лучшим традициям нашей культуры.

В XX веке судьба Софийского собора складывалась трагично. После революции 1917 года он подвергся разорению. В двадцатых годах, в тяжелое время для нашей истории и для русского православия, собор закрыли. Сняли кресты, колокола, разорили иконостасы, увезли иконы и церковную утварь.

В соборе сжигали мусор, храм трижды горел. Но Богу было угодно сделать этот огонь очищающим.

После 1934 года Софийский собор служил складом военного имущества. Отрицание духовности привело к мерзости запустения, поэтому здесь долгие годы царил забвение, глумление над нашей историей, нашими святынями и нашей культурой.

Царскосельский Софийский собор

Переломный момент для Русской православной церкви наступил в 1988 году, когда торжественно отмечалось 1000-летие крещения Руси. Спустя год, в 1989 году, верующим Царского Села был возвращен Софийский собор. К 200-летию со дня освящения собора в нем возобновились богослужения.

8 июня 1989 года состоялась духовное торжество. Вновь распахнулись двери Софийского собора, началось богослужение главного алтаря собора – Вознесения Господня. Сколько изменений произошло в нем! И внешних – его неожиданно быстрое возвращение от скорбного руинного опустошения к прежней радостной белизне и торжественности, и внутренних, незримых, но не менее важных.

Когда возрождается собор, то, безусловно, преобразается и территория вокруг него.

Теперь, подходя или подъезжая к храму, можно полюбоваться красивой оградой и аккуратными стриженными газонами вокруг Софийского собора и замереть от вос-

хищения, когда перед вами во весь рост встанет белоснежный и сияющий красавец-храм. Войдите внутрь, и вас наполнит царящая здесь благодать.

В настоящее время Софийский собор – центр духовной и культурной жизни, куда приходят тысячи людей.

Еще одна клеточка России, казавшаяся еще недавно безнадежно мертвой, – ожила.

Из бесед с прихожанами, с настоятелем собора и с работниками церковно-приходской школы я узнала, что сегодня Софийский собор – один из центров духовной и культурной жизни Царского Села. И часть моей работы посвящена исследованию современной жизни храма.

Я посетила деревню Поги, где находится приусадебное хозяйство Софийского собора. Сейчас в этой деревне построен Дом престарелых, который по своей сути является составной частью большого проекта, впервые реализуемого в России. Это попытка вернуться к старым традициям, но с ис-

пользованием современных разработок и зарубежного опыта в области социального и медико-профилактического обслуживания пожилых людей. На мой взгляд, каждый человек, живущий в православной стране, должен быть уверен, что ему будет куда прийти в старости, где найти уют и пропитание, утешение в одиночестве.

Посещение мною приусадебного хозяйства Софийского собора, знакомство с жизнью церковно-приходской школы, с традициями и обычаями церковной общины дало мне возможность осознать всю важность возрождения духовных основ русской культуры, оценить роль храмов в духовной жизни страны.

Все рассмотренные в моей работе вопросы доказывают, что белоснежная и сияющая, простая и величавая, не менее прекрасная, чем греческая святыня, София Царскосельская играла большую роль в истории России на протяжении веков, сохраняя при этом только лучшие традиции нашей культуры.

Сампсониевский собор — славная страница Полтавской победы

М. Прокофьева

Моя мама уже 30 лет занимается реставрацией позолоты. В составе бригады реставраторов она в течение 5 лет работала над восстановлением главного иконостаса Сампсониевского собора.

Мне приходилось бывать в реставрационной мастерской, видела, как из отдельных фрагментов, частей резьбы появляется единое целое: обрамления икон, фигуры ангелов, орнаменты; как восполняются утраты позолоты, как соединяются восемнадцатый век и наше время. Это очень тяжелый и кропотливый труд.

Я видела Сампсониевский собор, когда в нем стояли «леса», а иконостас покрывал вековой слой копоти и пыли. Было трудно даже предположить, что под ними скрывается такая красота. Потом я по-

пала в собор уже после реставрации. Шла служба, горели свечи и пел хор. На моих глазах произошло возрождение. И мне захотелось прикоснуться к истории этого храма.

В течение двух лет я собирала материалы по Сампсониевскому собору. В этой работе мне очень помог Александр Викторович Квятковский, бывший в то время хранителем собора. Во время посещения храма удалось побеседовать с автором работ о Сампсониевском соборе П. М. Званцевым. Очень интересные сведения о ленинградской школе реставраторов и о методах научной реставрации были получены из архива реставрационной мастерской В. П. Слезина.

Сампсониевский собор относится к числу оригинальнейших памятников Петербурга. Таким его

делает не только своеобразный архитектурный облик, но и то, что этот храм является памятником в честь победы российского оружия.

«Далеко не все знают, что в нашей столице есть памятник великой Полтавской победе. Этим историческим памятником является Сампсониевский храм, что на Выборгской стороне. Считаю своим долгом обратить внимание столичных жителей на этот великий памятник и редкую по своей старине святыню», – эти слова священника Владимира Покровского не утратили своего значения и в настоящее время.

Войну со Швецией Россия начала в союзе с Данией и Польшей. 1700 год принес союзникам крупные неудачи. Шведский король Карл XII при содействии англо-

голландского флота нанес поражение Дании, принудив ее к миру.

В 1706 году Карл XII открыто заявил о своих целях – уничтожить русскую регулярную армию, отнять у России Новгород, Смоленск, Архангельск и свести ее к границам Московского княжества. Карл XII хотел низложить Петра I, принять от русских в Москве полную капитуляцию и разделить страну на отдельные княжества. Летом 1708 года шведская армия двинулась на Смоленск.

На военном совете русской армии было решено, измотав противника, подготовить полный его разгром. Планомерно отступая, русские наносили поражения передовым отрядам шведов. Озлобленные захватчики грабили население, сжигали города и деревни, но это только усиливало ненависть к врагу.

28 сентября 1708 года русские войска во главе с Петром I в битве при деревне Лесной наголову разбили шведский корпус генерала Левенгаупта, двигавшийся из Риги с большим обозом на помощь Карлу XII. Эта победа вселила уверенность в солдат. Петр I назвал битву под Лесной «матерью Полтавской баталии».

Спротивление русской армии, партизанская борьба крестьян вынудили Карла XII отказаться от похода на Москву и повернуть на Украину. Он рассчитывал втянуть в войну против России Турцию, крымского хана и гетмана Украины Мазепу. Но в шведский лагерь Мазепа привел лишь небольшую группу обманутых казаков, а 40-тысячное украинское войско влилось в русскую армию.

Зимой 1708 года на Украине началась всенародная борьба с захватчиками. Шведская армия оказалась в тяжелом положении. Русские преградили не только дорогу на Москву, но и пути отступления в Польшу.

Весной 1709 года шведы осадили Полтаву. Карл XII добивался решительного сражения, так как силы шведской армии таяли с каждым днем.

Небольшой гарнизон Полтавы и жители города в течение двух месяцев героически отражали яростные атаки противника.

На помощь осажденной Полтаве Петр I двинул главные силы ар-

Сампсониевский собор

мии – около 40 тысяч и сильную артиллерию. Во главе армии стояли опытные военачальники – Б. П. Шереметев, Н. И. Репнин, А. Д. Меншиков и другие. Руководство войсками Петр I принял на себя.

27 июня 1709 года, в день знаменитого Полтавского сражения, был оглашен приказ царя: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра I, но за государство, Петру порученное, за род свой, за Отечество...».

В третьем часу утра завязался бой. Ряды шведских и русских солдат сблизились, пока не подошли на расстояние пушечного выстрела. Над полем боя грохотали залпы, стелился пороховой дым, свистели пули и рвалась картечь. Русские полки стремительно двинулись навстречу врагу. Шведы не выдержали и дрогнули. Раненый в ногу Карл XII приказал нести себя в ряды сражающихся солдат, но его качалка была разбита, и короля едва успели посадить на коня и спасти от смерти или плена. Русская кавалерия охватила фланги противника, шведские солдаты сдавались в плен или в панике бежали.

Шведы потеряли в Полтавской битве более 9 тысяч убитыми, около 3 тысяч сдались в плен, в том числе и генералы. Потери русских были много меньше. Шведский король бросил своих солдат на произвол судьбы и вместе с Мазепой скрылся в Турции.

29 июня полки А. Д. Меншикова настигли шведов, деморализованные шведские войска капитулировали. 17 тысяч пленных,

28 орудий и 128 знамен были взяты русскими без боя.

Разгром врага под Полтавой развеял в прах завоевательные планы шведов. «...Карл XII, – писал Фридрих Энгельс, – сделал попытку вторгнуться в Россию; этим он погубил Швецию и воочию показал неприступность России».

Полтавская битва – яркая страница истории борьбы нашей страны против завоевателей.

О первой Сампсониевской церкви в одном из описаний Петербурга середины XVIII века говорилось: «Государь Петр Великий сию церковь построил для того, понеже в тот день Сампсонов, 27 июня, в 1709 году даровал всевышний победу над главным войском шведским под Полтавою...».

В память о славной победе, положившей начало успехам России в Северной войне, царь распорядился заложить на Выборгской стороне храм. Блестящая победа Петра Великого, «Русское Воскресение», как назвал ее сам автор, состоявшаяся 27 июня 1709 года, совпала с днем памяти святого Сампсония Странноприимца, поэтому и храм-памятник был назван Сампсониевским. Открыта церковь была уже в 1710 году. В 1728 году на месте обветшавшей деревянной церкви заложили каменный храм. Строительство завершилось в 1740 году. Наиболее вероятными авторами считаются зодчие Д. Трезини и М. Земцов.

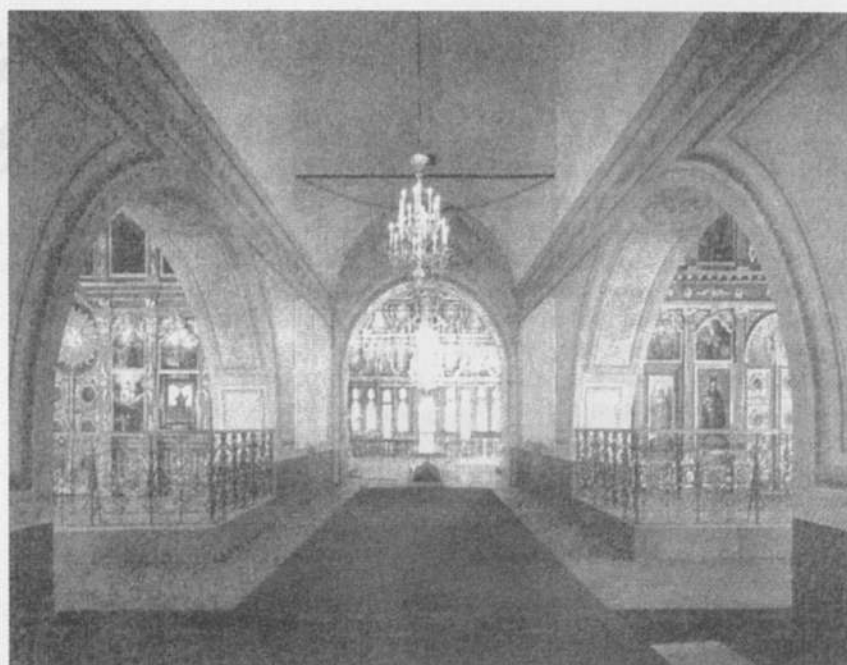

Памятник Петру I у Сампсониевского собора. Фотография К. К. Буллы. 1909 г.

Художественной ценностью интерьера являются деревянные резные золоченые иконостасы. Главный иконостас, выполненный в 1737–1739 годах, имеет пять ярусов. Это образец русского прикладного искусства, органично сочетающий живопись с золоченой деревянной скульптурой. Художественное убранство иконостаса отличается обилием и разнообразием орнаментов, характерных для стиля барокко, свободной постановкой фигур, легкостью их движений, изяществом форм. Живописное оформление Сампсониевского собора, насчитывающее более 100 произведений, является одним из наиболее значительных в русской культовой живописи 20–30-х годов XVIII века. Все иконы в соборе – «родные», они были написаны специально для собора (временно хранятся в Исаакиевском соборе).

Настенная (монументальная) живопись также представляет большой интерес. На восточной стене трапезной над аркой находится композиция, изображающая двух ангелов на живописном настенном образе Богородицы. Подпись под ней свидетельствует, что это копия Каплуновской иконы, бывшей при воинах в день Полтавской победы. На западной стене, напротив главного иконостаса собора, находится большая картина с изображением Петра I. Она написана по штукатурке масляной краской в 1763 году с гравюры Смита неизвестным художником. Этой картине уже 240 лет!

Особое место в моем реферате уделено роли русских мастеров в создании иконостаса и икон. Архитектор А. П. Аплаксин, под руководством которого в 1909 году была проведена реставрация этого храма, пишет о том, что «непогрешимость стиля, чудные пропорции, необычайная щедрость мотивов Главного иконостаса говорят о гениальном авторе, дивном художнике и об исключительного дарования архитекторе. Он мог быть русским, но воспитанным в Европе... он мог быть европейцем, пожившим в России и воспринявшим русскую душу». В первой половине XVIII века в Петербурге действовали несколько центров, готовящих отечественных мастеров декоративного искусства:

Внутреннее убранство Сампсониевского собора

Кабинет императорского двора, Канцелярия от строений, Рисовальная палата.

В иконостасе прослеживаются черты развитого барокко середины XVIII века, характерные для творчества Ф.-Б. Растрелли. Есть определенное сходство в общем композиционном решении и в манере резьбы между главными иконостасами Сампсониевского собора и церкви Большого дворца в Петергофе (последний выполнен по проекту Растрелли мастерами столярного и резного дела Нильсеном, Ролланом и Шталмеером). В отделке интерьеров Растрелли широко использовал золоченую резьбу. По его проектам работали не только иностранные мастера, но и русские резчики.

То, что главный иконостас Сампсониевского собора был выполнен русскими мастерами петербургской школы, не вызывает сомнений. Но очевидным представляется и то обстоятельство, что работали эти мастера по проекту выдающегося архитектора.

Что касается живописного убранства собора, то известно, что живописцы-иностранцы, принесшие новые веяния в русское искусство, приехали в Россию через несколько лет после освящения деревянной Сампсониевской церкви в 1710 году: Гзель и Таннауер – в 1711 году; Каравакк – в 1716 году.

Петр I, как пишет А. П. Аплаксин в очерке, посвященном Сампсониевскому собору, приставил иностранцев к русским иконописцам. Каравакк, ставший первым придворным живописцем, был позже назначен главой живописной команды Канцелярии от строений. Под его покровительством могли работать и авторы икон сампсониевского иконостаса, в которых переплетаются черты западноевропейского искусства и традиции древнерусской иконописи. Не исключена возможность, что русский заказчик обратился с просьбой к иностранному художнику написать иконы, похожие на гравюры из Библии Пискатора. Но иконы, как правило, писались православными, и человек католического вероисповедания едва ли мог быть допущен к работе.

Таким образом, и иконостас, и живописное убранство Сампсониевского собора созданы руками русских мастеров, для которых красота и духовность тесно переплетались между собой.

Значительная часть работы посвящена реставрации Сампсониевского собора, так как «сохраненное равно приобретенному». В 1909 году в Петербурге торжественно отмечался 200-летний юбилей Полтавской битвы и Сампсониевской церкви. В честь этого события вновь производился ремонт и

реставрационные работы, которыми руководил архитектор А. Аплаксин. Какими же были требования к реставрации памятников храмового зодчества в то время? Согласно статье 95 строительного устава, «древний, как наружный, так и внутренний вид церкви должен быть сохраняем тщательно, и никакая произвольная поправка и перемены без ведома недопустимы; не позволено также нигде, ни под каким видом в древних церквях ни малейшего поправления живописи и других предметов древнего времени, а всегда должно быть испрашиваемо на то разрешение от Святейшего Синода по предварительному сношению с Императорским Археологическим и Историческим обществами».

Сама работа по реставрации дивного иконостаса производилась в следующем порядке. Сначала были сняты со своих мест все фигуры и резные рамы, затем счищена окраска фона по слоям до дерева, сам фон исправлен заделкой прогнивших мест, щелей и выправлением карнизов. Что же касается фигур и резьбы, то работа по их отделке происходила так: каждый предмет, будь то фигура или рама, фотографировался, затем снимался со своего места и доставлялся в мастерскую, образованную при церкви. Потерянные части, вырезаемые из новой сухой липы, восстанавливались, если это оказывалось возможно, на основании симметричных частей, частью по аналогии с подходящими предметами, а частью – по композиции с предварительной моделировкой из пластилина. Склеенные, восстановленные оригиналы покрывались за два раза тонким слоем грунта с расчисткой его, пропемзовкой и шлифовкой, затем, по чувству, определялись места матовой и блестящей позолоты и сообразно с ним подготавливались для золочения, причем под мат шло листовое (сусальное) серебро, а под глянец клался полимент (смесь глины, графита и бел-

ка), затем уже накладывались листы золота (60 листов в книжке весом в 1/2 золотника) 95-й пробы. Современная реставрация Сампсониевского собора проводится в соответствии с научной методикой на основании богатейшего опыта, полученного в результате уже проведенных работ по восстановлению золоченой резьбы по дереву в интерьерах Екатерининского дворца в Царском Селе, Большого дворца в Петергофе и многих других. Петербургские реставраторы овладели искусством старых мастеров, сумели возродить некоторые давно забытые приемы, найти утраченные секреты, например такие, как способ золочения деревянной резьбы «на полимент».

Уникальность этих работ потребовала тщательного отбора исполнителей. На специальный конкурс были представлены методики по реставрации, с которыми ознакомилась эксперты Института консервации и реставрации. Предпочтение было отдано мастерской «Искусство реставрации» под руководством В. П. Слезина, имеющей огромный опыт работы в пригородных дворцовых ансамблях Петербурга. С мая 1992 года сотрудники этой мастерской приступили к реставрации главного иконостаса Сампсониевского собора. Реставраторы сделали для нашего города очень важное и благородное дело – вернули Санкт-Петербургу замечательный памятник.

Мне нравилось ездить в собор и наблюдать, как на моих глазах храм оживает. Из беседы с настоятелем храма отцом Иоанном я узнала, что с мая 2002 года в соборе по выходным дням и большим Престольным праздникам проводятся богослужения. Растет количество людей, посещающих храм. Я тоже была на службе в сочельник перед праздником Крещения Господня.

С интересом узнавала историю создания памятника Петру I скульптора М. М. Антокольского и была

Памятник
«Первостроителям Петербурга».
Скульптор М. Шемякин

на его открытии к 300-летию юбилею города. Узнала о том, как создавался памятник «Первостроителям Петербурга» М. Шемякина, который находится на территории Первомайского парка. И в то же время нельзя не думать о том, что раньше на этом месте было первое петербургское кладбище, где похоронены люди, строившие наш город.

Чем больше мы узнаем о наших святынях, тем ближе становится нам наш город, и появляется осознанное желание все это сохранить, сберечь и передать следующим поколениям.

Мне было очень интересно собирать эти материалы, потому что я видела, с какой любовью относятся реставраторы к своему делу, какие это удивительные люди. Я поняла, что для реставраторов мастерской В. П. Слезина смыслом их труда является то, что воссозданный памятник превращается в символ национального прошлого, становится выражением сознания того, что современная культура не может развиваться, не опираясь на традиции.

Штаб Петроградского военного округа в годы Гражданской войны: хроника событий

С. Н. Полтораки

Военные штабы как органы управления воинскими частями и соединениями действовали на территории Петрограда и Петроградской губернии с момента установления советской власти. Уже 29 октября 1917 года первым начальником штаба Петроградского военного округа был назначен полковник П. Б. Вальден¹. В 1917–1918 годах в городе находился главный штаб Рабочей красной гвардии Петрограда, действовали Василеостровский, Сестрорецкий районные штабы Красной гвардии и ряд других. Эта структура непрерывно совершенствовалась. Среди многочисленных функций штабов формирований РККА районов Петрограда одной из главных была, как тогда говорили, вербовка добровольцев и инструкторов в ряды воинских частей и подразделений².

Как известно, в соответствии с постановлением Совнаркома от 21 февраля 1918 года Петроград был переведен на осадное положение. Тем же документом учреждался Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа. В его состав вошли Бонч-Бруевич, Василевский, Еремеев, Лашевич, Юренин³. Генерал М. Д. Бонч-Бруевич и другие представители Ставки, включая генералов С. Г. Лукирского, Н. И. Раттеля, Н. А. Сулеймана, по поручению В. И. Ленина 22 февраля 1918 года прибыли в Петроград для организации обороны города⁴.

Задача чрезвычайного штаба округа состояла в мобилизации населения и в осуществлении мер по введению осадного положения в Петрограде. В двадцатых числах февраля 1918 года представители штаба обороны Петрограда энергично занимались созданием небольших воинских формирований — «разведывательных групп» и «отрядов поддержки» по 50–

Дворцовая площадь, здание Главного штаба

100 человек в каждом и направляли их на ближайший фронт. Параллельно работники штаба вели планирование линии завесы — системы первых оперативных объединений Красной армии, действовавших на протяжении марта — октября 1918 года⁵. Круглосуточно сотрудники штаба обороны формировали, вооружали и снабжали всем необходимым «разведывательные группы» и «поддерживающие отряды», начальникам и командирам разъясняли их действия в период столкновения с противником. В течение ночи и дня 23 февраля 1918 года на фронт в районе Нарвы и Себежа были отправлены все намеченные штабом воинские формирования. Создание отрядов продолжилось и 24 февраля. Таким образом, были сделаны первые шаги по созданию завесы как формы обороны молодого Советского государства от кайзеровских войск⁶. Генерал Д. П. Парский, командовавший прежде 12-й армией, по предложению М. Д. Бонч-Бруевича принял на себя командование создававшейся на подступах к Петрограду линией обороны. Германские вой-

ска неожиданно натолкнулись на упорное сопротивление войск Красной армии и были вынуждены отступить к Нарве. К моменту вступления Д. П. Парского в командование подчиненными войсками советские отряды уже продвинулись до Ямбурга. Спустя некоторое время на Нарвском направлении установилось равновесие сил. Для обеспечения обороны Петрограда было необходимо сформировать и протянуть отряды завесы южнее. С этой целью штабом формировались и выдвигались на передовые рубежи новые воинские формирования. Эти отряды, переброшенные на Нарвское и Псковское направления, составили Северный участок завесы под общим командованием Д. П. Парского⁷. После заключения Брестского мира, выполнив свои функции, этот штаб был ликвидирован⁸.

1 марта 1918 года в Петрограде был образован Высший военный совет (ВВС), который в значительной мере являлся новым высшим оперативным органом. В сферу его оперативной работы входила борьба на внешнем фронте против войск кайзеровской Германии. На

ВВС также возлагалась ответственность за руководство организацией Красной армии. Вне его компетенции находилась организация операций на внутренних фронтах⁹. Позже Высший военный совет занимался организацией по всей стране местного военного управления.

В начале марта 1918 года начштабверх М. Д. Бонч-Бруевич лично контролировал ход боевых действий под Петроградом. Так, анализируя действия начальника Псковского отряда бывшего полковника Генерального штаба Й. Пехливанова, М. Д. Бонч-Бруевич ему сообщал: «Ваш способ действий признаю соответствующим обстановке»¹⁰.

М. Д. Бонч-Бруевич

Декретами Совнаркома от 8 и 20 апреля 1918 года была реорганизована старая система военных округов и аппарата уездных воинских начальников. Вместо них начали создаваться новые органы учетно-административного характера – окружные, губернские, уездные, волостные военные комиссариаты. По сравнению со старыми органами местного военного управления они были наделены новыми правами: могли самостоятельно создавать военные формирования, а также брали на себя обязанность всеобщего военного обучения населения¹¹. Однако практические мероприятия зачастую опережали содержание декретов СНК. Так, Петроградский военный округ начал действовать в рамках новой структуры фактически на 3–4 не-

дели раньше, чем состоялись названные выше декреты Совета народных комиссаров страны. 20 марта 1918 года в Петроградском военном округе в соответствии с приказом по округу № 1 начал создаваться Комиссариат по военным делам, обладавший всеми функциями управления округа. Это был орган коллективного руководства, поэтому во главе него стояла коллегия военных комиссаров, среди которых были Еремеев, Дешевой, Ершов, Чечурин, Батунов, Алексеев, Ахромович, Барбаров, Позерн, Василевский, Бодров и ряд других. Наряду с этими изменениями предпринимались меры для расформирования аппарата прежнего Петроградского военного округа, руководившего еще дореволюционной армией. С этой целью в тот же день, но уже приказом № 3 по войскам округа, при военном комиссариате Петроградской трудовой коммуны начала создаваться ликвидационная комиссия¹². Эта комиссия, выполнив свою задачу, была расформирована 29 июля 1918 года¹³.

Штаб Петроградского военного округа постоянно отслеживал обстановку, складывавшуюся на ближних и дальних подступах к городу. Его руководство 23–24 апреля доложило командованию о переходе нескольких тысяч вооруженных финских военнослужащих через финско-советскую границу, для того чтобы воевать на стороне советской власти¹⁴. Представители штаба днем позже участвовали в совещании совместно с командованием Балтийского флота, на котором был разработан план обороны форта Ино¹⁵.

Благодаря организаторским усилиям штабов в апреле 1918 года на бывшей территории округа было сформировано 127 красноармейских частей, в состав которых вошло до 49 000 военнослужащих¹⁶.

Это был период своеобразного «двоевластия»: структуры военного комиссариата Петроградской трудовой коммуны (ВК ПТК) были наделены всей полнотой ответственности власти, но структуры штаба прежнего Петроградского военного округа, несмотря на процесс ликвидации, частично еще выполняли те или иные функции. Структура штаба округа, даже в тех

условиях продолжала меняться. Например, в соответствии с приказом по ВК ПТК № 20 от 28 марта 1918 года в оперативном отделе штаба округа был создан подотдел военных сообщений¹⁷, который за короткий срок претерпел многочисленные изменения. Например, уже 20 апреля он был переименован в отдел военных сообщений комиссариата¹⁸.

Новое руководство страны в первые месяцы своего существования пыталось найти наиболее оптимальные, хотя часто и не вполне удачные, формы руководства теми или иными государственными структурами. Так, в соответствии с приказом Высшего военного света № 23 от 31 марта 1918 года устанавливалось новое военно-административное деление Советской России. Согласно ему все войска, находившиеся на территории Петроградской губернии, были включены в состав Ярославского военного округа¹⁹. Такая структура на деле оказалась излишне громоздкой. По предложению Петроградского комиссариата Высшим военным советом (приказ № 71 от 6 октября 1918 года) и народным комиссаром военных дел было принято решение о независимости Петроградского комиссариата от Петроградского военного округа. В связи с этим в том же документе отмечалась необходимость образования Петроградского военного округа, в состав которого включались все войска, находившиеся на территории Петроградской, Олонекской, Новгородской, Псковской и Череповецкой губерний²⁰.

5 июня 1918 года приказом № 126 ВК ПТК была учреждена межведомственная комиссия, целью которой было рассмотрение новых штатов управлений и учреждений, которые должны были войти в состав этого комиссариата²¹.

В штабы РККА районов Петрограда из районов боевых действий стекалась информация оперативного характера²², однако механизм обратного действия был очень громоздким и неэффективным. Но структура штабных органов не во всех районах была одинаковой. Так, в г. Великие Луки штабные функции мобилизации весной 1918 года были возложены

на действовавшие еще военно-революционные комитеты²³.

Первоначально штаты различных подразделений штаба Комиссариата по военным делам были невелики. Так, в конце августа 1918 года оперативный отдел комиссариата состоял лишь из 26 человек, среди которых непосредственных оперативных работников вместе с начальником отдела было лишь 11 человек²⁴.

Военно-политическая обстановка в Советской России и на ее северо-западных рубежах в августе-сентябре 1918 года стала заметно напряженной. Очевидны были приготовления белогвардейских формирований и интервентов к началу ведения боевых действий с целью завладения Петроградом. Для прикрытия города и всего региона от неминуемых боевых действий Реввоенсовет республики принял решение и издал приказ об образовании Северного фронта. В его состав входили 6-я и 7-я армии. 6-я армия прикрывала северное направление и формировалась силами Ярославского военного округа. 7-я армия была укомплектована из воинских частей, дислоцировавшихся в Петрограде, а также за счет формирований Олонецкой группы войск, оборонявших Петроград с Мурманского направления (со стороны Карельского перешейка). В зоне ответственности 7-й армии также находились Нарвское и Псковское направления. Обе армии находились в тесном взаимодействии. На протяжении конца 1918 и всего 1919 годов воинские части обеих армий, находившиеся на стыке этих двух соединений, когда того требовала оперативная необходимость, нередко передавались в подчинение из одной армии в другую.

Изменения обстановки на фронте требовали, в свою очередь, новых организационных решений, связанных с деятельностью штаба. В соответствии с приказом военного комиссара Петроградской трудовой коммуны № 369 от 12 сентября 1918 года был определен временный штат Комиссариата по военным делам этой коммуны, многие структуры которой выполняли штабные функции. В частности, было создано управление делами Комиссариата в составе

12 человек, канцелярия из 39 сотрудников, включавшая такие структуры, как общий подотдел, подотдел личного состава, подотдел приказов, эзекуторский подотдел. В комиссариат входило управление коменданта (16 человек), команда обслуживания караула комиссариата (3 человека), действовали учетный отдел (15 человек) и мобилизационный отдел (12 человек). В комиссариате действовал архив, имевший 9 штатных сотрудников²⁵. Помимо этого временного штата в состав комиссариата входил ряд отделов, созданных в разное время. Среди них, в частности, оперативный отдел. Этому отделу в соответствии с приказом по войскам Петроградского военного округа № 401 от 23 сентября 1918 года были переданы функции штаба командующего районными отрядами, который в соответствии с этим же приказом расформировывался²⁶.

Несмотря на многочисленные революционные преобразования в стране, во внутренней жизни государства, даже самым радикально настроенным руководителям Советской страны вскоре стало ясно, что подвергать резким структурным изменениям военные органы, формирование которых шло десятилетиями и даже столетиями, чревато тяжелыми последствиями. После недолгих и неудачных экспериментов по «совершенствованию» структуры военных органов Петрограда в угоду политической конъюнктуры здравый смысл все-таки победил: приказом № 1 по Петроградскому военному округу 24 октября 1918 года был утвержден временный штат штаба округа. В него входили административное, мобилизационное, оперативное, хозяйственное управления, управление военных сообщений, а также статистический отдел. В административном управлении действовали отделы формирования и устройства войск (6 человек), отдел подготовки войск (7 человек), отдел службы войск (9 человек) и отдел личного состава (13 человек). Мобилизационное управление состояло из моботдела (8 человек), отдела по учету военнообязанных (11 человек), отдела по учету лошадей, повозок и другого имущества (8 человек). В

состав оперативного управления входили оперативный отдел (14 человек), строевой отдел (6 человек), разведывательный (9 человек), топографический отдел (19 человек). В хозяйственное управление входили канцелярия (20 человек), архив, штат сотрудников которого возрос до 20 человек, а также типолитография, штат которой этим приказом определен не был. Не был определен этим приказом и штат управления военных сообщений. Самым крупным по числу сотрудников был статистический отдел, в котором состояло 53 человека²⁷.

Одной из главных задач штабов было ведение разведки, изучение состояния духа противника. Немало сведений получалось благодаря информации от перебежчиков. Например, перешедшие на сторону Красной армии немецкие военнослужащие Альвин Гартвидт, Август Шлинце, Адольф Штрупк, Вильгельм Гофман сообщали сведения о дислокации противника, о состоянии дисциплины, о нежелании продолжать войну²⁸. Финские военнослужащие сообщали о своей готовности перейти на сторону красных «в случае наступления России»²⁹. Разведчики докладывали в штабы о создании в немецких воинских частях солдатских комитетов. В одном из таких донесений отмечалось: «В деревне Сыренце по другую сторону Наровы у немцев образован солдатский комитет. Немецкие солдаты уходят с линии Наровы, приглашают красноармейцев, говоря: "Если вы не займете наших позиций, придут белогвардейцы"»³⁰.

Структурные изменения в органах военного управления на местах в основном были следствием преобразований в центральных органах. После переезда советского правительства в Москву в новой столице начали развиваться и органы военного руководства. Петроград из центра организации военной, в том числе и штабной деятельности, быстро превратился в периферийную губернию. Уже в Москве в мае 1918 года при Народном комиссариате по военным делам для руководства ведением операций на фронтах Гражданской войны был образован оперативный отдел. Естественно, что его указа-

ния были решающими для штабных структур, планировавших свою деятельность в Петрограде и прилегающих к нему районах. В июне 1918 года был создан Всероссийский главный штаб³¹, что позволило упорядочить деятельность центральных штабных органов со штабами на местах, в том числе и в Петрограде.

По мнению оперативного военного руководства страны, летом и ранней осенью 1918 года Западный театр военных действий, на котором размещались войска 7-й армии, защищавшие Петроград, «продолжал сохранять свое пассивное значение, образуя в организационном отношении район обороны, в задачи которого входила оборона западной границы Республики в пределах разграничительных линий с Северным фронтом»³². Кроме того, на штабные органы возлагалась задача планирования деятельности по занятию советскими войсками районов, «очищаемых германцами», и «продолжение формирования армий»³³.

Военно-политическое руководство страны предвидело активизацию Западного фронта и предпринимало меры к усилению Петрограда и прилегавших ему районов войсками. В частности, в ноябре 1918 года войска Западного фронта были усилены переданной им Псковской дивизией. Кроме того, на Северном и Западном фронтах были оставлены те воинские части, которые первоначально предполагалось с них снять для отправки на Южный фронт³⁴.

Временный штаб штаба Петроградского военного округа часто подвергался изменениям, соответствовавшим нуждам своего времени. Так, временный штаб штаба Петроградского военного комиссариата, введенный 15 октября 1918 года, состоял из 4 управлений — административного, мобилизационного, статистического, хозяйственного, а также статистического отдела, действовавшего на правах управления. Его штаб состоял из 180 человек. На формирование было отпущено 50 000 рублей. При этом оклад начальника штаба составлял 1776 рублей³⁵. Уже вскоре после создания штаба стало ясно, что на одно из важнейших мест выходит задача мобилизационной

работы. В то же время военное руководство проявило недальновидность, посчитав, что разведывательный отдел и ряд других подразделений не нуждаются в развитии. Более того, 30 января 1919 года разведывательный, статистический отделы и хозяйственное управление были расформированы³⁶. В соответствии с приказом по войскам округа № 280 от 17 марта 1919 года мобилизационное управление получило статус отдела. Между тем уже в апреле-мае 1919 года необходимость проведения мобилизационной работы проявилась со всей очевидностью. Только за первые 20 дней после начавшегося 13 мая того года белогвардейского наступления на Петроград 24 000 человек явились на призывные пункты, чтобы вступить в ряды Красной армии. Из них в РККА было принято лишь 13 000 человек в возрасте от 18 до 40 лет. Многие из оставшихся и не прошедших по возрасту или по состоянию здоровья стремились попасть в ряды защитников столицы на добровольных началах³⁷.

Важным испытанием для молодых штабов Красной армии стали события, развернувшиеся под Петроградом после 13 мая 1919 года. Перешедшие в общее наступление на Петроград белогвардейские части в районе р. Плюсы захватили оборонявшие тот участок подразделения красноармейской бригады под командованием бывшего генерала царской армии А. П. Николаева. В плен был взят в полном составе и штаб бригады. Бригада почти полностью была разгромлена³⁸, а ее командира белогвардейцы повесили на центральной площади г. Ямбурга*.

Но все это случилось в мае, а еще в марте, несмотря на приближавшуюся военную опасность, был понижен статус нескольких отделов штаба в Петрограде. Вместо них в рамках оперативного отдела, который до недавнего времени был управлением, стали действовать оперативное, разведывательное и топографическое отделения³⁹. Последние изменения произошли накануне начала боевых действий под Петроградом и вряд ли способствовали улучшению штабной работы. В условиях боевой обстановки, когда на штабы всех уров-

ней ложилась огромная нагрузка, следовало, вероятно, позаботиться не о сокращении жизненно важных штабных структур, а, наоборот, об их расширении и повышении эффективности деятельности.

Начиная с мая 1919 года штабам воинских формирований, защищавших Петроград, пришлось планировать ведение боевых действий, которые главным образом развернулись на Нарвском направлении. Следует признать, что белогвардейцам в начале наступления удалось дезориентировать красноармейское командование. Начавшееся в мае наступление противника на Карельском участке фронта, носившее на самом деле отвлекающий характер, советским военным руководством, в том числе и штабами, было принято за направление главного удара. Это в значительной мере осложнило защиту города на начальном этапе его обороны. Подступы к Петрограду защищали 7-я армия, Эстляндская армия (до 30 мая 1919 года), 15-я армия. Штабами была спланирована оборона на протяжении 600 км фронта. От Онежского до Чудского озера располагалась 7-я армия (20 000 штыков и сабель, 162 орудия, 412 пулеметов). На левом фланге от нее разместились Эстляндская армия (15 000 штыков и сабель). В оперативном подчинении 7-й армии находились Балтийский флот в составе 51 корабля и Онежская военная флотилия в составе 24 кораблей. Со стороны Финского залива Петроград прикрывали Кронштадтская крепость, форты Красная Горка и Сера Лощадь. Войска 15-й армии, носившей до 17 июня 1919 года наименование Армия Советской Латвии (26 000 штыков и сабель), обороняли дальние подступы к Петрограду на Псковском направлении.

22 мая 1919 года ЦК большевистской партии обратился к трудящимся с воззванием «На защиту Петрограда», постановив мобилизовать коммунистов и рабочих северо-западных губерний на Петроградский участок фронта, который был в тот момент признан важнейшим в Советской стране.

* Ныне — г. Кингисепп Ленинградской области.

Практическая работа по проведению мобилизации ложилась на плечи сотрудников штабов всех уровней.

27 июня войска 7-й армии, в составе которой к тому времени в результате оргмероприятий насчитывалось около 57 500 штыков и сабель, 449 орудий, 973 пулемета, 4 бронепоезда, 8 бронемашин и 25 самолетов, перешли в контрнаступление против белогвардейцев. Штабы 2-й и 6-й стрелковых дивизий 7-й армии спланировали и осуществили руководство прорыва вражеской обороны, в результате чего 5 августа 1919 года красноармейскими частями был освобожден Ямбург. Севернее в конце июня – начале июля красноармейские формирования успешно провели во взаимодействии с Онежской военной флотилией Видлицкую наступательную операцию, в результате которой было нанесено поражение Олонецкой добровольческой армии противника.

До середины августа 1919 года штабы 15-й армии наращивали свой боевой потенциал. Благодаря мобилизационным усилиям в ее рядах к тому моменту насчитывалось около 25 600 штыков и сабель, 103 орудия, 699 пулеметов. 26 августа части 10-й стрелковой дивизии и Эстонской стрелковой бригады, входивших в эту армию, освободили Псков.

Однако войскам Северо-Западной белогвардейской армии удалось удержать Нарвско-Гдовский плацдарм. Эта армия, насчитывавшая в своих рядах 18 500 штыков и сабель, 57 орудий, 500 пулеметов, 4 бронепоезда, 6 танков и 6 самолетов, при поддержке Белоэстонской армии (около 18 000 штыков и сабель), а также кораблей английской эскадры, в сентябре 1919 года перешла в контрнаступление, добившись больших успехов. Противником во второй половине октября были заняты Луга, Гатчина, Красное Село, Детское Село, Павловск. Ему удалось выйти на ближайшие подступы к Петрограду.

Политбюро ЦК РКП(б) было принято постановление, главным требованием которого было: «Петроград не сдавать». Под Петроград было направлено значительное подкрепление. Штабами были осу-

ществлены работы по планированию и созданию трех оборонительных линий, которые прикрывались огнем боевых кораблей, введенных в Неву. В ходе мобилизационной работы в ряды защитников Петрограда влились рабочие всех предприятий, включая 14 000 женщин. В результате спланированных операций красноармейскими формированиями 31 октября 1919 года была освобождена Луга, 7 ноября – Гдов, 14 ноября – Ямбург. В конце ноября – начале декабря 1919 года формирования Северо-Западной армии были отброшены на территорию Эстонии, где были разоружены по указанию эстонского правительства.

В 1918–1919 годах многие вопросы, решение которых требовало специальных знаний, часто реализовывались на основе коллегиальности. При всей демократичности подобных подходов в результате проявлялась некомпетентность новых руководителей, а выполнение значительной части тех или иных планов надолго затягивалось. Например, штаты управлений и учреждений Красной армии, дислоцировавшихся на территории Петроградского военного округа, составлялись и утверждались на основе данных работы специальной межведомственной комиссии. Это был весьма громоздкий механизм решения вопросов, требовавших быстрого и профессионального вмешательства. 5 июля 1919 года, когда борьба защитников Петрограда с белогвардейскими формированиями была в разгаре, состоялся приказ командующего войсками Петроградского военного округа о расформировании межведомственной комиссии, изучавшей и дававшей рекомендации по созданию штатного расписания⁴⁰.

После весенне-летних неудач защитников Петрограда на Псковском и Нарвском направлениях усилиями штабов и других органов управления было увеличено число местных воинских формирований, в основном за счет питерских рабочих. Из центра были присланы курсанты военных курсов⁴¹.

Процесс изменений штабной структуры в то время был непрерывным. Заметным событием, в частности, стало создание 5 августа 1919 года управления всеобщего

которое прежде, являясь отделом по всеобщему обучению, входило в состав штаба округа. С 5 августа, отделившись от штаба, управление всеобщего стало подчиняться непосредственно командующему войсками округа.

В тот же день отдел личного состава и юридический отдел были переподчинены военному комиссару Петроградского военного округа, при этом юридический отдел был переименован в судебный отдел штаба окружного военкомата⁴².

Далеко не все профессиональные военные старой армии, служившие в Петрограде и прилегавших к нему районах, были сторонниками советской власти. Часть из них поддерживала движение контрреволюционных сил. В сентябре 1919 года ряд крупных военачальников Петроградского укрепрайона, Кронштадта, штабов Западного фронта и 7-й армии был арестован и расстрелян. Среди них бывший генерал Махов, служивший в штабе Западного фронта, и начальник штаба морской базы в Кронштадте Рыбалтовский⁴³.

Вспоминая события середины октября 1919 года под Петроградом, бывший главнокомандующий всеми вооруженными силами страны С. С. Каменев отмечал: «Более сложной обстановки я за весь период Гражданской войны не помню»⁴⁴. Тем не менее военному руководству Петрограда, штабам всех уровней удалось преодолеть проблемы мобилизационного характера, наладить тыловое обеспечение, спланировать боевую деятельность войск по разгрому противника.

26 декабря 1919 года Реввоенсовет Республики приказом № 2250 утвердил и ввел в действие типовые штаты и положение об окружном военном комиссариате. Вероятно, появление этого приказа было вызвано недовольством результатами деятельности всевозможных межведомственных комиссий, работавших на местах. В соответствии с этим приказом высшая военная власть в округе принадлежала окружному военному комиссару. Согласно этим штатам штаб округа состоял из мобилизационно-оперативного, строевого, административно-хозяйственного, следственно-судебного отделов, а также учетно-пересель-

ной части. Отделы делились на части. Например, мобилизационно-оперативный отдел состоял из мобилизационно-оперативной части и части воинских перевозок; строевой отдел – из части по формированию войск, части службы, устройства и подготовки войск, а также части по командному составу⁴⁵.

Благодаря организаторской деятельности штабов в 1918–1919 годах на территории Петроградского военного округа было сформировано 12 пехотных и стрелковых дивизий, 3 образцовых полка деревенской бедноты, а также многочисленные маршевые подразделения. Только в мае 1919 года в результате значительной мобилизационной работы на фронт было направлено более 11 000 военно-служащих, а несколько месяцев спустя, осенью, когда бои по защите Петрограда достигли своего апогея, штабы округа направили на фронт 28 000 красноармейцев⁴⁶.

Усилиями штабов на территории Петроградского военного округа в то время действовало значительное число военно-учебных заведений, занимавшихся подготовкой комсостава, формировались специальные технические части и подразделения, в том числе авиационные, броневые, инженерные

Вскоре стало понятным, что институт военных комиссаров округов работает неэффективно. 16 ноября 1920 года приказом по войскам Петроградского военного округа должность военного комиссара была вновь преобразована в должность командующего войсками округа. Тем же приказом окружной штаб Петроградского военного округа был вновь переведен на новый штат. Основными его структурами стали отделы, части и отделения. Так, мобилизационный отдел, состоявший из 51 сотрудника, включал в себя мобилизационную часть и часть воинских перевозок. Оперативный отдел, в котором служило 60 человек, включал в себя оперативно-разведывательную часть и часть специальной службы. 86 человек проходило службу в строевом отделе, а наиболее крупным подразделением был административно-хозяйственный отдел (209 человек)⁴⁷.

Но на этом изменения штатной структуры штаба Петроградского

военного округа не завершились. С 11 декабря 1920 года в мобилизационном отделе по штату полагалось 72 сотрудника, в оперативном – 88, в строевом отделе – 90. До 158 человек сократилось число сотрудников административно-хозяйственного отдела. Впервые 15 декабря 1920 года непосредственно при начальнике штаба округа начало действовать шифровальное отделение⁴⁸.

Согласно приказу командующего войсками Петроградского военного округа № 149/52 от 15 января 1921 года были введены новые штаты штаба округа. Штаб стал включать в себя мобилизационный, оперативный, строевой отделы, а также отдел связи⁴⁹. За пять дней до этого командующим войсками округа был подписан приказ о формировании роты внутренней связи штаба округа численностью 190 человек⁵⁰.

6 мая 1921 года по приказу командующего войсками Петроградского военного округа в округе началось формирование штаба частей особого назначения⁵¹.

1 июня 1921 года на основании приказа по войскам Петроградского военного округа № 1741/572 штаб округа вновь был переведен на новые штаты. В него вошли 5 управлений: управление оперативное и по подготовке войск (61 человек), организационное управление

(61 человек), мобилизационное управление (94 человека), управление связи (73 человека) и административно-хозяйственное управление (157 человек). В управление оперативное и по подготовке войск входило 5 отделений, в том числе и разведывательное. Но уже на следующий день, 2 июня 1921 года, последовал приказ командующего № 1752/573, в соответствии с которым разведывательное отделение разворачивалось в разведывательное управление штаба со штатом в 57 человек. Начальнику разведуправления штаба подчинялись агентурный отдел, часть войсковой разведки и информационно-статистическая часть⁵².

14 июня 1921 года по приказу командующего войсками округа на новый штат был переведен штаб воздушного флота. Он состоял из 45 человек. В него входили: начальник, комиссариат, строевой отдел и отдел снабжения.

6 июля 1921 года для связи с Балтийским флотом был учрежден отдел в количестве трех человек. Прежде при штабе округа был неопределенный штат моряков, осуществлявший эти же функции.

31 июля 1921 года приказом командующего войсками округа № 2325 на штаб округа была возложена обязанность исследования опыта Гражданской войны, для чего при нем началось формирование

Арка Главного штаба

особой военно-исторической комиссии штатной численностью 14 человек⁵³.

Приказом командующего войсками округа № 2806 от 29 сентября 1921 года был назначен «годовой праздник штаба Петроградского военного округа». Дата праздника была определена днем 15 сентября. В приказе отмечалось: «Разрешаю в этот день занятия в штабе не производить, всему личному составу выдать усиленное продовольствие»⁵⁴. Начальником штаба округа в то время был А. Д. Окунев.

2 января 1922 года приказом командующего войсками округа при штабе был учрежден клуб⁵⁵, но 2 июня того же года отделение военных оркестров, действовавшее при штабе округа, было расформировано.

В 1922 году ряд изменений произошёл в разведывательном управлении. Его численность в конце марта сократилась до 41 человека, а 1 мая было расформировано морское отделение, действовавшее в составе разведуправления⁵⁶.

На основании приказа Реввоенсовета Республики № 1947/373 от 16 августа 1922 года и приказа по войскам Петроградского военного округа от 1 сентября 1922 года структура штаба округа заметно изменилась. В штабе стали действовать только два управления: управление 1-го помощника начальника штаба и управление 2-го помощника начальника штаба. В управление 1-го помощника входили оперативный отдел (19 человек), разведывательный отдел (16 человек), отдел по подготовке и службе войск (14 человек), отдел связи (22 человека). В управление 2-го помощника входили мобилизационный отдел (33 человека), административно-хозяйственный отдел (51 человек), часть по командному составу (51 человек)⁵⁷.

Своими успехами в военный период войска Петроградского военного округа, 7-й армии во многом обязаны начальникам штаба Г. А. Шпилько (октябрь 1917 г. – март 1918 г.), Л. К. Александрову (октябрь 1917 г. – июль 1920 г., октябрь 1920 г. – февраль 1921 г., июль 1921 г. – март 1922 г.), М. А. Адабашу (июль–октябрь 1920 г.), М. М. Эндену (февраль–июнь 1921 г.).

¹ Стрекалов И. И. Строительство Красной армии в войсках завесы. (Март–октябрь 1918 года). М., 2004. С. 16.

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4868. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

³ Исторический формуляр штаба ЛенВО. С. 39.

⁴ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1964. С. 244, 249.

⁵ Стрекалов И. И. Указ. соч. С. 34.

⁶ Там же. С. 35.

⁷ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): Сб. документов. М., 1971. Т. 1. С. 81.

⁸ Центральный государственный архив Советской армии. Путеводитель. М., 1991. С. 179.

⁹ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1. С. 128.

¹⁰ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 19. Л. 6 а.

¹¹ Какурин Н. Е. Указ. соч. Т. 1. С. 129.

¹² Исторический формуляр штаба ЛенВО. С. 39.

¹³ Там же. С. 41.

¹⁴ Яковлев Л. И. Дружба, рожденная Октябрем. М., 1968. С. 58.

¹⁵ Мальшев М. О. Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с Северо-Запада в 1918 году. Л., 1974. С. 70; Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 – декабрь 1918): Сб. документов. Л., 1968. С. 145–146.

¹⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 460.

¹⁷ Там же. С. 39.

¹⁸ Там же. С. 40.

¹⁹ Исторический формуляр штаба ЛенВО. С. 39.

²⁰ Там же. С. 42.

²¹ Там же. С. 41.

²² ЦГА СПб. Ф. 4868. Оп. 1. Д. 3. Л. 98 об.

²³ Государственный архив Псковской области. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 62. Л. 18–19, 23.

²⁴ Исторический формуляр штаба ЛенВО. С. 42.

²⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25888. Оп. 1. Предисловие.

²⁶ Исторический формуляр штаба ЛенВО. С. 45.

²⁷ Там же. С. 46.

²⁸ РГВА. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 7. Л. 8, 10, 13; Ф. 37562. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

²⁹ Там же. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 7. Л. 55.

³⁰ Там же. Л. 11–11 об.

³¹ Какурин Н. Е. Указ. соч. Т. 1. С. 130.

³² Там же. Т. 2. С. 39.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 44.

³⁵ Архив штаба ЛенВО. Ф. 49530. Оп. 92. Д. 5. Л. 1–5.

³⁶ РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Предисловие.

³⁷ Соколова Е. Петроградские рабочие в годы гражданской войны // Героический Ленинград. 1917–1942. Л., 1943. С. 36–37.

³⁸ Какурин Н. Е. Указ. соч. Т. 2. С. 192.

³⁹ Исторический формуляр штаба ЛенВО. С. 48.

⁴⁰ Там же. С. 39.

⁴¹ Какурин Н. Е. Указ. соч. Ч. 2. С. 193.

⁴² Исторический формуляр штаба ЛенВО. С. 50.

⁴³ Известия ВЦИК. 1919. 23 сент.

⁴⁴ Каменев С. С. Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957. Т. 2. С. 262.

⁴⁵ Исторический формуляр штаба ЛенВО. С. 51–52.

⁴⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 460.

⁴⁷ Исторический формуляр штаба ЛенВО. С. 58–59.

⁴⁸ Там же. С. 59–60.

⁴⁹ Там же. С. 63.

⁵⁰ Там же. С. 62.

⁵¹ Там же. С. 67.

⁵² Там же. С. 69.

⁵³ Там же. С. 70.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 71.

⁵⁶ Там же. С. 72.

⁵⁷ Там же. С. 74.

КОМАНДУЮЩИЕ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА*

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

**Михаил Ильич
КАЗАКОВ**

26 сентября (9 октября) 1901, дер. Великуша, ныне Кичменгско-Городецкого района Вологодской области – 25 декабря 1979, Москва. Советский военачальник.

Русский. Из крестьян. Генерал армии (8 августа 1955). Герой Советского Союза (21 февраля 1978). В Вооруженных силах с 1920 г. Член компартии с 1919 г. Окончил Новочеркасские кавалерийские курсы усовершенствования состава (октябрь 1926 – октябрь 1927), основной факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе (сентябрь 1928 – май 1931), адъюнктуру по кафедре кавалерии при ней (июнь 1931 – июль 1933), один курс Академии Генерального штаба РККА (октябрь 1936 – июль 1937).

Участник Гражданской войны. Красноармеец 3-го запасного стрелкового полка, переписчик – секретарь военкома 407-го стрелкового полка, помощник военкома 408-го стрелкового полка (июль 1920 – май 1921) 46-й стрелковой дивизии, политрук пулеметной команды, политрук роты, батальона, помощник военного комиссара 21-го стрелкового полка, военком 19-го стрелкового полка, помощник военкома 7-го стрелкового полка, ответственный партийный организатор того же полка, помощник военкома 9-го стрелкового полка (май 1921 – май 1924) 3-й стрелковой дивизии. Военный комиссар 8-го кавполка, помощник командира по хоз. части 10-го кавполка (май 1924 – апрель 1925) 2-й кавдивизии. Заместитель начальника АХО (май 1931 – июль 1933).

Начальник оперативного отделения штаба 2-го кавалерийского корпуса (июль 1933 – март 1936), командир и военком полка 5-й кавалерийской дивизии (март – октябрь 1936) Киевского ВО.

Заместитель начальника (17 июля 1937 – 3 апреля 1938), начальник (3 апреля 1938 – 2 января 1942) штаба Среднеазиатского ВО.

Участник Великой Отечественной войны. Начальник штаба вновь созданной на базе САВО 53-й Отд. Армии со штабом в Ашхабаде (23 августа 1941 – 12 января 1942), которая по соглашению, подписанному СССР, Англией и Ираном, вводилась на территорию последнего для поддержания в занятых регионах общественного порядка, обеспечения постоянной боевой готовности войск к защите южных рубежей и ограждения последних от проникновения иностранных разведок.

После расформирования штаба по личной просьбе направлен в действующую армию.

Начальник штаба Брянского фронта. (17 января – 19 июля 1942). Весной 1942 г., решая оборонительные задачи, штаб умело организовал взаимодействие войск, особенно на стыках армий, спланировал контрудары, обеспечил связь с войсками и управление ими. В результате мощный удар противника в полосе фронта был отражен. Немецкий военный

историк К. Типпельскирх писал после войны об этих сражениях: «Дальнейшее развертывание наступления было затруднено, так как левое крыло, которое... должно было продвигаться через Воронеж на Саратов, застряло у Дона» (Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1957. С. 129).

Начальник штаба Воронежского фронта (20 июля 1942 – 2 февраля 1943). На Казакова легли все обязанности по формированию штаба. Его стиль работы отличался деловитостью, умением экономно и продуктивно использовать время, четко организовать рабочий процесс: он не терпел суеты, нервозности, небрежности, как отмечали сослуживцы.

В январе 1943 г. в результате Острогжско-Россошанской наступательной операции фронта были окружены и разгромлены 15 дивизий противника, советские войска продвинулись на 140 км. Затем в короткие сроки штабом фронта было спланировано наступление армий правого крыла во взаимодействии с 13-й армией Брянского фронта с целью разгромить 2-ю немецкую армию и 3-й венгерский корпус и создать условия для наступления на Курск и Харьков. План был успешно осуществлен. Здесь проявились характерные

* Продолжение. Начало см. в № 1–4 за 2001 г.; № 1–6 за 2002 г.; № 1–6 за 2003 г., № 1–6 за 2004 г.

черты военного таланта Казакова: мастерство в осуществлении операции в короткие сроки, умение провести крупные перегруппировки в условиях бездорожья, искусность в маскировке, способствующей достижению внезапности. За умелое руководство войсками Михаилом Ильичу присвоили звание генерал-лейтенанта.

Командующий 69-й армией (2 февраля – 22 марта 1943). В Харьковской оборонительной операции 1943 г. армия во взаимодействии с другими силами фронта в течение суток в упорных боях отражала контрнаступление немецких войск. В последующем под ударами превосходящего противника она была вынуждена отойти на левый берег р. Северный Донец на рубеж Шишино–Безлюдовка. Ставка ВГК не простила Казакову этой неудачи. С должности командарма его сняли. В распоряжении НКО (март–апрель 1943).

Помощник командующего войсками Резервного (апрель–июль 1943), Степного (июль 1943) фронтов по формированию и укомплектованию войск. Со свойственной ему энергией принял за работу по доукомплектованию соединений фронта и за полтора месяца вновь сделал четыре общевойсковые армии боеспособными.

По просьбе генерала М. М. Попова (командующего войсками Брянского фронта) Казаков становится его заместителем (июль–октябрь 1943). Заместитель командующего Прибалтийского (10 октября – 20 октября 1943), 2-го Прибалтийского (20 октября – 20 января 1944) фронтов.

Командующий 10-й гвардейской армией (20 января 1944 – апрель 1946). Успешно действуя на направлении главного удара 2-го Прибалтийского фронта, эта армия овладела г. Мадона и крупным узлом дорог Резекне, участвовала в освобождении Риги и блокировании курляндской группировки противника. В этот период особенно ярко проявился полководческий талант Казакова. Планируя операции, Михаил Ильич умел предвидеть ход боевых событий, раскрыть замысел противника, при этом он всегда стремился добиться успеха с наименьшими потерями.

После освобождения столицы Латвии, давая оценку действиям 10-й армии, Маршал Советского Союза А. И. Еременко говорил: «Основная заслуга в этом принадлежит 10-й гвардейской армии и ее командарму Михаилу Ильичу Казакову, человеку большой воли, умеющему с неослабевающей энергией осуществлять самую сложную операцию. В наиболее острые и сложные моменты М. И. Казаков всегда был предельно собран, смело брал на себя ответственность за принимаемые в ходе сражения решения и добивался успеха» (Еременко А. И. К берегам Янтарного моря. М., 1969. С. 191).

Имя Казакова три раза отмечалось в приказах Верховного Главнокомандующего.

Участник Парада Победы в Москве 24 июня 1945 г.

Заместитель командующего войсками (август 1946 – февраль 1947), затем начальник штаба – заместитель командующего (февраль 1947 – сентябрь 1949) Закавказского ВО. Снят с должности начальника штаба ВО за неправильное отношение к вопросам национальных формирований в военном округе (Приказ МВС № 00141 от 30.8.1949). Помощник командующего войсками Южно-Уральского ВО (август 1949 – ноябрь 1950), начальник штаба Одесского ВО (5 ноября 1950 – 16 июня 1952), командующий войсками Уральского ВО (13 мая 1953 – декабрь 1955). Заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками по боевой подготовке (5 января – ноябрь 1956).

Командующий Южной группой войск (декабрь 1956 – октябрь 1960). Часто бывая в частях, помогая командирам в налаживании работы подразделений и частей, он заслужил репутацию общительного, веселого человека, весьма скромного, не кичащегося своими боевыми заслугами, но больше говорящего об успехах подчиненных. Михаил Ильич смело высказывал свою точку зрения и умел ее отстаивать.

Командующий войсками Ленинградского военного округа (26 октября 1960 – 30 октября 1965).

В апреле 1960 г. Ленинградский и Северный ВО были объеди-

нены в один Ленинградский ВО, территория которого стала охватывать Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, а также Карельскую АССР. Территория Коми АССР отошла к Уральскому ВО. На территории округа дислоцировались 6-я общевойсковая армия, 26-й армейский корпус, 30-й гвардейский армейский корпус.

Придавал большое значение обучению войск действиям в наступательном и, особенно, во встречном бою. Частые выезды в войска, доскональное знакомство с ходом боевой учебы в соединениях и частях убедили командующего, что в планировании командирской подготовки мало уделяется внимания полевым занятиям, решению тактических «летучек» и групповых упражнений на местности, а для проведения командирских, инструкторско-методических и других занятий с сержантами не привлекаются офицеры штабов полков. Он тут же потребовал «пересмотреть план-календарь боевой подготовки, перечень тем тактических и специальных учений, расчет часов и содержание планов командирской подготовки...»

При отработке оперативных и тактических задач в ходе учений генерал армии М. И. Казаков заботился о создании сложной обстановки, требующей от командиров и их штабов больших и глубоких знаний, оперативности в работе и быстрой реакции.

«Мне посчастливилось работать у Михаила Ильича Казакова заместителем, – рассказывал генерал-полковник в отставке М. П. Константинов. – По долгу службы я не раз выполнял те или иные поручения командующего, вместе с ним выезжал в части и соединения. Ведь Михаил Ильич, как и в бытность свою командармом, не любил засиживаться в кабинете».

«Уметь быстро принимать решения, когда обстановка непрерывно меняется, уметь командовать под огнем противника – вот к чему обязан себя готовить офицер и генерал. В условиях ядерной войны командиры и начальники всех степеней должны будут исключительно быстро ориентироваться в обстановке, производить необходи-

мые расчеты, уметь в самый критический срок принять решение», – говорил командующий.

Много сил и труда вкладывал Казаков в организацию учебы. И это приносило свои положительные результаты. За высокие показатели в учебе и дисциплине Военный совет округа в конце 1962 г. наградил передовые подразделения и части переходящими Красными знаменами. За отличные показатели в боевой и политической подготовке и освоение новой боевой техники более 60 военнослужащих округа получили государственные награды. Через год количество отличных батальонов и дивизионов увеличилось в три раза, отличных взводов – на 20 процентов, а отличных отделений, экипажей и расчетов – почти вдвое.

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский в аттестациях на командующего округом неоднократно отмечал его высокие профессиональные качества, хорошее состояние войск округа, подчеркивал, что это явилось результатом «умелого использования М. И. Казаковым боевого опыта в обучении войск и штабов».

Начальник штаба Объединенных Вооруженных сил государств – участников Варшавского Договора – 1-й заместитель начальника Генштаба ВС (ноябрь 1965 – август 1968).

«Хороший товарищ, общительный и жизнерадостный, он

вместе с тем всегда оставался... принципиальным и самокритичным. Безупречно честный, прямой, требовательный, справедливый и объективный в оценке людей, Михаил Ильич пользовался уважением и авторитетом у начальников и подчиненных». (И. Х. Баграмян).

Военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов МО СССР (с августа 1968).

За умелое руководство войсками, личное мужество и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны, большой вклад в подготовку и повышение боевой готовности войск в послевоенный период Казакову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Почетный гражданин г. Риги. Депутат Верховного Совета СССР 2-го, 4-го – 7-го созывов.

Комдив (31.12.1939), генерал-майор (4.6.1940), генерал-лейтенант (19.01.1943), генерал-полковник (13.9.1944).

Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова I степени, Кутузова I степени, Суворова II степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III ст., медалями, тремя иностранными орденами.

Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Некролог:

Красная звезда. 28.12.1979.

Сочинения:

А мы с тобой, брат, из пехоты...: Воспоминания командарма. Рига, 1979.

Любые фланги. Рига, 1977.

Над картой былых сражений. М., 1971 и др.

Литература:

Баграмян И. Генерал армии М. И. Казаков (К 70-летию со дня рождения) // Воен.-ист. журн. 1971. № 9. С. 118–123.

Давыдов Ф. Д. Дорога мужества // Воен. мысль. 1991. № 10. С. 64–67.

Жуков Г. К. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

Качуков А. Маршальский выпуск // Красная звезда. 2001. 9 окт.

Красовский С. Генерал армии М. И. Казаков (К 80-летию со дня рождения) // Воен.-ист. журн. 1981. № 10. С. 89–91.

Ленинградский фронт // Воен.-ист. журн. 1978. № 3. С. 50.

Ленский А. Г., Цыбин М. М. Советские сухопутные войска в последний год Союза ССР: Справочник. СПб, 2001. С. 43–54.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4-1). М., 1997. См. им. указ.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-1). М., 1996. См. им. указ.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-2). М., 1996. См. им. указ.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-3). М., 1999. См. им. указ.

Язов Д. Т. Удары судьбы. М., 1999. С. 125–127.

Памяти профессора С. С. Шульца

Около 40 лет успешно работает в нашем городе Городская секция библиофилов – одна из многих общественных некоммерческих организаций в области культуры. Секция объединяет многих истинных любителей и знатоков книги. На еженедельных заседаниях секции в зале библиотеки им. А. А. Блока (Невский пр., 20) выступают писатели, историки, краеведы, архивисты. На 11 ноября 2004 года было назначено выступление известного историка и знатока Петербурга профессора Сергея Сергеевича Шульца, который обещал рассказать о своей новой книге «Невская перспектива», о ее особенностях, о трудностях при работе над книгой и об открытиях. Предвидя большой общественный интерес к книге и к личности автора, секция библиофилов запланировала заседание в более просторном помещении – в конференц-зале городской библиотеки им. В. В. Маяковского (Фонтанка, 46). Петербуржцы хорошо знали С. С. Шульца по его книгам о городе, его увлекательным лекциям о петербургских дворцах, о замечательных людях Петербурга.

Но случилось непредвиденное – 18 октября С. С. Шульц скончался в результате острого сердечного приступа. У его могилы во время похорон на Смоленском кладбище звучало много сердечных добрых слов о покойном.

О его выступлении 11 ноября уже было объявлено заранее, отпечатаны приглашения и афиши. Поэтому решили намеренную встречу не отменять, а провести ее как вечер памяти профессора. На заседании секции библиофилов давно не бывало так многолюдно, как вечером 11 ноября. Большой зал библиотеки им. Маяковского не мог вместить всех друзей и поклонников ученого. Вечер вел председатель секции инженер и преподаватель С. М. Ларьков.

Сергей Сергеевич Шульц

Редактор и издатель Э. И. Слепнян выразил озабоченность проблемой преемственности поколений, снижением уровня культуры и интеллигентности молодежи и даже тем, что на вечере памяти замечательного человека мы видим немного молодых лиц. Оратор поделился воспоминаниями о незабываемых встречах с покойным.

О давних детских и юношеских встречах с Сергеем Сергеевичем рассказал его сверстник географ Е. С. Эпштейн.

Как всегда ярким и неординарным было выступление известного петербургского историка, эрудита и «всеведа» Г. А. Богуславского, обладателя редкой высокой награды – Анциферовского диплома за вклад в петербургское краеведение. Густав Александрович привел неожиданное (для многих слушателей) сравнение С. С. Шульца со знаменитым в XIX веке юристом и писателем В. Д. Спасовичем, также истинным петербуржцем. В наши дни о нем знают немногие. Параллель же между этими деятелями, которые жили в разные эпохи и не могли знать друг друга лично, заключалась в их умении убедить слушателей, доказать свою позицию в беседе, в споре, в публичной речи. Этим в полной мере владел Сергей Сергеевич, хотя он

и не прибегал к особым ораторским приемам для привлечения внимания. Г. А. Богуславский – ректор общественного «Университета Петербурга» и школьный педагог, не согласился с мнением об общем падении нравственности и интереса к культуре и истории у юных жителей города.

Другом С. С. Шульца со студенческих лет являлся известный поэт и публицист И. О. Фоянков. Геолог Шульц постоянно присутствовал на заседаниях литературного объединения на филологическом факультете Ленинградского университета, читал свои стихотворения коллегам по семинару. Здесь зародилась их прочная многолетняя дружба, не заржавевшая со временем и даже упроченная семейными связями. Вспомнил Илья Олегович и о посвященных ему лично строках в стихах Шульца, слышались в его словах отзвуки незавершенных дружеских творческих споров. На критику и замечания коллег С. Шульц не обижался, не замыкался в себе, как бывает с некоторыми очень самоуверенными авторами (и в поэзии, и в науке, и в искусстве – всюду). Шульца поэты считали «своим», недаром многие годы он был дружен с ныне знаменитым нобелевским лауреатом И. А. Бродским, некогда гонимым и судимым советской властью и тогдашним казенным Союзом писателей, безоговорочно выполнявшим все приказание большевистских чиновников от «культуры». На вечере памяти не принято аплодировать, но яркая эмоциональная речь поэта Ильи Фоянкова заслуживала аплодисментов.

Поразительные подробности привел один из выступавших на вечере – о доброте С. С. Шульца. Показывая свою кардиограмму доктору-кардиологу, он просил врача не очень огорчаться, изучая (или рассматривая) ленту с запи-

сями ритма его сердца. Не о своем уставшем сердце он беспокоился, а о том, чтоб не огорчить знакомого врача! Доктору же, вероятно, случалось много раз читать кардиограммы, анализы и медицинские заключения. Кардиограмма его была тревожной и внушала доктору серьезные опасения. Было это незадолго до кончины, но Сергей Сергеевич себя не щадил, работал по ночам, стараясь поскорее закончить начатое.

Ровесник Шульца Владимир Михайлович Метлер рассказал об их давней дружбе и прочитал (со слезами на глазах и дрожью в голосе) посвященное ему стихотворное обращение в связи с одной из годовщин. Участники вечера слышали поэтические строки С. С. Шульца впервые и были очарованы дружеским юмором и «ты» послания, оценили легкость и мелодичность шуточного стихотворения, обращенного к другу, правильный ритм и остроумные рифмы. Ведь эта ипостась Сергея Сергеевича – его поэтические опыты большинства его друзей и почитателей его исторических, краеведческих и геологических трудов неизвестна.

Я был знаком с покойным более 20 лет по деятельности в области истории города и краеведения. Особенно трепетно и заинтересованно С. С. Шульц относился к Новодевичьему кладбищу, где погребены его дед – сенатор П. А. Шульц и бабушка. Благодаря стараниям и заботам (и денежным расходам) внука их захоронения выгодно отличаются от других заброшенных и неухоженных могил в некрополе Новодевичьего монастыря. Во время одного из недавних посещений кладбища Сергей Сергеевич сделал несколько дополнений и пояснений к словам экскурсовода. И экскурсанты, случайная сборная группа, ничего не знавшая до того об ученом, историке и докторе наук С. С. Шульце, сразу влюбились в него, а когда он сообщил о предстоящих осенью циклах его лекций в Музее истории города, многие стали записывать темы и даты лекций. Таковы были эрудиция, доброжелательность и сила воздействия на слушателей незабвенного Сергея Сергеевича.

К несчастью, судьба не дала ему возможности завершить не только

На Новодевичьем кладбище (2-й слева – С. С. Шульц, 3-й – А. С. Дубин)

начатый лекционный цикл, но и другие творческие планы и замыслы (а их было немало).

Председатель городской секции библиофилов Станислав Максимович Ларьков – организатор заседания, посвященного С. С. Шульцу, рассказал о нескольких предыдущих его выступлениях на секции, всегда привлекавших много слушателей – о храмах Петербурга, об особенностях истинных петербуржцев, о подготовке им книги «Невская перспектива». Большую ценность для книголюбов (библиофилов) имеют экземпляры изданий с автографом автора, с его личным нестандартным посвящением владельцу книги; особенно если автор прославлен и знаменит и глубоко уважаем, как недавно покинувший нас Сергей Сергеевич.

Сотрудник Законодательного собрания Петербурга А. Ю. Патиев, коллега С. С. Шульца по профессии геолога, рассказал о трудных хлопотах по добыванию, по поискам необходимых (и немалых!) средств для издания его последней книги о Невской перспективе. Читателям книг и покупателям из этого дела нет, но часто слышны жалобы и недоумения в связи с высокой ценой изданий. Действительно, цена последнего его труда высока: в магазинах он сейчас стоит от 2500 до 3000 рублей.

На вечере также выступили член Союза писателей Санкт-Петербурга М. В. Алферова (членом это-

го союза состоял и С. С. Шульц), Я. И. Маршак – внук знаменитого поэта и переводчика.

С большим вниманием участники вечера выслушали рассказ издателя Сергея Борисовича Ходова, который издал последний прижизненный труд С. С. Шульца «Невская перспектива: от Адмиралтейства до Мойки». Книга совершенно необычная – огромная по объему, на 912 страниц, с 1250 иллюстрациями, репродукциями картин и портретов, географических планов и фотографий, с именным указателем (аннотированным!) на 5000 имен. О Невском проспекте изданы в разные годы десятки книг, путеводителей, альбомов и описаний, но (по мнению ряда знатоков города) ничего подобного до книги С. С. Шульца не издавалось. Очень активно развивается в последние годы генеалогия, касающаяся преимущественно знатных титулованных дворянских родов. Любители родословий найдут в книге множество родословных таблиц о дворянских фамилиях. С. Б. Ходов рассказал о напряженной двухлетней работе по подготовке рукописи к изданию. Поскольку книга превышала все мыслимые для издания объемы, пришлось около 600 страниц изъять, перенести в будущий второй том. Вначале книга предполагалась как путеводитель, но содержание ее оказалось гораздо шире, подробнее. Отдельные главы посвящены

геологическому прошлому Петербурга и его окрестностей, местностей вблизи от Невского проспекта – Адмиралтейству, Дворцовой площади, Малой и Большой Морской улицам. Такое расширение содержания книги может вызвать упреки рецензентов; и автор предвидел это.

На вечере, посвященном памяти С. С. Шульца, было высказано пожелание увидеть вскоре издание о продолжении Невской перспективы далее Мойки. Необходимо подготовить сборник статей и воспоминаний о всех сторонах жизни и научной, творческой деятельности Сергея Сергеевича; основой такого сборника могли бы стать тексты выступлений участников данного вечера. Он обладал огромными знаниями и отличной памятью. За свои 70 лет он успел создать удивительно много в области истории Петербурга. Сделанное им одним могло бы являться результатом многолетних трудов целого коллектива с десятком научных и вспомогательных сотрудников. И как удалось профессору-геологу успеть все это выполнить? Уму непостижимо!

Сергей Сергеевич Шульц-младший (он подписывался именно так) являлся полным тезкой своего отца – морского офицера, служившего под начальством адмирала А. В. Колчака, участника гидрографических экспедиций, чудом благодаря счастливой случайности уцелевшего в жестокие годы Гражданской войны. Мне дважды случилось присутствовать при его рассказе об отце – колчаковском офицере, и я видел, как его слушательницы – молодые и средних лет женщины затихали и с открытыми от удивления ртами внимали его словам. Для них это такая же древность, как война 1812 года! Трудными и тревожными были годы жизни отца в советские времена.

С. С. Шульц-младший пошел по стопам родителей – геологов, но начал он обучение на историческом факультете Ленинградского университета в трудные 1950-е годы, заполненные яростной непрекращающейся борьбой с космополитами, со шпионами, с преклонением перед заграницей, с антипартийными взглядами и буржуазными теориями.

И хотя поступить на истфак ему удалось с трудом, он добровольно ушел, недоучившись. Он понял (возможно, по совету некоего мудрого знакомого), что невозможно жить в советском обществе, насквозь политизированном, идеологизированном, и быть в то же время свободным от общества. История же была идеологической наукой. И решил он уйти из этой профессии, избрал профессию геолога, менее связанную с политикой и марксистско-ленинской идеологией. Шульц окончил с отличием геологический факультет Университета в 1957 году. Неоднократно он участвовал в геологических экспедициях, объездил и «исходил» всю страну. Работал С. С. Шульц много лет во ВСЕГЕИ и в Университете, защитил кандидатскую диссертацию, потом (в 1995) докторскую, стал доктором геолого-минералогических наук и в 1996 году – профессором.

Не получив диплом о высшем образовании историка, историком он все-таки стал, написав и издав несколько книг по истории любимого города, в котором прошла вся его трудовая плодотворная жизнь. Его книг («Бродячая собака», «Дом искусств», «Храмы Петербурга. История и современность») давно уже нет в книжных магазинах. И две его крупные исторические работы изданы в 2004 году – последнем году его жизни.

Пришлось Сергею Сергеевичу в 1990-х годах пережить и ужасную трагедию – гибель единственного сына, тоже Сергея. Строгого объективного расследования этого темного дела не проводилось. О его обстоятельствах я знаю только из пересказов знакомых, то есть по слухам, поэтому говорить об этом я не буду. После трагедии Сергей Сергеевич заметно сник, поседел, появилась тоска в глазах.

Десять лет назад вышел из печати прекрасно изданный художественный альбом о храмах Петербурга с историческими справками о всех монастырях, церквях, часовнях. Особенность этого труда в том, что посвящен он не только православному, но и храмам других христианских конфессий (старообрядчество, единоверие, баптизм, лютеранство, католицизм), а также нехристианских (ислам, иуда-

изм, буддизм). До сих пор поражаюсь, как у ученого и практика геолога хватило времени, глубоких знаний и неослабевающего интереса к этой сфере истории города, истории религии.

Позволено ли мне, не являвшемуся членом комитета по присуждению Анциферовских премий, выразить недоумение – почему эта блестящая работа не была ни разу отмечена ни премией, ни дипломом? Несомненно, у комитета были какие-то соображения на этот счет, возражения против этой работы. Мне они неизвестны. Но через некоторое время предстоит новый тур выдвижения и обсуждения работ о Петербурге на Анциферовскую премию. Работы С. С. Шульца (о храмах, о Невской перспективе, об Авроре Карамзиной) премии вполне достойны.

Книга Сергея Шульца с кратким заглавием «Аврора» вышла в издательстве ДЕАН в 2004 году. Посвящена она не революционному крейсеру, большевистскому символу, а прекрасной женщине Авроре Карловне Шерваль, в замужестве Демидовой, потом Карамзиной, сделавшей много и для России, и для Финляндии. Сергей Сергеевич был в нее (через сто лет) влюблен и мог рассказывать об Авроре часами. В год своего 70-летнего юбилея и незадолго до неожиданной кончины он имел радость – увидеть изданной свою книгу о женщине, перед которой преклонялся.

И в заключение, как историк и архивист, хочу высказать пожелание, чтобы не пропал, не растерялся научный архив С. С. Шульца. Встречая его в архивах, в библиотеках, я видел у него тетради и отдельные листы с записями, с выписками из документов. Имел он множество портретов, фотографий, которые так украшают его книги. Горько предположить, что могут исчезнуть для будущих исследователей его черновики и рукописи, материалы, которые послужили основой его трудов и публикаций.

Светлая память о профессоре Сергее Сергеевиче Шульце – геологе, историке, генеалогe, поэте, лекторе сохранится надолго в сердцах его коллег и читателей.

А. С. Дубин

Заседание редколлегии журнала «История Петербурга» в Галерее Третьякова

23 ноября редколлегия журнала «История Петербурга», сохраняя традицию заседать в музеях и галереях города, провела очередное заседание в Галерее Третьякова.

Первым выступил Виталий Петрович Третьяков – создатель галереи. Он рассказал об истории ее создания и об издательстве «Сад искусств».

Для реализации петербургской программы «Открытие» (см. журнал «История Петербурга» № 3 (7), 2002. С. 61–63), во-первых, было создано издательство «Сад искусств», специализирующееся на издании «умных» открыток – открыток с текстами на оборотной стороне, рассказывающих о том, что изображено на лицевой стороне открытки. На сегодняшний день издано более 300 видов разных открыток общим тиражом более полутора миллионов штук. Во-вторых, проведены десятки выставок, в том числе в рамках «Петербургского антикварного салона», Международной выставки коллекционеров в «Ленэкспо». В-третьих, продолжают издаваться книги серии «Русская открытка». В-четвертых, создан и успешно работает Детский музей открытки, в фондах которого уже 140 тысяч открыток.

Именно в рамках этой программы, у истоков которой стоял председатель Совета Федерации РФ Сергей Михайлович Миронов, создана Галерея Третьякова, которая сегодня не только магазин постоянной продажи открыток издательства «Сад искусств», но и место проведения художественных выставок. Значительным событием в этом направлении можно считать два художественных проекта: «Петербургские художественные династии» и «Художественная карта России».

Вторым выступал главный редактор журнала «История Петер-

Члены редколлегии журнала в Галерее Третьякова

бурга» Сергей Николаевич Полтораков. Он представил отчет о проделанной работе и рассказал о перспективах журнала, а также представил его нового ответственного секретаря.

Говоря о перспективах, Сергей Николаевич отметил две положительные тенденции.

Во-первых, растет подписка на журнал, причем не только в Санкт-Петербурге, но и за его пределами.

Во-вторых, портфель издания все время пополняется интереснейшими материалами, что позволит и в дальнейшем делать журнал разнообразным, поддерживая его высокий уровень. В ответ на это заявление от членов редколлегии поступило предложение увеличить число номеров журнала, издаваемых в год. Но эта идея, безусловно очень правильная, была пока отложена – до достижения более устойчивого финансового положения журнала.

На обсуждение Сергей Николаевич внес вопрос о больших ма-

териалах. Целесообразно ли публиковать статьи, растянутые на несколько номеров? Мнения редколлегии разделились. После обсуждения пришли к консенсусу – такие длинные материалы нужны, но в том случае, если они написаны специально для журнала «История Петербурга», а не публикуются параллельно в других изданиях или издаются отдельными книгами.

Общую поддержку всех членов редколлегии вызвало предложение увеличить число тематических номеров.

Так же единодушно было решено пригласить профессора, доктора исторических наук Евгения Викторовича Анисимова войти в состав редколлегии журнала.

Завершая встречу, главный редактор «Истории Петербурга» от имени всей редколлегии пожелал сотрудникам Галереи Третьякова удачи в реализации творческих проектов.

Сведения об авторах

АПАРИН Борис Федорович – директор Центрального музея почвоведения им. В. В. Докучаева, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

БАРЫШНИКОВ Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

БАРЫШНИКОВА Татьяна Евгеньевна – сотрудник Института гуманитарного образования (Санкт-Петербург).

БАЧИНИН Владислав Аркадьевич – доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук. Ведущий научный сотрудник Социологического института Российской академии наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского христианского университета, руководитель научно-исследовательского центра Ассоциации христианских церквей «Союз Христиан».

ВАРЕНИК Олег Павлович – председатель Санкт-Петербургского Общества ревнителей истории Стрельны, директор музея «Морская Стрельна».

ГАККЕЛЬ Марина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент. Работала на Ленинградском Металлическом заводе, в Ленинградском государственном институте культуры им. Н. К. Крупской. Пенсионерка.

ДУБИН Арсений Семенович – кандидат исторических наук, архивист, экскурсовод.

КОЧЕРОВА Елена Игоревна – старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Ораниенбаум».

КУМЕЙКО Анастасия – учащаяся гимназии № 587 Фрунзенского района Санкт-Петербурга.

ИГНАТЬЕВА Галина Петровна – заведующая отделом «Шлиссельбургская крепость» Государственного музея истории Петербурга, заслуженный работник культуры РСФСР.

КАЛЁНОВ Павел Александрович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук.

ЛАВРЕНТЬЕВ Николай Владимирович – член Краеведческого центра «Лесное» в Доме детского творчества «Союз».

ЛУРЬЕ Вячеслав Михайлович – военный историк.

МУДРОВ Юрий Витальевич – заместитель директора по научной работе Государственного музея-заповедника «Ораниенбаум».

НИЦМАН Орест Рейнгольдович – дизайнер, художник, журналист, член Дворянского собрания Санкт-Петербурга.

ОВЧИННИКОВ Кирилл Владимирович – кандидат химических наук, секретарь Совета по архитектурному и историческому наследию Российского союза архитекторов.

ПАЦИНСКАЯ Ирина Олеговна – историк, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Петергоф».

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «История Петербурга».

ПРОКОФЬЕВА Мария – учащаяся гимназии № 587 Фрунзенского района Санкт-Петербурга.

ПЯТИНИН Валерий Федорович – режиссер кино и телевидения, журналист.

СИНДАЛОВСКИЙ Наум Александрович – писатель, исследователь истории Петербурга.

СОКОЛОВА Оксана – учащаяся гимназии № 587 Санкт-Петербурга.

СТОЛБОВА Наталья Павловна – методист краеведения Дома творчества юных «На Ленской» Красногвардейского района Санкт-Петербурга, педагог, краевед, экскурсовод, автор ряда публикаций об Охте.

ТАГИРДЖАНОВА Альмира Наймовна – краевед, выпускница Общественного объединения «Университет Петербурга».

ХАЙТ Наталия Михайловна – экскурсовод бюро «Пулковский меридиан».

ЯКИМОВА Светлана Алексеевна – учитель истории гимназии № 587 Фрунзенского района Санкт-Петербурга.

История Петербурга журнал

№ 1 (23) 2005

Корректор *Т. В. Королева*

Компьютерная верстка и дизайн обложки *Е. А. Тальянова*

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор»

Подписано в печать 03.01.2005. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12,5 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1000) экз.

Отпечатано в типографии «TOURUSSELL».

Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1. Лицензия ПД № 2-69-571.

Заказ № 12272

Салон Петербург

АНТИКВАРИАТ ОСН. 1990 Г.

Живопись, мебель,
прикладное искусство,
ювелирные изделия

с 10 до 20 ежедневно

Невский, 54
метро "Гостиный Двор"
напротив Екатерининского сада

тел: 571-40-20

nevsky54@mail.ru

*Читайте
в ближайших номерах*

Ю. Н. Петров

Литовский канал.

Откуда и зачем он был проложен

А. В. Гринев

Основатель Русской Америки
(несколько штрихов к портрету
Г. И. Шелихова)

В. А. Васильев

К 110-летию со дня открытия
Санкт-Петербургской биологической
лаборатории имени П. Ф. Легафта

В. Г. Желтов

Москвич Владимир Высоцкий
в Ленинграде

М. М. Фокин

По левому берегу Невы, или
Четыре дистанции
архитектора Волкова

А. Марио Редаэлли, П. Тодорович
Тессинские строители в Петербурге
в первой половине XIX века

И. Д. Гузевич, Д. Ю. Гузевич

О Германе, об инженерах и
о дочке станционного смотрителя

